

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Шабанова М.А. Обращение с продуктами питания как сфера (не)этичного потребления в России

Поланьи К. В поисках средств к существованию: введение к книге

Клинова М.А. Трудовая мотивация горожан: репрезентация эталона на страницах советской прессы, 1946–1956 гг.

Русакова М. М., Александрова А. А., Жарикова А. В., Ткач С.

Связь социально-гражданской активности и трудовых установок учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений.

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 2
Март 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 2.
March 2026

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 27. № 2.
Март 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 27. No 2.
March 2026

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*)..... 7

Новые тексты

М. А. Шабанова

Обращение с продуктами питания как сфера (не)этичного потребления в России..... 11

Новые переводы

К. Поланьи

В поисках средств к существованию: введение к книге 52

Расширение границ

М. А. Клинова

Трудовая мотивация горожан: репрезентация эталона
на страницах советской прессы, 1946–1956 гг. 63

М. М. Русакова, А. А. Александрова, А. В. Жарикова, С. Ткач

Связь социально-гражданской активности и трудовых установок учащихся
специальных учебно-воспитательных учреждений. 83

Профессиональные обзоры

Ж. Е. Ильина

Современная поведенческая экономика: поиск новой парадигмы
По мотивам ежегодной конференции Общества по развитию поведенческой
экономики (SABE), г. Тренто (Италия), 5–7 июня 2025 г. 111

Новые книги

А. Г. Дейнеко

Право и кино: размышления правоведа над книгой В. В. Радаева
«Смотрим кино, понимаем жизнь»
Рецензия на книгу: Радаев В. В. 2025. *Смотрим кино, понимаем жизнь:*
23 социологических очерка. Изд. 3-е, доп. М.: Изд. дом ВШЭ
(серия «Социальная теория»). 464 с..... 142

Д. Р. Лебедева

Климатический кризис как экономсоциологическая проблема
Рецензия на книгу: Beckert J. 2024. *How We Sold Our Future:*
The Failure to Fight Climate Change. Cambridge: Polity Press
(translated by R. Cunningham). 227 p..... 149

Конференции

Круглый стол «Авторство в эпоху искусственного интеллекта:
к 25-летию электронных журналов “Экономическая социология”
и “Социологическое обозрение”», НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 15 апреля 2026 г. 168

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

New Texts

Marina Shabanova

Handling Food as a Sphere of (Non)Ethical Consumption in Russia..... 11

New Translations

Karl Polanyi

The Livelihood of Man: Introduction 52

Beyond Borders

Marina Klinova

The Labor Motivation of Townspeople:

Representations of the Standard on the Pages of the Soviet Press, 1946–1956 63

Maya Rusakova, Anastasiya Alexandrova, Anna Zharikova, Sergey Tkach

The Influence of Civic and Social Activity

on the Work Attitudes of Students in Special Educational Institutions 83

Professional Reviews

Zhanna Ilina

Contemporary Behavioral Economics: Searching for a New Paradigm

Based on SABE Annual Conference, Trento, Italy, June 5–7, 2025 111

New Books

Aleksei Deineko

Law & Movie: Reflections of a Lawyer on

V. Radaev's Book *Watching Movies, Understanding Life*

Book Review: Radaev V. V. (2025) *Smotrim kino, ponimaem zhizn*

[*Watching Movies, Understanding Life: 23 Sociological Essays*], 3rd edn.,

Moscow: HSE Publishing House (in Russian)..... 142

Daria Lebedeva

The Climate Crisis as an Economic Sociology Problem

Book Review: Beckert J. (2024) *How We Sold Our Future:*

The Failure to Fight Climate Change, Cambridge: Polity Press

(translated by Ray Cunningham). 227 p..... 149

Conferences

Authorship in the Age of Artificial Intelligence

(dedicated to the 25th Anniversary of the first e-journals “Journal of Economic Sociology”

and “Sociological Review”), HSE University, Moscow, Russia, April 15, 2026 168

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Журналы НИУ ВШЭ «Экономическая социология» и «Социологическое обозрение» объявляют VI Конкурс научных работ на соискание премии имени Макса Вебера и приглашают к участию молодых исследователей в области теоретической и эмпирической социологии, социальной философии, интеллектуальной истории и смежных полей социального и гуманитарного знания. Тема конкурса в 2026 г.: «Хозяйство и общество: от социологической классики к новейшим подходам».

Далее представляем новый номер нашего журнала.

В рубрике «**Новые тексты**» предлагается статья доктора социологических наук *М. А. Шабановой* (профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ) «Обращение с продуктами питания как сфера (не)этичного потребления в России». На основе данных трёх репрезентативных исследований в России (2020, 2022, 2024 гг., $N = 2000$ чел. в каждом) автором выявлены изменения в уровне включения потребителей в выбрасывание и в разные практики «спасения» продуктов питания. В результате выделены четыре типа потребителей («последовательные этичные», «непоследовательные этичные», «устойчивые невыбрасыватели», «последовательные выбрасыватели») и вскрыта неоднородность состава как выбрасывателей, так и невыбрасывателей еды.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с переводом фрагмента книги *Карла Полянски* «В поисках средств к существованию» («The Livelihood of Man»). В этой книге на теоретическом уровне разбираются концепты торговли, денег и рыночных институтов. На историческом уровне приводятся конкретные примеры, которые вдыхают жизнь в теоретические обобщения. А на политическом уровне автор стремится получить от истории ответ на некоторые насущные моральные и практические проблемы XX столетия. В журнале «Экономическая социология» публикуется введение, где Полянски объясняет ключевой замысел и цель книги. Перевод с английского *Аллы Белых* под научной редакцией *Андрея Белых*. Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья доктора исторических наук *М. А. Клиновой* (ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Трудовая мотивация горожан: репрезентация эталона на страницах советской прессы, 1946–1956 гг.». В статье предпринят анализ, направленный на выявление изменения мобилизационной риторики, структуры, содержания и динамики нормативного паттерна мотивации труда горожан, презентуемого в советской прессе 1946–1956 гг. разного уровня. Источниковую основу исследования составляют материалы 13 изданий советской прессы. Обнаружено, что во второй половине 1940-х гг. наибольшей востребованностью в СМИ характеризовались лексемы, определявшие мотивацию труда: долг и благополучие Родины.

Рубрику продолжает статья кандидата социологических наук *М. М. Русаковой*, *А. А. Александровой*, *А. В. Жариковой* и *С. Ткача* (все из Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета) «Связь социально-гражданской активности и трудовых установок учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений». В рамках статьи анализируется соотносённость категорий противоправной деятельности, гражданской активности и труда. По итогам анализа продемонстрировано, что социально-гражданская активность позитивно влияет на разделяемые трудовые

установки подростков и практики по получению профессии в ситуации, когда она тематически связана с военно-патриотической деятельностью.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» нас ожидает материал «Современная поведенческая экономика: поиск новой парадигмы. По мотивам ежегодной конференции общества по развитию поведенческой экономики (SABE) г. Тренто (Италия), 5–7 июня 2025 г. Обзор подготовлен кандидатом экономических наук *Ж. Е. Ильиной* (старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета). Показывается, что исследования в области поведенческой экономики направлены на решение таких ключевых задач современной экономической науки, как моделирование социально-экономических процессов, выявление их сущности и взаимообусловленности. В фокусе внимания оказываются также вопросы рациональности поведения и принятия решений в условиях неопределённости, методы прогнозирования рисков, теория и эмпирика социальных взаимодействий, ожидания и социальные нормы, эволюция предпочтений и образ действий в поведенческих играх, а также теоретические аспекты методологии экономических исследований.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу: Радаев В. В. 2025. *Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка*. Изд. 3-е, доп. М.: Изд. дом ВШЭ. Эта книга стала результатом систематизации материалов Рождественские киносеминаров, уникального проекта факультета социальных наук Высшей школы экономики, которому уже более 20 лет. В обзоре представлен взгляд правоведа на социальные проблемы и вызовы, отражённые В. Радаевым в книге. Показано, что многие правовые категории (такие как правосознание, правовая культура, правовой нигилизм) имеют большой потенциал для изучения социологической наукой. Не обошлось и без влияния цифровых технологий на право и общество (данному вопросу посвящены три завершающих эссе книги). Рецензию подготовил кандидат юридических наук *А. Г. Дейнеко* (профессор департамента права цифровых технологий и биоправа НИУ ВШЭ).

Далее мы публикуем рецензию на книгу «Как мы продали наше будущее. Неудача в борьбе с изменением климата»: Beckert J. 2024. *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*. Cambridge: Polity Press. Книга *Йенса Беккерта*, профессора социологии и директора Института Макса Планка по изучению обществ, предлагает системный анализ причин неспособности современных обществ адекватно реагировать на климатический кризис. Автор книги предлагает структурный анализ системного тупика, объясняя, почему давление парадигмы экономического роста в рамках современного капитализма слишком сильно для своевременной реакции на климатический кризис. Рецензия подготовлена кандидатом социологических наук *Д. Р. Лебедевой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

В рубрике «**Научные конференции**» мы анонсируем запланированный Круглый стол «Авторство в эпоху искусственного интеллекта», который приурочен к празднованию 25-летия первых специализированных академических электронных журналов «**Экономическая социология**» и «**Социологическое обозрение**». Круглый стол проводится 15 апреля с. г., с 14.30 до 16.00, в рамках XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина, которая пройдет в Высшей школе экономики в Москве 14–17 апреля 2026 г.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

The NRU HSE journals *Economic Sociology* and *Sociological Review* announce the VI Competition of Scholarly Papers for the Max Weber Prize/ They invite young researchers in theoretical and empirical sociology, social philosophy, intellectual history, and related fields of social and humanitarian knowledge to participate. The theme of the 2026 competition is ‘Economy and Society: From Sociological Classics to the Latest Approaches’.

Now let us introduce of a new journal issue.

Professor *Marina Shabanova* (Faculty of Economic Sciences, HSE) present her new study ‘Handling Food as a Sphere of (Non)Ethical Consumption in Russia’. Based on data from three representative surveys in Russia (2020, 2022, and 2024; $N = 2,000$ respondents each), the paper examines changes in consumer engagement in both throwing food away and various food rescue practices. It describes four types of consumers (“consistently ethical”, “inconsistently ethical”, “stable non-throwers away”, and “consistent throwers away”) and reveals heterogeneity of both throwers and non-throwers away.

We publish a translation of a part of the *Karl Polanyi’s* book *The Livelihood of Man*. At the theoretical level, the author examines concepts of trade, money, and market institutions. At the historical level, specific examples bring theoretical generalizations to life through comparison or contrast. At the political level, the author seeks answers from history to pressing moral and practical problems of the 20th century. The *Journal of Economic Sociology* publishes an introduction in which Polanyi explains the book’s key idea. The book is translated by *Alla Belykh* and edited by *Andrey Bekyjh*. It is published with kind permission of the Gaidar Institute Publishing House.

Dr. *Marina Klinova* (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg) presents her paper ‘The Labor Motivation of Townspeople: Representations of the Standard on the Pages of the Soviet Press, 1946–1956.’ The article analyzes the structure, content, and dynamics of the normative pattern of urban labor motivation, presented in the Soviet press at various levels, aimed at identifying changes in the mobilization rhetoric of the media in 1946–1956. Drawing on materials from 13 Soviet press publications, the research reveals that in the second half of the 1940s, lexemes framing labor motivation as duty and the well-being of the Motherland were most prevalent in the media.

Dr. *Maya Rusakova*, *Anastasiya Alexandrova*, *Anna Zharikova*, and *Sergey Tkach* (all from the Center for Applied Sociology, St. Petersburg State University) present their new paper ‘The Influence of Civic and Social Activity on the Work Attitudes of Students in Special Educational Institutions’. The article analyzes the relationship between illegal activity, civic engagement, and labor attitudes. The analysis demonstrates that socio-civic activity positively impacts adolescents’ shared labor attitudes and professional practices when thematically linked to military-patriotic activities.

Dr. *Zhanna Ilina* (Senior Lecturer, Saint Petersburg State University) presents the analytical review ‘Contemporary Behavioral Economics: Searching for a New Paradigm Based on SABE Annual Conference, Trento, Italy, June 5–7, 2025.’ It demonstrates that research in behavioral economics is primarily aimed at addressing key challenges in modern economics, including modeling socioeconomic processes, identifying their essence and interdependence, and understanding human behavior. Behavioral economics primarily focuses on issues such as behavioral rationality and decision-making under uncertainty, risk forecasting methods, theory and

empirical evidence of social interactions, expectations and social norms, the evolution of preferences and behavior in behavioral games, and theoretical aspects of economic research methodology.

Dr *Aleksei Deineko* (HSE School of Digital Law and Bio-Law) presents his reflections on *Vadim Radaev's* book *Watching Movies, Understanding Life* (3rd edition, 2025). This book stems from a unique project at HSE University's Faculty of Social Sciences, ongoing for over 20 years. The review offers the legal scholar's perspective on the social issues and challenges in the book's 23 essays from its third edition. It demonstrates that many legal categories—such as legal consciousness, legal culture, and legal nihilism—hold great potential for sociological study. The book also discusses the impact of digital technologies on law and society in its three final essays.

Dr. *Daria Lebedeva* (LSES, HSE University) prepared a review of Jens Beckert's book *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change* (Cambridge: Polity Press., 2024). Beckert, Professor of Sociology and Director at the Max Planck Institute for the Study of Societies at Cologne, offers a systematic analysis of why modern societies fail to respond adequately to the climate crisis. The author provides a structural diagnosis of this systemic impasse and climate inaction, explaining why the pressure of the economic growth paradigm within capitalism prevent timely responses.

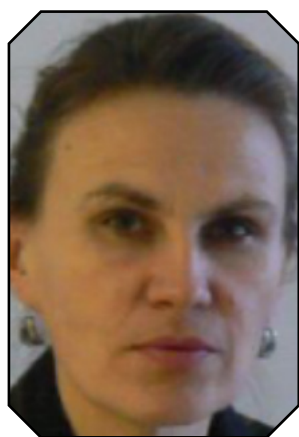
25th Anniversary of the Electronic Journals *Economic Sociology* and *Sociological Review*

Finally, we announce the planned Round Table 'Authorship in the Era of Artificial Intelligence,' timed to coincide with the 25th anniversary of the first specialized academic electronic journals *Economic Sociology* and *Sociological Review*. The Round Table will be held on April 15 from 14:30 to 16:00 as part of the XXVI Yasin (E. G. Yasin) International Academic Conference on Economic and Social Development, taking place at the Higher School of Economics in Moscow from April 14–17, 2026.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

М. А. Шабанова

Обращение с продуктами питания как сфера (не)этичного потребления в России¹

ШАБАНОВА Марина Андриановна — доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.
Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: mshabanova@hse.ru

В современном мире пищевые отходы потребителей (домохозяйств) — крупномасштабная экологическая, экономическая, социальная и этическая проблема, ослабление которой отвечает целям устойчивого развития ООН (задача 12.3). В статье на основе данных трёх репрезентативных исследований в России (2020, 2022, 2024 гг., N = 2000 чел. в каждом) выявлены изменения в уровне включения потребителей как в выбрасывание, так и в разные практики «спасения» продуктов питания. Поскольку самым эффективным способом борьбы с пищевыми отходами признаётся предотвращение их образования, именно под этим углом зрения рассматриваются действия потребителей на разных стадиях (не)этичного обращения с продуктами питания (покупка, использование, избавление). В результате выделены четыре типа потребителей («последовательные этичные», «непоследовательные этичные», «устойчивые невыбрасыватели», «последовательные невыбрасыватели») и вскрыта неоднородность состава как выбрасывателей, так и невыбрасывателей еды. Показано, что рассогласованное включение в этичное потребление на разных стадиях может как ослаблять позитивный вклад этого феномена в продвижение целей устойчивого развития (размывание этичных покупателей «непоследовательными этичными»), так и восполнять (и даже усиливать) его за счёт «догоняющего» включения «устойчивых невыбрасывателей» на более поздних стадиях.

С помощью регрессионного анализа оценены связи между вероятностью попадания потребителей в разные типы и рядом их ценностно-деятельностных, социально-демографических и статусных характеристик, а также включённостью в разные практики «спасения» еды. Обосновывается вывод о периферийном месте бережного обращения с едой в семействе практик этичного потребления и о том, что повышение роли такого обращения с едой — многокомпонентная задача, требующая объединения усилий акторов разных уровней и типов по созданию условий, облегчающих потребителям достижение компромиссов между личной выгодой (здоровье, удовольствие от еды), значимыми социальными идентичностями, с одной стороны, и включением в сокращение пищевых отходов — с другой.

Ключевые слова: пищевые отходы; мусорная проблема; практики «спасения» еды; этичное потребление; устойчивое потребление; гражданское общество; типы потребителей.

¹ Статья подготовлена на основе результатов исследования, проведённого автором в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Проблема выбрасывания продуктов питания в современном мире стоит весьма остро: по разным оценкам, на свалке оказывается от 25–30% до пятой части всех произведённых продуктов [Mokrane et al. 2023; UNEP 2024; Earth.org. 2025]. Пищевые отходы создают 8–10% глобальных выбросов парниковых газов и занимают площадь, эквивалентную почти 30% сельскохозяйственных земель в мире [UNEP 2024]. На фоне масштабного выбрасывания продуктов питания до 783 млн. чел. ежегодно страдают от голода [UNEP 2024]. При предположении, что выброшенная пища содержит только 25% съедобных частей (а это очень консервативная оценка), в мире домашние хозяйства каждый день выбрасывают эквивалент 1 млрд порций съедобной пищи (1,3 порции еды на одного человека, страдающего от голода, в день). Цель устойчивого развития ООН (задача 12.3) [United Nations 2015] содержит обязательство к 2030 г. вдвое сократить количество пищевых отходов на душу населения в мире на уровне розничной торговли и потребителей. По расчётам, сокращение пищевых отходов на 20–50% к 2030 г. может сэкономить мировой экономике 120–300 млрд дол. США в год [Falcone, Imbert 2017: 206]. Анализ эффективности мероприятий в этой области в разных странах, городах и компаниях свидетельствует в пользу весомых экономических оснований для сокращения потерь и отходов продуктов питания на всех уровнях [Hanson, Mitchell 2017; Read, Muth 2021]. Что касается РФ, то, по данным Минприроды, в настоящее время каждый россиянин в среднем выкидывает около 88 кг еды в год², и именно на конечных потребителей (то есть на домохозяйства) приходится основная часть (71%) пищевых отходов. Иными словами, проблема пищевых отходов затрагивает все три аспекта устойчивого развития — экологический, экономический и социальный, актуализируя систематические наблюдения за предпочтениями и поведением потребителей как одного из ключевых акторов ослабления проблемы в странах с высоким и средним доходом [Шабанова 2022].

Обращение с продуктами питания тесно вплетено в повседневные практики населения. В той мере, в какой оно мотивируется не только личными, но и проэкологическими и просоциальными стремлениями, обращение с продуктами питания относится к сфере этичного (социально ответственного) потребления³, охватывая все его стадии — приобретение, использование и избавление от благ. Наше первое репрезентативное исследование практик выбрасывания и «спасения» еды в России (2020 г., пандемия) показало, что отношение россиян к выбрасыванию продуктов питания в целом отрицательное (как по социально-культурным и экономическим, так и по экологическим основаниям), однако население активно участвует не только в разных практиках «спасения» еды, но и в ее выбрасывании [Шабанова 2022]. Это дало основание полагать, что в сфере этичного потребления как таковой этичное обращение с продуктами питания занимает едва ли не самый нестабильный (ситуативный), неконсистентный и, как следствие, периферийный статус. В сравнении со смежными практиками (социально ответственные покупки несъедобных товаров; отдельный сбор бытовых отходов (РСБО), отказ от одноразовых пакетов в пользу многоразовых сумок, бесплатная передача ставших ненужными вещей другим людям и др.) моральное обязательство не выбрасывать продукты сильнее конкурирует с другими значимыми ценностями и целями индивидов (забота о здоровье (родных и своём), стремление к свежему и разнообразному питанию как к более полезному, получение удовольствия от еды и проч.); такое поведение труднее контролируется из-за напряжённого ритма жизни, усталости, непредсказуемых событий и др. В результате поведение этически настроенных потребителей в этой сфере чаще, чем в других, не согласовано как на разных

² Задера С. 2023. Глава Минприроды Козлов: в среднем каждый житель России выкидывает около 88 кг еды в год. Российская газета. 19 января. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://rg.ru/2023/01/19/glava-minprirody-kozlov-v-srednem-kazhdyj-zhitel-rossii-vykidyvaet-okolo-88-kg-edy-v-god.html> (дата обращения: 24 февраля 2026).

³ «Этичное потребление — это покупка (отказ от покупки), использование и избавление от благ в данных условиях и обстоятельствах исходя не только из соображений личной выгоды (соотношения цены и качества, доступности, привычки, личного удовольствия и пр.), но и из проэкологических и просоциальных ценностных установок, то есть с учётом влияния условий производства и последствий обращения с благами на благополучие нынешних и будущих поколений» [Шабанова 2024b: 55–56].

стадиях, так и внутри них. Именно на примере (не)этичного обращения с продуктами питания можно глубже осмыслить как границы, так и сложную, порой весьма противоречивую природу этичного потребления как такового в данном социально-экономическом и культурном контекстах.

Между тем, несмотря на растущее число исследований практик выбрасывания продуктов питания⁴ (см., например: [Simões, Carvalho, Gaspar de Matos 2022; Mokrane et al. 2023]), основная их часть проведена на небольших нерепрезентативных выборках с помощью качественной методологии [UNEP 2024]. Более редкие количественные и сравнительные исследования показывают значимость культурного и социально-экономического контекстов, специфику феномена и эффективности воздействия на него на уровне отдельных стран и регионов [Aschemann-Witzel, Giménez, Ares 2019; Aschemann-Witzel, Hooge, Almlí 2021; Chang 2021; Wang, McCarthy, Kapetanaki 2021; Read, Muth 2021], а также неоднозначное воздействие пандемии на эту сферу [Chang et al. 2022; Iranmanesh et al. 2022; Borghesi, Morone 2023; Everitt, Werf, Gilliland 2023]. Лишь в единичных исследованиях отслеживаются динамика и достигнутый прогресс в сокращении пищевых отходов на страновом уровне (Великобритания, Япония и др.) [UNEP 2024; WRAP 2023a; 2023b]. Практически не поднимается вопрос о вкладе в этот феномен поведения потребителей на разных стадиях (не)этичного обращения с продуктами питания, будь то покупки или широко понимаемое использование, включающее распоряжение приобретёнными благами, их хранение и проч., а именно в какой степени непоследовательное включение в этичное обращение с продуктами на разных стадиях ослабляет вклад такого обращения в продвижение принципов устойчивого развития, а в какой, напротив, компенсирует («погашает») отступление от этических принципов на предыдущих стадиях. Всё это препятствует пониманию закономерностей воспроизводства и достигнутой степени «зрелости» феномена и актуализирует его исследование не только в данном социально-экономическом и культурном контекстах, но и с охватом разных стадий.

Какие же изменения произошли в (не)этичном обращении россиян с продуктами питания в постпандемийные годы? В какой степени согласуется поведение по предотвращению пищевых отходов на разных стадиях (приобретение, использование, избавление)? Что общего и каковы отличия в ценностно-деятельностных и статусных характеристиках «последовательных» и «непоследовательных» потребителей в обращении с продуктами питания? Как практики в этой сфере соотносятся с традиционной сферой гражданского общества? Таким образом, цели данной работы следующие: во-первых, на основе репрезентативных исследований (2020, 2022, 2024 гг.) выявить изменения во включении россиян в выбрасывание и «спасение» продуктов питания; во-вторых, определить уровень (не)согласованности между вовлечённостью в (не)этичное обращение с продуктами на разных стадиях, а также выяснить специфику ценностно-деятельностных характеристик «последовательных» и «непоследовательных» типов. На этой основе — оценить условия и потенциал расширения вклада практик обращения с продуктами питания в продвижение этичного потребления и целей устойчивого развития в России.

Теоретико-методологические основания и гипотезы

Данная статья продолжает серию наших работ по этичному потреблению, одним из видов которого выступает бережное обращение с продуктами питания. Поскольку накопленное научное знание в отношении выбрасывания и «спасения» еды и реализуемый подход представлены в недавней статье [Шабанова 2022], обозначим лишь те ключевые позиции, которые уточняют наше исходное теоретическое представление о месте и условиях отнесения феномена к этичному потреблению и сфере гражданского общества, акцентируя необсуждавшиеся прежде вопросы о роли (рас)согласованности между разными стадиями (не)этичного обращения с продуктами питания в их (не)выбрасывании.

⁴ Первые публикации по проблеме пищевых отходов появились в конце 1990-х — начале 2000-х гг., их экспоненциальный рост фиксируется с 2011 г. Больше всего исследований проведено в США, Великобритании, Китае, Нидерландах и Италии, то есть в странах с высоким уровнем дохода и большими объёмами пищевых отходов [Mokrane et al. 2023].

Прежде всего, будем различать потребление *устойчивое* и *этичное*. На наш взгляд, они соотносятся как целое и его часть (подробнее см.: [Шабанова 2024b]). Устойчивое потребление включает не только этичное (то есть этичное по содержанию), но и квазиэтичное (то есть этичное по форме, по последствиям, непреднамеренным результатам). Это последнее продвигается стремлениями к личной экономической выгоде, а также той частью культурных норм, которые настолько глубоко усвоены, что не проходят «проверку на истинность» («так принято испокон веков», «так все поступают»), практически исключая самостоятельное моральное целеполагание, или выполняются вынужденно (из-за угрозы санкций). Обязательный же атрибут *этичного* потребления — наличие (наряду с другими или без них) проэкологических и (или) просоциальных мотивов: осознаваемых и добровольных стремлений к заботе об окружающей среде, о благополучии нынешних и будущих поколений. Наличие соображений нравственного характера (устойчивость, долг, солидарность, чувство вины и др.), выходящих за пределы сугубо частной жизни, делает обращение с благами сферой этичного потребления и гражданского общества.

Действия, позволяющие индивидам самореализовываться, сочетая личный интерес и общее благо, М. Микелетти называет индивидуализированными коллективными действиями (*individualized collective actions*) [Micheletti 2003]. Их отличают следующие признаки: вовлечённость потребителей в ослабление той проблемы, которую они сами, независимо от статусных позиций, считают общественно важной; активность вне членства в каких бы то ни было гражданских ассоциациях или партиях; менее ассоциативный и более спонтанный характер; базирование на гибких — встроенных в конкретные ситуации — идентичностях [Micheletti 2003: 25–26]. Эти идентичности возникают не только с реальными (офлайн, онлайн), но и с воображаемыми сообществами [Shaw 2007; Webb 2007]. Более того, потребители могут действовать и без оглядки на какие бы то ни было сообщества вообще, просто делая то, что, по их мнению, должны были бы делать все, не желая своими действиями усугублять проблему, которую находят общественно значимой [Шабанова 2025]. В этом смысле гражданская самоорганизация потребителей в продвижении проэкологических и просоциальных целей и ценностей, на наш взгляд, может быть не только групповой, но и индивидуальной. Первая, разумеется, более эффективная и заметная, но и вторая в определённых условиях становится весьма значимой, хотя зачастую и невидимой, по крайней мере, до тех пор, пока не трансформируется в групповую (например, возникновение фудшеринга между людьми через группы в социальных сетях в разных городах России⁵).

Наличие проэкологических и (или) просоциальных ценностных установок в реализуемых принципах обращения с благами — главный отличительный признак этичных потребителей, но не единственный. Как справедливо отмечает А. Этциони, индивидам одновременно присущи как морально-культурные, так и эгоистические устремления, которые могут находиться в конфликте друг с другом [Etzioni 2003: 115], причём «не ценности управляют поведением, а постоянный конфликт и напряжение между, с одной стороны, личным интересом и принципом удовольствия, и с другой — силой моральных обязательств» [Etzioni 2003: 113]. Эти напряжения и компромиссы различаются не только у разных групп потребителей, но и в рамках разных практик.

Практики (не)этичного обращения с продуктами питания, пожалуй, в наибольшей степени затрагивают сложившийся образ жизни потребителей, моральные режимы их повседневной жизни, входя в противоречие с другими актуальными социальными ролями и идентичностями (хорошая и (или) заботливая хозяйка; хорошие родители и др.) [Evans 2012; Hebrok, Boks 2017; Barone, Grappi, Romani 2019;

⁵ В настоящее время такие сообщества есть в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Архангельске, Владивостоке, Волгограде, Дубках, Иркутске, Ангарске, Шелехове, Калининграде, Казани, Карелии, Краснодаре, Набережных Челнах, Новосибирске, Перми, Петропавловске-Камчатском, Самаре, Тюмени; см.: *Продуктосбережение (фудшеринг) в вашем городе*. Электронный ресурс (режим доступа): <https://telegra.ph/Karta-fudsheringa-08-29> (дата обращения: 25 февраля 2026).

Geffen et al. 2020]. Такие практики чаще имеют непреднамеренный и ситуативный характер из-за напряжённого ритма жизни, усталости, непредсказуемых событий, вносящих коррективы в повседневные планы потребителей, поэтому именно здесь чаще, чем в других сферах, можно ожидать появления рассогласованностей в поведении потребителей по предотвращению пищевых отходов на разных стадиях обращения с продуктами, что сказывается на характере воспроизводства феномена в целом в данных условиях и обстоятельствах, а также на его месте в семействе этических потребительских практик.

Для прояснения этого вопроса в зависимости от полноты охвата разных стадий (не)этичным обращением с продуктами питания, сопровождающихся их (не)выбрасыванием, выделим четыре типа потребителей: (1) «последовательные этические» (придерживаются этических принципов как при покупке продуктов питания, так и на последующих стадиях и действительно избегают выбрасывания); (2) «непоследовательные этические» (хотя и контролируют количество покупаемых продуктов, дабы избежать выбрасывания, в дальнейшем всё же отправляют еду на свалку); (3) «устойчивые невыбрасыватели» (на стадии покупок не прибегают к стратегии «купи столько, сколько съешь», но впоследствии, несмотря на это, избегают выбрасывания); (4) «последовательные выбрасыватели» (покупая определённое количество продуктов, не учитывают риски образования излишков и действительно регулярно выкидывают еду). Эти типы потребителей неодинаково проявляют себя на разных ступенях хорошо известной пирамиды пищевых отходов. Её верхняя часть (наиболее привлекательный вариант обращения с продуктами питания) — предотвращение (профилактика) образования пищевых отходов; далее идёт распределение излишков среди групп населения; затем — переработка на корм животным; ещё ниже — компостирование; и наименее благоприятный вариант — утилизация [Papargyropoulou et al. 2014; Giordano et al. 2020]. Накопленное научное знание о феномене в целом позволяет выдвинуть ряд гипотез в отношении выделенных типов потребителей.

Начнём с ключевого признака этичного потребления — наличия у потребителей хорошо осознаваемых и добровольных проэкологических и (или) просоциальных стремлений. Для их измерения в ряде зарубежных исследований этичной утилизации бытовых отходов используется «зелёный моральный индекс» (см., например: [Berglund 2006: 564]). В адаптированном и слегка упрощённом виде он хорошо зарекомендовал себя и в России, причём в исследованиях самых разных видов этичного потребления — этических покупок (бойкотов), РСБО, ряда практик по сокращению количества образуемых отходов, включая покупку по экологическим соображениям ровно такого количества продуктов питания, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего [Шабанова 2019; 2021; 2023; 2024а; 2025]. Индекс включает четыре основания: (1) желание индивида ощущать себя ответственным человеком; (2) желание вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений; (3) уверенность в том, что это экономически выгодно для общества в целом, а также (4) стремление делать то, что, по мнению индивида, должны делать все. Вместе с тем в исследованиях ряда практик этичного потребления фиксируются значимая связь с соображениями частной выгоды [Cotte, Trudel 2009; GMA, Deloitte... 2009; Black, Cherrier 2010; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019; Шабанова 2023], уверенность в ненанасности прилагаемых личных усилий для ослабления важной экологической и (или) общественной проблемы (см., например: [Klein, Smith, John 2004; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019; Jung, Oh, Kim 2021]). В связи с этим наша первая группа гипотез такова:

Гипотезы 1а, 1б, 1с (H 1а, H 1б, H 1с): Чем выше «зелёный моральный индекс», отражающий силу проэкологических и просоциальных стремлений при включении в сокращение количества образуемых отходов как таковых, тем выше вероятность попадания в этические типы («последовательные» и «непоследовательные») в обращении с продуктами питания (H 1а). Положительно ассоциировано с включением в эти типы и наличие у индивидов соображений частной выгоды (экономической и неэкономической) от подобного рода активности (H 1б), а также

уверенность в успешности (ненапрасности) прилагаемых усилий и личном влиянии на решение важной проблемы (*H 1c*).

Моральные стремления в отношении сокращения количества бытовых отходов как таковых могут заметно отличаться от тех нормативных представлений, которые повседневно разделяют индивиды в более узкой сфере — в выбрасывании продуктов питания. Доступные данные о ценностно-нормативных подкреплениях бережного обращения с продуктами питания весьма разнообразны: культурное («Бережное отношение к продуктам питания нам привито с детства: пример родителей, бабушек, дедушек, переживших трудные времена, голод; сами выросли в условиях дефицита»); экономическое («Выбрасывать еду значит выбрасывать деньги на помойку, разбазаривать семейный бюджет»); экологическое («Выбрасывая еду, люди наносят вред окружающей среде: напрасный расход воды и энергии на производство продуктов, вредные газы при разложении пищевых отходов на свалках»). В совокупности все эти подкрепления (позиция безусловного согласия) свидетельствуют об уровне осознанности и неприятия потребителями последствий выбрасывания еды. При прочих равных можно ожидать более высокую приверженность потребителей, безусловно разделяющих эти позиции, этичному обращению с продуктами и, возможно, более высокую готовность нести определённые издержки (дополнительные усилия) по корректировке своего поведения. Во всяком случае, минимизация выбрасывания продуктов питания — социально укоренённый процесс, сопровождающийся эмоциональными переживаниями («укоры совести», «грех», чувство вины) [Асатурян, Ергунева 2018; Шабанова 2022]. Не случайно эксперименты свидетельствуют о том, что влияние на поведение, предотвращающее отходы, сильнее, когда в инструменты воздействия (наклейки, листовки, рецепты, мерные стаканы) добавляются мотивационные сообщения, основанные на социальных нормах [Herpen et al. 2023]. Исходя из сказанного сформулируем вторую группу гипотез:

Гипотезы 2a, 2b, 2c (H 2 a, H 2 b, H 2c): Чем разнообразнее «точки подкрепления» ценностно-нормативного характера в отношении бережного отношения к продуктам питания у индивидов, тем выше вероятность попадания как в тип «этичных последовательных», так и в тип «этичных непоследовательных» (*H 2a*), причём в первый в большей степени, чем во второй (*H 2b*). При наличии всех трёх «точек подкрепления» — экологической, экономической, культурной — положительная связь с включением в тип «последовательных этичных» самая высокая (*H 2c*).

Отступление от этических принципов может быть сопряжено с возникновением чувства вины и снижением субъективного благополучия, а следовательно, с поиском оправданий. Они в краткосрочной перспективе могут брать верх над этическими принципами, будь то гедонистические соображения («Еда должна приносить удовольствие: трудно есть неприятную пищу только ради того, чтобы её не выбрасывать»), привычки и предпочтения в сфере питания, изменение планов («Ряд жизненных обстоятельств делает выбрасывание еды неизбежным: усталость после работы, изменение планов, диета, стремление к разнообразному и свежему питанию и др.») или экономические убеждения («Не стоит переживать по поводу выбрасывания продуктов, так как нетрудно купить новые, свежие. Мы можем себе это позволить»). Чем больше таких оправданий разделяют потребители, тем более ожидаемо то, что они с большей вероятностью выбрасывают еду. Исследователи также фиксируют, что в развитом и благополучном обществе переживания по поводу выбрасывания продуктов потребители могут считать бессмысленными («Это признак недостаточно обеспеченных людей») [Асатурян, Ергунева 2018: 179, 180], что «цели, достигаемые в течение более короткого периода и сулящие существенные личные выгоды (такие как удовольствие или здоровье), легко перевешивают цели по борьбе с отходами» [Herpen et al. 2023: 3], а осознание неподконтрольности индивидам ряда жизненных ситуаций может приводить к выбрасыванию пищевых отходов без особого чувства вины [Geffen et al. 2020]. Третья группа гипотез такова:

Гипотезы 3a, 3b, 3c (H 3a, H 3b, H 3c): Чем больше оправданий ценностно-нормативного характера в отношении выбрасывания продуктов находят (разделяют) индивиды, тем ниже вероятность их попадания в этические типы (*H 3a*) и выше — в тип «последовательные выбрасыватели» (*H 3b*). «Этичные непоследовательные» при прочих равных чаще прибегают к подобного рода оправданиям, чем «этичные последовательные» (*H 3c*).

В прошлом исследовании (2020 г., пандемия) мы выдвигали гипотезу о значимой связи между озабоченностью индивидов остротой мусорной проблемы в России и включением в этическое обращение с продуктами питания: чем выше озабоченность мусорной проблемой, тем выше вероятность попадания в этические типы и ниже — в тип активных выбрасывателей продуктов. Однако гипотеза не подтвердилась: эти феномены значимо не связаны, по-видимому, из-за широко распространённого заблуждения о безвредности пищевых отходов («всё разлагается») и неосязаемости наносимого ущерба в данный момент времени [Шабанова 2022]. Некоторые исследователи также фиксируют частую недооценку потребителями последствий пищевых отходов как таковых и своего вклада в обострение проблемы (количество выбрасываемой пищи), а поскольку эти последствия не имеют личного характера, делается вывод о том, что сокращение пищевых отходов «вряд ли станет высокоприоритетной целью для многих людей» [Geffen et al. 2020; Herpen et al. 2023]. Таким образом, имеются веские основания полагать, что высокая озабоченность остротой мусорной проблемы может быть свойственна всем типам потребителей независимо от реализуемой на практике (не)этичности обращения с продуктами питания. Отсюда и наша следующая гипотеза:

Гипотеза 4 (H 4): Между степенью озабоченности россиян остротой мусорной проблемы и вероятностью попадания в разные типы потребителей значимой положительной связи нет: выбрасывание продуктов питания повсеместно не связывается с обострением мусорной проблемы.

В отношении связи с социально-демографическими и статусными характеристиками потребителей результаты исследований неоднозначны, за исключением, пожалуй, одной группы — молодёжи. Её повышенный вклад в выбрасывание еды установлен исследователями из разных стран (см., например: [Bravi et al. 2019; Bilska, Tomaszewska, Kołozyn-Krajewska 2020; Cosgrove, Vizcaino, Wharton 2021; Przezbórska-Skobiej, Wiza 2021; Шабанова 2022]). Молодые потребители чаще включаются в незапланированные покупки, хуже знают, что можно приготовить из остатков, как управлять едой, чаще корректируют повседневные планы и проч. В отношении же дохода результаты неоднозначны (см., например: [Hebrok, Voks 2017; Simões, Carvalho, Gaspar de Matos 2022]). Есть свидетельства значимости как типа (не)выбрасываемого продукта, так и доходного статуса потребителя. В частности, применительно к продуктам с более низкой эластичностью спроса по доходу и особой культурной значимостью (например, хлеб) зафиксирована поляризация связи: пищевые отходы чаще встречаются у потребителей не только с более высокими, но и с более низкими доходами на душу населения. Кроме того, эти последние чаще покупают продукты более низкого качества, которые быстрее портятся и чаще выбрасываются [Setti et al. 2016]. Тем не менее в исследованиях обнаружена положительная связь между уровнем дохода и выбрасыванием еды [Yu, Jaenicke 2020; Borghesi, Morone 2023], что объясняется более активным образом жизни высокодоходных групп, их большей заботой о качественном и свежем питании, отсутствием материальных затруднений при замене поднадоевших продуктов новыми, что провоцирует выбрасывание еды и др. (см., например: [Hebrok, Voks 2017; Varone, Grappi, Romani 2019; Geffen et al. 2020]). Касательно связи с включением в традиционные структуры гражданского общества, остающейся обычно вне поля зрения, будем исходить из того, что опыт сотрудничества с незнакомыми людьми, повышая доверие к ним, усиливает «социальный отклик» и последующую вовлечённость в новые сферы гражданского участия, однако в разных видах этического потребления сила этой связи существенно различна и не всегда значима [Шабанова 2025]. В результате следующая группа гипотез такова:

Гипотезы 5a, 5b, 5c (H 5a, H 5b, H 5c): В тип «последовательные выбрасыватели» более вероятно включается молодёжь (*H 5a*), лица с более высоким материальным статусом (*H 5b*), а в этичные типы — люди с более высоким «гражданским откликом» (участвующие в формальных и неформальных структурах гражданского общества в других сферах) (*H 5c*).

Наконец, (не)включение в разные практики «спасения» еды, вероятно, сказывается на попадании потребителей в типы с разными позициями касательно выбрасывания еды. Мы исходим из того, что представители «не выбрасывающих» типов, по сравнению с «выбрасывающими» активнее практикуют все доступные каналы «спасения» еды, в то время как «последовательные выбрасыватели», напротив, чаще отказываются от них. Возможно и то, что эта связь имеет более сложный характер. В частности, в нашем исследовании в пандемийном 2020 г. зафиксирована положительная связь между использованием горизонтальных социальных каналов «спасения» еды (*peer-to-peer* передача — офлайн или онлайн — ненужных продуктов питания хорошего качества другим людям) и вероятностью выбрасывания продуктов, срок годности которых истёк [Шабанова 2022]. Не исключено, что в постпандемийный период эта связь может изменить знак из-за снижения числа «циркулярных дыр» (*circularity holes*) [Ciulli, Kolk, Voe-Lillegraven 2020], препятствующих потоку «отходы—ресурсы» между участниками. Таким образом, последняя группа гипотез такова:

Гипотезы 6a, 6b, 6c (H 6a, H 6b, H 6c): Обращение к любым каналам «спасения» еды (кормление животных, включая птиц; замораживание; дополнительная обработка; передача другим людям) положительно ассоциировано с вероятностью попадания в типы «этичные последовательные» (*H 6a*) и «устойчивые невыбрасыватели» (*H 6b*) и отрицательно — в тип «последовательные выбрасыватели» (*H 6c*).

Данные и методы

Исследование базируется на данных трёх всероссийских репрезентативных опросов (декабрь 2024 г., декабрь 2022 г., ноябрь 2020 г., по 2000 чел. в каждом). Выборка многоступенчатая, стратифицированная, территориальная, случайная. Метод опроса — формализованное интервью (*face to face*)⁶. На этапе дескриптивного анализа выявлялись изменения во включении россиян в выбрасывание и «спасение» продуктов питания, уровень (не)согласованности между вовлечённостью в (не)этичное обращение с продуктами на разных стадиях, а также особенности качественного состава выделенных на этой основе типов потребителей. Для оценки статистической значимости межвременных различий рассчитывались 95%-ные доверительные интервалы с помощью метода Уилсона (E. W. Wilson, 1927) без поправки на непрерывность [Newcombe 1998]. Для оценки связей между попаданием в выделенные типы и разными факторами использовался аппарат мультиномиальной логит-регрессии. Зависимая переменная принимала четыре возможных значения: 1 — последовательный этичный потребитель; 2 — непоследовательный этичный потребитель; 3 — устойчивый невыбрасыватель; 4 — последовательный выбрасыватель. В данной модели соблюдается базовая предпосылка мультиномиальной регрессии — независимость от нерелевантных альтернатив в значениях по зависимой переменной⁷. Поскольку волна

⁶ Основные характеристики выборочных совокупностей: доля женщин — 54,7% (2024 г.), 55% (2022 г.), 54,9% (2020 г.); доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием — 29,7% (2024 г.), 30% (2022 г.), 30% (2020 г.); возраст (полных лет) — средний (ст. откл.) и медиана: 46,65 (15,77) и 45 лет (2024 г.), 45,56 (15,76) и 45 лет (2022 г.), 44,9 (15,3) и 45 лет (2020 г.). Полевые исследования проводились Аналитическим центром НАФИ по заказу Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ и по блоку вопросов, предложенных автором статьи.

⁷ Вопрос о смещении оценок и ошибок в случае наличия близких альтернатив продолжает оставаться дискуссионным, поэтому сделаем два пояснения: (1) мы не считаем приведённые альтернативы близкими по смыслу (общность на одной стадии потребления сопряжена с прямо противоположными стратегиями на другой); (2) по результатам исследования на симуляционных данных наличие близких альтернатив приводит к смещению оценок только в самых крайних случаях (когда альтернативы практически неразличимы), что однозначно не имеет места в данном случае (см.: [Коссова, Потанин 2022]). Автор признателен рецензенту, подтолкнувшему к этим пояснениям.

2024 г. не содержала блока вопросов о ценностно-нормативных подкреплениях и (или) оправданиях (не)бережного обращения с продуктами питания, а также о мотивах включения в сокращение образования бытовых отходов, регрессионный анализ проводился на данных самой последней волны, по которой такие данные имелись (декабрь 2022 г.). В работе используются две трактовки этичного потребления — широкая, отождествляющая его с устойчивым потреблением (она включает практики, этичные не только по содержанию, но и по форме, по непреднамеренным результатам) и узкая (этичные по содержанию практики как добровольные и осознанные действия, продвигаемые проэкологическими и (или) просоциальными стремлениями). При выделении типов потребителей с разной позицией в отношении (не)бережного обращения с продуктами питания используется широкая трактовка этичного, дабы показать вклад сферы в продвижение целей устойчивого развития. Последующее обращение к узкой (более точной) трактовке помогает понять место этичного обращения с продуктами питания в семействе практик собственно этичного потребления, достигнутый уровень этизации всех типов потребителей и потенциал его повышения.

Динамика включения россиян в выбрасывание и «спасение» еды

Около половины россиян (46–52%) в последние годы включались в выбрасывание ставших ненужными продуктов питания (см. табл. 1), причём доля активных выбрасывателей (делающих это от ежедневно и (или) еженедельно до двух-трёх раз в месяц) весьма высока и стабильна — 29–30% (декабрь 2024, 2022 гг.)⁸. Правда, в пандемийный 2020 г. она была ещё выше (38%): по-видимому, вынужденно находившиеся дома россияне больше готовили, чаще экспериментировали с едой и чаще её выбрасывали. Причём выше была доля россиян, выбрасывающих продукты хорошего качества (14 против 9% в 2024 г.), а вот доля прибегающих к выбрасыванию продуктов с истекшим сроком годности была ниже, хотя и весьма значительной (46 против 51% в 2024 г.).

Таблица 1

Частота выбрасывания продуктов питания россиянами, %

Частота	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Практически ежедневно	6 (4,7–6,7)	2* (1,4–2,6)	3 (2,2–3,8)
Не менее одного раза в неделю	15 (13–16)	11* (9,4–12)	12 (10,6–13)
Два-три раза в месяц	17 (15–18)	16 (15–18)	15 (13–16)
Несколько раз в год	14 (13–16)	17 (16–19)	18 (16–19)
Практически никогда	46 (43,5–48)	53* (50–55)	48 (45,6–50)
Затрудняюсь ответить	3 (2,6–4,2)	1,5 (1–2)	5 (4–6)

Примечание: $N_{2024} = 2011$; $N_{2022} = 2002$; $N_{2020} = 2000$. В скобках указаны нижние и верхние границы 95% доверительных интервалов. Статистически значимые межвременные различия по сравнению с предыдущей волной обозначены астерiskом (*).

Вместе с тем основная часть россиян регулярно обращаются к разным практикам «спасения» еды от выбрасывания. В конце 2024 г. их было 66%, а в пандемийный 2020 г. — ещё больше (72%). Иными словами, в условиях изоляции россияне чаще не только выбрасывали продукты, но и практиковали разные способы их «спасения», такие как передача съестного (ненужного или с истекшим сроком) животным, компостирование, продление сроков годности продуктов (заморозка, дополнительная обработка и переработка), передача (офлайн и онлайн) ненужных продуктов хорошего качества другим людям (см. табл. 2)⁹. Доля практиковавших одновременно два-три вида каналов спасения из трёх в то время достигала 33% против 21–22% в 2022 и 2024 гг.

⁸ Ответ на вопрос: «Как часто Вы или члены Вашей семьи обычно выбрасываете продукты питания?»

⁹ Ответы на вопросы: «Что Вы обычно делаете с продуктами питания хорошего качества, когда понимаете, что они Вам больше не нужны?»; «А что Вы обычно делаете с продуктами питания, срок годности которых истёк?»

Таблица 2

Динамика участия россиян в разных практиках «спасения» еды, %

Практики	2020 г.	2022 г.	2024 г.
<i>Передача продуктов питания (ненужных или с истекшим сроком) животным, компостирование</i>			
Отдают домашним животным:			
— хорошие продукты	24	20	19
— плохие продукты	23	19	17
Кормят бездомных животных:			
— хорошими продуктами	18	14	11
— плохими продуктами	22	16	15,5
Компостируют	4	2	3
Итого: используют хотя бы одну из этих практик	49 (47–51)	44* (42–46)	40,5 (38–43)
<i>Продление сроков годности продуктов питания: заморозка, дополнительная обработка и переработка</i>			
<i>Хорошие продукты:</i>			
— замораживают и продолжают хранить «до лучших времён»	22	19	18
<i>Плохие продукты:</i>			
— съедают после дополнительной обработки;	7	7	7
— используют при приготовлении кулинарных блюд	5	3	3
Итого: используют хотя бы одну из этих практик	30 (28–32)	28* (26–30)	25 (23–27)
<i>Передача ненужных продуктов питания хорошего качества другим людям (офлайн и онлайн)</i>			
Находят тех, кому нужны эти продукты, через Интернет (социальные сети)	6,5	3	3
Относят на работу, угощают коллег	16	11	13
Предлагают проживающим отдельно родственникам, соседям, друзьям	12	9	12
Передают нуждающимся через храмы или общественные организации	4	2	3
Отдают нуждающимся «из рук в руки» или вешают пакеты на мусорных контейнерах:			
— хорошие продукты	5	3	4
— плохие продукты	2,5	1	2
Итого: используют хотя бы одну из этих практик	33 (31–35)	22* (20–24)	26,5* (25–28)
Обычно не бывает ненужных продуктов питания <i>хорошего</i> качества	23	35*	36
Обычно не бывает продуктов питания, <i>срок годности которых истёк</i>	13	19*	17
<i>Сумма используемых видов каналов «спасения» еды:</i>			
0	28	31	34
1	39	48	44
2	25	18	18
3	8	3	4
Итого	100	100	100

Примечание: $N_{2024} = 2011$; $N_{2022} = 2002$; $N_{2020} = 2000$. В скобках указаны нижние и верхние границы 95% доверительных интервалов. Статистически значимые межвременные различия по сравнению с предыдущей волной обозначены астериском (*).

Таким образом, в постпандемийный период обращение с продуктами питания в целом выглядит более бережным: несмотря на снижение участия в разных практиках «спасения» еды, сократилась доля активных выбрасывателей и увеличилась доля россиян, в чьих домохозяйствах не бывает как ненужных

продуктов хорошего качества (с 23% в 2020 г. до 35–36% в 2022–2024 гг.), так и тех, срок годности которых истёк (с 13% до 17–19%). Однако эта положительная динамика, по сути, следствие «неудачного старта»: она в большей мере проливает свет на особенности обращения со съестным в условиях изоляции, чем на наличие благоприятных сдвигов в последующие годы. В постпандемийный период межвременные различия как по частоте выбрасывания еды, так и по включению в её «спасение» становятся статистически незначимыми, что указывает, скорее, на случившийся в 2020 г. «пандемийный всплеск» и возврат к статус-кво в 2022–2024 гг. В этой же возвратившейся на круги своя реальности доля активных выбрасывателей еды стабильно воспроизводится на весьма высоком уровне (29–30%). А вопрос о том, что делать с продуктами питания, утратившими ценность или потребительские качества, так или иначе приходится решать абсолютному большинству россиян: в отношении продуктов хорошего качества доля таких потребителей составляет 64–65%, а в отношении продуктов с истекшим сроком годности — 81–83%. Поскольку большие группы россиян активно и выбрасывают еду, и «спасают её», актуализируется вопрос об особенностях их поведения на разных стадиях (не)этичного обращения с продуктами питания (приобретение, использование, избавление).

(Не)этичное обращение с продуктами питания на разных стадиях: степень согласованности и рассогласованности

Поведение этически настроенных потребителей на разных стадиях обращения с благами определяется неодинаковыми факторами и не всегда контролируется ими. Так, заметная часть потребителей на стадии покупки целенаправленно придерживаются этических принципов, в частности, регулярно приобретают ровно такое количество продуктов, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего (25% в 2022 г.; 29% в 2024 г.). Но впоследствии большая их часть (42,5%, декабрь 2024 г.) всё же выбрасывают продукты, причём 22% — весьма активно (от практически ежедневно и (или) еженедельно до двух-трёх раз в месяц). В то же время значительная часть (44%) тех, кто не задумывался о рисках выбрасывания продовольственных излишков на стадии покупки продуктов, впоследствии их не выбрасывает, практикуя разные способы «спасения» еды. Поскольку самый эффективный способ борьбы с пищевыми отходами — предотвращение (профилактика) их образования на разных стадиях, посмотрим, как в 2024 г. распределились россияне по четырём типам, выделенным по этому основанию:

- первый тип — *«последовательные этические»* (17%) — придерживается этических принципов как при покупке продуктов питания (осознанно приобретая ровно такое количество, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего), так и на последующих стадиях, и действительно избегает выбрасывания продуктов;
- второй тип — *«непоследовательные этические»* (12%). В этот «противоречивый» тип входят те, кто, хотя и ограничивал (контролировал) количество покупаемых продуктов, дабы избежать их выбрасывания, впоследствии по тем или иным причинам всё же отправляет еду на свалку (причём каждый второй весьма активно — от ежедневно и (или) еженедельно до двух-трёх раз в месяц);
- третий тип — *«устойчивые невыбрасыватели»* (31%) — на стадии покупок не прибегает к стратегии «купи столько, сколько съешь», но впоследствии, несмотря на это, не выбрасывает продукты, практикуя разные способы бережного обращения с едой. Этот тип назван устойчивым из-за последствий вклада (осознаваемого и неосознаваемого) его участников в продвижение принципов устойчивого развития;
- четвёртый, самый наполненный тип — *«последовательные выбрасыватели»* (40%) — покупая продукты питания в определённом количестве, не учитывает риски последующего выбрасы-

вания лишнего и, кроме того, регулярно выбрасывает ставшие ненужными или утратившие потребительскую ценность продукты, причём более половины (23%) весьма активно (от практически ежедневно и (или) еженедельно до двух-трёх раз в месяц).

Как видно из таблицы 3, статистически значимые межвременные изменения в последние годы коснулись лишь одного типа — «устойчивых невыбрасывателей»: их доля существенно снизилась.

Таблица 3

Типы потребителей в зависимости от этичности обращения с продуктами питания на разных стадиях, %

Типы потребителей	2022 г.	2024 г.
«Последовательные этичные»	15 (13–16)	17 (15–18)
«Непоследовательные этичные»	10 (9–12)	12 (11–14)
«Устойчивые невыбрасыватели»	38 (36–40)	31*(29–33)
«Последовательные выбрасыватели»	37 (35–39)	40 (38–42)
Итого	100	100

Примечание: $N_{2024} = 2011$; $N_{2022} = 2002$. В скобках указаны нижние и верхние границы 95% доверительных интервалов. Статистически значимые межвременные различия обозначены астериском (*).

Таким образом, обращение с продуктами питания россиян имеет ряд проблемных характеристик: (1) стабильно высокая доля «последовательных выбрасывателей» (это самый наполненный тип); (2) сокращение доли «устойчивых невыбрасывателей»; (3) сильное размывание этичных покупателей на последующих стадиях «непоследовательными этичными». Правда, последний отрицательный эффект «сглаживается» потребителями, подключающимися к бережному обращению с продуктами не на стадии покупки, а в ходе широко трактуемого использования, «спасающего» еду от выбрасывания.

Для понимания закономерностей воспроизводства потребительских практик в этой сфере обратимся к ценностно-нормативным особенностям россиян и их разных типов в отношении (не)бережного обращения с продуктами питания.

Ценностно-нормативные представления в отношении (не)выбрасывания продуктов питания

Основная часть россиян разделяют ценностно-нормативные основания (культурные, экологические, экономические) в пользу бережного отношения к продуктам питания, и они, за исключением экологических, значимо не различаются в год пандемии и после¹⁰. Культурное — практически не дифференцирует россиян; абсолютное большинство (92%, 2022 г.; 91%, 2020 г.) разделяют (безусловно: 61%; скорее: 31%) суждение: «Бережное отношение к продуктам питания нам привито с детства: пример родителей, бабушек и дедушек, переживших трудные времена, голод; сами выросли в условиях дефицита». Сильно схожи и экономические воззрения россиян (83%, 2022 г.; 85%, 2020 г.): «Выбрасывать еду — значит выбрасывать деньги на помойку, разбазаривать семейный бюджет» (безусловно или скорее согласны с этим суждением 54 и 29% соответственно). Доля осознающих неблагоприятные экологические последствия небережного отношения к продуктам питания, хотя и снизилась после пандемии, но по-прежнему также доминирует (71%, 2022 г.; 76%, 2020 г.): «Выбрасывая еду, люди наносят вред окружающей среде: напрасный расход воды и энергии на производство продуктов, вредные газы при разложении пищевых отходов на свалках» (это суждение разделяют безусловно или скорее

¹⁰ В постпандемийный период по этим вопросам имеются данные лишь за 2022 г.

примерно равные группы респондентов: 36 и 35% соответственно). Даже если иметь в виду только позицию *безусловного* согласия, в целом 75% россиян солидаризируются хотя бы с одним из трёх этих суждений, в том числе 52% — с двумя-тремя, а 25% — со всеми тремя. Так что исходя из культурных, экономических и экологических соображений, которые нередко дополняют друг друга, отношение основной части россиян к выбрасыванию продуктов питания, в принципе, отрицательное.

На другой «чаше весов» — ценностно-нормативные «подкрепления», оправдывающие выбрасывание продуктов и снижающие чувство вины за подобные действия, когда они случаются. Самое распространённое из них — гедонистическое: «Еда должна приносить удовольствие: трудно есть неприятную пищу только ради того, чтобы её не выбрасывать». Его разделяют 79% респондентов (безусловно: 44%; скорее: 35%). Ещё с одним оправданием — «Ряд жизненных обстоятельств делает выбрасывание еды неизбежным: усталость после работы, изменение планов, диета, стремление к разнообразному и свежему питанию и др.» — солидаризируются 50% россиян (безусловно: 17%; скорее: 33%). Меньше (35,5% в 2022 г. и 33% в 2020 г.) согласных с суждением: «Не стоит переживать по поводу выбрасывания продуктов, так как нетрудно купить новые, свежие: мы можем себе это позволить» (безусловно: 14,5%; скорее: 23%). В целом более половины россиян (52%) разделяют *безусловно* хотя бы одно из этих оправданий выбрасывания продуктов; чаще — одно (34%), реже — два или три (12% и 5% соответственно).

В общей сложности отчётливо выраженные ценностно-нормативные стремления к бережному обращению с продуктами питания (позиция безусловного одобрения) с большим отрывом преобладают над оправдывающими выбрасывание (75% против 52%). Тем не менее оправдания имеются более чем у половины россиян и в тех случаях, когда сочетаются со стремлением к бережному обращению, могут серьёзно корректировать исходные замыслы. Это связано с тем, что разного рода тормозящие обстоятельства, как правило, сопряжены, во-первых, с темпом и образом повседневной жизни индивидов, усталостью после работы, с заботой о здоровье (своём и близких), а значит, могут брать верх над этическими (культурными, экологическими и др.) стремлениями. Во-вторых, такие обстоятельства часто имеют гедонистический характер (ценность удовольствия от еды), а потребители ради сбережения продуктов далеко не всегда готовы на подобные жертвы. В-третьих, последствия сегодняшних решений в пользу выбрасывания еды, как правило, неосвязаемы из-за сильной удалённости во времени и в пространстве.

В результате в отношении бережного обращения с продуктами питания структура ценностно-нормативного профиля россиян сегодня весьма противоречива. Самый наполненный профиль (44%) назовём *неоднозначным* или *амбивалентным*: его носители одновременно безусловно разделяют ценностно-нормативные представления в отношении как бережного обращения с продуктами (культурные и (или) экологические и (или) экономические), так и оправдания их выбрасывания. Проблема поиска компромиссов здесь, вероятно, стоит особо остро. У носителей второго профиля (31%), напротив, нет такой проблемы: безусловно ратуя за бережное отношение к продуктам питания, они не имеют столь же безусловных ценностно-нормативных оправданий для отступления от этих принципов (назовём этот профиль *способствующим* или *продвинутым*). Противоположный профиль (*тормозящий*) — самый слабо наполненный (8%): его носители безусловно разделяют лишь разного рода оправдания выбрасывания еды на фоне более сдержанного или деструктивного отношения к её сбережению. Наконец, заметная часть россиян (17%) — носители *индифферентного* профиля; они до конца ещё не определились (позиция «безусловно согласны» отсутствует по всем основаниям) в пользу как бережного отношения к продуктам, так и оправдания их выбрасывания.

Что касается ценностно-нормативных профилей разных типов потребителей, то они, как и ожидалось, существенно различаются (см. табл. 4). Однако повсеместно самая наполненная группа — носители

неоднозначного, или амбивалентного, профиля (42–48%). Это даёт основание полагать, что попадание потребителей в разные типы часто имеет неустойчивый, ситуативный характер. Вдобавок независимо от того, какие ценностно-нормативные основания одерживают верх в каждом конкретном случае, сам по себе поиск компромиссов может быть сопряжён с переживанием чувства вины и снижением уровня субъективного благополучия, по сути, у всех типов потребителей, включая «последовательных выбрасывателей». Среди «последовательных этичных» наибольшая доля носителей способствующего, или продвинутого, ценностно-нормативного профиля составляет 40% против 23% в типе «последовательных выбрасывателей». Последние ожидаемо лидируют по доле носителей как тормозящего, так и индифферентного ценностно-нормативных профилей, но даже там обе эти группы в меньшинстве (см. табл. 4). Это указывает на возможность перехода «последовательных выбрасывателей» в более продвинутые типы по мере налаживания информационно-просветительских потоков и развития способствующей среды.

Таблица 4

Ценностно-нормативный профиль разных типов потребителей в сфере бережного обращения с продуктами питания, % по столбцу

Ценностно-нормативный профиль	Последовательные этичные	Непоследовательные этичные	Устойчивые невыбрасыватели	Последовательные выбрасыватели	Всего
Неоднозначный (амбивалентный)	48	44	45	42	44
Способствующий (продвинутый)	40	34	34	23	31
Тормозящий	3	9	4	13	8
Индифферентный	10	13	17	22	17
Всего	100	100	100	100	100
Сумма «благоприятных» ценностно-нормативных согласий (позиция: <i>безусловно</i>)					
0	12	22	21	35	25
1	20	29	21	25	23
2	31	27	29	24	27
3	37	22	29	16	25
Всего	100	100	100	100	100
Сумма «тормозящих» ценностно-нормативных согласий (позиция: <i>безусловно</i>)					
0	49	47	51	45	48
1	40	36	33	31	34
2	7	14	10	17	13
3	4	3	5	7	5
Всего	100	100	100	100	100

Примечание: $N_{2022} = 2002$ чел. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$ во всех случаях.

Тот факт, что абсолютное большинство представителей всех типов (от 88% среди «последовательных этичных» до 65% среди «последовательных выбрасывателей») — носители либо неоднозначного (амбивалентного), либо способствующего (продвинутого) ценностно-нормативного профиля, в значительной степени объясняет столь активное включение всех типов потребителей в практики «спасения» еды¹¹ (см. табл. 5). Примечателен и бесспорный лидер — «непоследовательные этичные», которые «не сдаются без боя». Абсолютное их большинство (75%) практикует разные способы «спасения» еды от выбрасывания (против 56–67% в других типах), в том числе чаще других — сразу два-три вида (31 против 18–25% в других типах) (см. табл. 5). «Непоследовательные этичные» существенно опере-

¹¹ Ответы на вопросы: «Что Вы обычно делаете с продуктами питания хорошего качества, когда понимаете, что они Вам больше не нужны?»; «А что Вы обычно делаете с продуктами питания, срок годности которых истёк?».

жают представителей других типов как по обращению к разным практикам продления сроков годности продуктов, замораживая и продолжая хранить их «до лучших времён», так и по передаче ненужных продуктов хорошего качества другим людям. По отдаче же съестного (ненужного или с истекшим сроком) животным в целом не уступают «устойчивым невыбрасывателям». Правда, «непоследовательные этичные» чаще кормят животных (домашних и особенно бездомных) хорошими продуктами, в то время как «устойчивые невыбрасыватели» — теми, срок годности которых подошёл к концу (см. табл. 5). В целом, несмотря на более активное включение «непоследовательных этичных» в практики «спасения» еды, эти последние оказываются нерезультативными (не спасают от выбрасывания). Одна из причин, вероятно, кроется уже в самом составе востребованных практик. Заморозка и хранение «до лучших времён» часто сопряжены с «отложенным выбрасыванием», а активный упор россиян на социальные каналы «спасения» еды, как мы установили ранее, часто даёт сбой [Шабанова 2022]. Примечательно и то, что «последовательные этичные», контролируя риски выбрасывания продуктов уже на стадии покупки, впоследствии меньше других типов участвуют в «спасении» еды (56 против 65–75%).

Таблица 5

Практики «спасения» еды разными типами потребителей, % по столбцу

Практики «спасения» еды	Этичные		Устойчивые невыбрасыватели	Последовательные выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
<i>Передача продуктов питания (ненужных или с истекшим сроком) животным, компостирование</i>					
Отдают домашним животным:					
— хорошие продукты ^a	19	24	18	17	19
— плохие продукты	15	14	24	13	17
Кормят бездомных животных:					
— хорошими продуктами;	16	24	8	8	11
— плохими продуктами ^b	14	18	19	13	15,5
Компостируют	6	5	2	2	3
Итого: используют хотя бы одну из этих практик	38	47	46,5	34,5	40,5
<i>Продление сроков годности продуктов питания: заморозка, дополнительная обработка и переработка</i>					
<i>Хорошие продукты:</i>					
Замораживают и продолжают хранить «до лучших времён»	22	26	12	19	18
<i>Плохие продукты:</i>					
Съедают после дополнительной обработки ^b	6	8	9	5	7
Используют при приготовлении кулинарных блюд ^b	4	6	3	2	3
Итого: используют хотя бы одну из этих практик	28	33	21	24	25
<i>Передача ненужных продуктов питания хорошего качества другим людям (офлайн и онлайн)</i>					
Находят тех, кому нужны эти продукты, через Интернет (социальные сети) ^c	2	2	3	4	3
Относят на работу, угощают коллег	10	19	9	14	13
Предлагают проживающим отдельно родственникам, соседям, друзьям	11	20	8	12,5	12
Передают нуждающимся через храмы или общественные организации ^a	2	4	3	3	3

Таблица 5. Окончание

Практики «спасения» еды	Этичные		Устойчивые невыбрасыватели	Последовательные выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
Отдают нуждающимся «из рук в руки» или вешают пакеты на мусорных контейнерах:					
— хорошие продукты ^b ;	3	7	3,5	3	4
— плохие продукты ^b	1,5	5	1	1	2
Итого: используют хотя бы одну из практик	20	37	21	30	26,5
<i>Сумма используемых видов каналов «спасения» еды:</i>					
0	44	25	35	33	34
1	31	44	44	49	44
2	19	21	20	15	18
3	6	10	1	3	4
Итого	100	100	100	100	100

Примечание: $N_{2024} = 2011$. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$ во всех случаях, за исключением: ^a различия статистически незначимы; ^b $p < 0,05$; ^c $p < 0,1$.

Сделаем промежуточный вывод: специфика ценностно-нормативных профилей россиян и их разных типов отражает сильную укоренённость практик (не)бережного обращения с продуктами питания в моральных режимах повседневной жизни, образе и уровне жизни россиян, как, впрочем, и возможность ситуативного движения в любую сторону за счёт носителей неоднозначного и индифферентного профилей. Лидирующее положение носителей неоднозначного (амбивалентного) профиля во всех типах (включая самые продвинутые) сигнализирует о повсеместно высокой неустойчивости и ситуативности потребительского выбора в пользу сбережения или выбрасывания еды, а вместе с ним и о «периферийном статусе» бережного обращения с продуктами питания в семействе практик этичного потребления. Об этом же свидетельствует более слабое распространение экологических ценностно-нормативных подкреплений по сравнению с экономическими и культурными в отношении выбрасывания еды. К тому же проэкологические «подталкиватели» редко выступают как самостоятельные: только 6% россиян, безусловно разделяющих экологические соображения в пользу бережного отношения к продуктам питания, ими и ограничиваются¹². Абсолютное большинство (94%) представителей этой группы сочетают экологические подкрепления с экономическими или культурными (26%), а чаще — с теми и другими одновременно (68%). Иными словами, экологическая (этическая) «надстройка» в этой сфере зачастую предполагает экономическое и (или) культурное подкрепление, играет не самостоятельную, а вспомогательную роль.

Строго говоря, до сих пор мы имели дело с устойчивым потреблением, включающим не только этичное (этичное по содержанию), но и квазиэтичное (этичное по форме, по последствиям, непреднамеренным результатам). Ключевой же признак собственно этичного потребления — наличие у потребителей проэкологических и (или) просоциальных стремлений, причём не только хорошо осознаваемых, но и добровольных. Между тем выбрасывание продуктов питания не всегда сопряжено с добровольным выбором; часто оно имеет непреднамеренный и вынужденный характер, что безусловно сказывается на распределении потребителей между выделенными типами. В связи с этим акцентируем два обстоятельства. Первое связано с тем, что россияне не берут всю полноту ответственности за выбрасывание продуктов на себя, а по праву наделяют ею и других акторов (поставщиков, торговые сети): «Продукт

¹² Для сравнения: среди безусловно разделяющих экономические соображения ограничиваются ими 15%, а среди же безусловно разделяющих культурные — 21%.

испортился раньше указанного срока, хотя условия его хранения мы не нарушали» (40%)¹³. Не исключено, что эта вина порой преувеличивается, особенно «последовательными выбрасывателями» (60%) и «непоследовательными этичными» (52%), но даже в самом продвинутом типе «последовательных этичных» на неё ссылаются 22% респондентов. Наряду с желанием потребителей ослабить бремя своей вины, за этим феноменом могут скрываться вполне объективные факторы на стороне поставщиков и торговых сетей: нарушение условий транспортировки и хранения, корректировка сроков годности (перенаклеивание или отрыв бирок) недобросовестными продавцами.

Второе обстоятельство связано с причинами, хотя и попадающими в зону индивидуальной ответственности, но часто имеющими непреднамеренный, ситуативный характер. Эти причины заметно различаются у двух «выбрасывающих» типов. На первом месте — погрешности в сфере приобретения и использования продуктов питания («купили и забыли, продукт затерялся в холодильнике, не уследили»; покупка лишнего из-за торговых скидок, без проверки домашних запасов и согласования покупок с другими членами семьи; сохранившаяся со времён дефицита привычка делать запасы и др.). Хотя бы на одну причину из этой группы ссылаются 47% «непоследовательных этичных» и 25% «последовательных выбрасывателей». На втором месте — предпочтения и вкусы в сфере питания (плохо или невкусно приготовили блюдо; не было желания употреблять продукт («поднадоел», «насытились», диета); стремление питаться разнообразно, качественно; принесли гости: обычно этого не едят и др.). И опять впереди — «непоследовательные этичные»: 24% против 17% среди «последовательных выбрасывателей». На третьем месте — изменения в повседневных планах (реже бывали дома; сильно уставали; не хотели готовить и др.) (7–8%) и сбои в коммуникациях (не знали, с кем можно поделиться ненужным продуктом, куда и кому отнести; неловко было предлагать ненужные продукты другим людям и др.) (6–7%). В целом хотя бы на одну группу этих причин указали 58,5% «непоследовательных этичных» и 40% «последовательных выбрасывателей», а на 2–4 группы — 21 и 13% соответственно.

Все эти обстоятельства повседневной жизни, безусловно, размывают ряды исходно этически настроенных потребителей, вносят рассогласованность в их поведение на разных стадиях обращения с продуктами. Однако потенциал воспроизводства собственно этичных практик в этой сфере в значительной степени зависит от устойчивости проэкологических и (или) просоциальных стремлений, возвращения к ним после временного — непреднамеренного или вынужденного — отступления. Именно наличие (сохранение) этих стремлений, сигнализирующих о расширении радиуса личной моральной ответственности за пределы домохозяйств, делает бережное обращение с продуктами питания сферой не только устойчивого, но и собственно этичного потребления и гражданского общества.

Особенности качественного состава разных типов потребителей как представителей гражданского общества

Не имея данных о мотивах участия индивидов непосредственно в сбережении и (или) выбрасывании продуктов питания, обратимся к мотивам их включения (готовности включиться) в более широкий феномен — сокращение количества образуемых бытовых отходов (БО) как таковых. Тем более что, по данным РЭО (Российский экологический оператор), заметная часть БО приходится именно на пищевые отходы (30–40% в зависимости от регионов и сезонных колебаний¹⁴). Как видим, проэкологические и (или) просоциальные стремления в сфере сокращения количества БО с большим перевесом преобладают над личными и (или) эгоистическими, причём во всех типах потребителей (см. табл. 6). Примечательно и то, что этичные «на входе» типы (последовательные и непоследовательные) отлича-

¹³ Ответ на вопрос: «Если за последний год Вам хотя бы раз приходилось выбрасывать продукты питания, то по каким причинам?»

¹⁴ Парфененкова М. 2023. Сезон гниющих отходов. Ведомости. 27 сентября. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.vedomosti.ru/esg/ecology/articles/2023/09/27/997346-sezon-gniyuschih-othodov> (дата обращения: 28 февраля 2026).

ются наличием и других мотивационных «подкреплений» и чаще других указывают не только на заботу об общем благе, но и на личную (экономическую и неэкономическую) выгоду от подобного рода активности (25–26 против 12–15% в других типах). Кроме того, их чаще подталкивает уверенность в ненеприимности прилагаемых усилий и возможность влиять на решение важной проблемы. Несомненный лидер здесь опять-таки группа «непоследовательные этичные» — 25 против 15% среди «последовательных этичных» и 7% в остальных типах. Однако в целом вера в ненеприимность прилагаемых усилий по сокращению количества образуемых БО очень низка (10%), что свидетельствует о серьёзных информационно-коммуникационных сбоях в этой сфере.

Таблица 6

Мотивы включения (готовности включиться) в сокращение количества образуемых отходов, % по столбцу

Мотивы	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
Хочу ощущать себя ответственным человеком	19	24	17	21	19,5
Хочу вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений	41	33	24	30	29,5
Считаю, что это экономически выгодно для общества в целом	15	23	7	7,5	10
Стараюсь делать то, что, по моему мнению, должны делать все	26	22	16	16	18
Итого просоциальные и проэкологические (хотя бы один из четырёх мотивов)	65	67	54	62	60
Это экономически выгодно лично для меня (моей семьи)	7,5	9	5	6	6
Хочу, чтобы другие люди считали меня ответственным человеком	15	16	5	7	8
Получаю от этих действий особое удовлетворение, мне приятна причастность к этому делу	7,5	6	2,5	3	4
Итого личные или эгоистические (хотя бы один из трёх мотивов)	25	26	12	15	16
Верю, что мои усилия не напрасны, и я могу влиять на решение важной проблемы	15	25	7	7	10
Не сокращаю и не собираюсь сокращать количество БО	13	9	25	17	19

Примечание: $N_{2022} = 2002$ чел. Ответы объединены в группы. Адаптированный и дополненный вопрос см.: [Berglund 2006: 564].

Структура «зелёного морального индекса» (см. табл. 7) в разных типах неодинакова. Его самые высокие значение (2–4 балла) ожидаемо чаще наблюдаются в двух типах этичных покупателей (25–27 против 9–10% в остальных типах). Однако примечательно и то, что более чем у половины (54%) «устойчивых невыбрасывателей» индекс не нулевой: при включении (готовности включиться) в сокращение БО они высказывают проэкологические и (или) просоциальные соображения. В этой части «устойчивые невыбрасыватели» соприкасаются с этичным потреблением (в строгом смысле), но входят в него не на стадии покупки, а на более поздних стадиях. К этому аспекту, углубляющему представление о закономерностях этичного обращения с благами, мы ещё вернёмся.

Таблица 7

«Зелёный моральный индекс» представителей разных типов, % по столбцу

Индекс (баллы)	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
0	35	33	46	38	40
1	38	42	45	52	46
2–4	27	25	9	10	14

Примечание: $N_{2022} = 2002$ чел. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$.

Важное обстоятельство касается и самого многочисленного типа — «последовательных выбрасывателей»: 62% представителей этого типа при включении (готовности включиться) в сокращение БО также указали на проэкологические и (или) просоциальные стремления (см. табл. 7). И это не случайно: в гражданском отношении «последовательных выбрасывателей» нельзя назвать социально пассивными. По многим позициям гражданской активности в разных сферах, не связанных с потреблением, они не уступают остальным типам (а порой и превосходят их). Среди «последовательных выбрасывателей» 27–28% — члены НКО или участвуют в их деятельности (против 24–28% по массиву в целом в 2022–2024 гг.). По доле занимавшихся добровольческим трудом в последний год (22%) отличия от других типов вообще статистически незначимы (как в целом, так и по формальным и неформальным каналам). По доле же денежных жертвователей в своём составе (по формальным и особенно по неформальным каналам) последовательные выбрасыватели превосходят даже невыбрасывателей (см. табл. 8). Учитывая их относительно активное просоциальное участие в других сферах, можно полагать, что работа с этим типом не лишена оснований.

Таблица 8

Участие представителей разных типов в традиционных практиках гражданского общества, % по столбцу

Характеристики	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
Членство (участие в деятельности) НКО					
2024 г.	31	38	24	27	28
2022 г.	27	26	19	28	24
Доля денежных жертвователей (всего)					
2024 г.	49	62	44	51	50
2022 г.	55	67	44	59	54
<i>Формальные каналы*</i>					
2024 г.	17	26,5	13	17	17
2022 г.	18	27	11	20	17
<i>Неформальные каналы**</i>					
2024 г.	22	30	16	23,5	22
2022 г.	21	29	18	27	23
Доля занимавшихся добровольческим трудом (всего)					
2024 г. ^a	25	27	20,5	22	23
2022 г. ^b	26	20	19	22	21
<i>Формальные каналы</i>					
2024 г. ^c	6	12	6	8	8
2022 г. ^b	6,5	7	5	8,5	7

Таблица 8. Окончание

Характеристики	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
<i>Неформальные каналы</i>					
2024 г. ^a	19	22	16	16	17
2022 г. ^a	21	16	15	18	17

Примечания: $N_{2024} = 2011$; $N_{2022} = 2002$. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$ во всех случаях, за исключением большинства позиций по добровольческому труду (^a различия статистически незначимы; ^b $p < 0,1$; ^c $p < 0,05$).

* Формальные каналы: сбор средств организациями по месту жительства, учёбы, работы, через ящик сбора средств, через госучреждения, местные или иностранные благотворительные организации, фонды; крупные компании, бизнесменов; церковные организации, приходские общины.

** Неформальные каналы: нуждающимся лично в руки, кроме милостыни; через родных и близких нуждающегося, сбор средств друзьями, знакомыми; инициативные гражданские группы, движения; объединения людей, имеющих личный, семейный опыт подобных проблем.

На насущность такой работы указывает и высокая озабоченность последовательных выбрасывателей продуктов питания (68–69%) остротой мусорной проблемы в России. По-видимому, они не связывают эти два феномена друг с другом, в том числе из-за весьма распространённого заблуждения о безвредности пищевых отходов для окружающей среды, и эту позицию можно ослабить за счёт налаживания просветительских и информационных коммуникаций. Вообще мусорная проблема в России тревожит абсолютное и возрастающее большинство россиян: они преобладают во всех типах, но в большей мере — среди этичных («последовательных» и «непоследовательных») (см. табл. 9).

Таблица 9

Доля озабоченных остротой мусорной проблемы в разных типах, %

Годы	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
Проблема с мусором сильно тревожит или скорее тревожит:					
2024	80* (78–82)	84* (82–85)	74* (72–76)	68 (66–70)	74 (72–74)*
2022	75 (73–77)	72 (70–74)	62 (60–64)	69 (67–71)	67,5 (65–69,5)*
Проблема с мусором сильно тревожит:					
2024	30 (26–35)	33,5 (28–40)	32,5 (29–36)	29 (26–32)	31 (29–33)
2022	32 (27–38)	27 (22–34)	31 (28–35)	31 (28–35)	31 (29–33)

Примечание. $N_{2022} = 2002$ чел.; $N_{2024} = 2011$ чел. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$ во всех случаях. Статистически значимые межвременные различия обозначены астериском (*).

В целом все эти обстоятельства на стороне гражданского общества свидетельствуют в пользу наличия неплохой социальной базы для постепенного усиления этичности в обращении с продуктами питания представителями как «выбрасывающих», так и «невыбрасывающих» типов в случае развития способствующей среды.

Прежде чем перейти к результатам регрессионного анализа, отметим, что представители разных типов различаются по *социально-демографическим* и *статусным* характеристикам: молодых людей (18–34 лет) заметно больше среди «непоследовательных этичных» (36%) и «последовательных выбрасывателей» (38%). В обоих «выбрасывающих» типах больше лиц с материальным статусом семьи выше среднего (см. табл. 10); значит, гипотеза H_5 об этих особенностях разных типов не лишена оснований.

Таблица 10

**Социально-демографические и статусные характеристики представителей разных типов,
% по столбцу**

Характеристики	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели	Всего
	последовательные	непоследовательные			
Пол: женщины ^a	61	58	51	55	55
Возраст (полных лет)^b:					
18–24	5	10	7	11	8,5
25–34	12	26	16	27	20
35–44	17	21	19	19	19
45–59	29	24	26	24	26
60+	37	19	33	19	27
Материальный статус семьи^b — денег не хватает на:					
питание или одежду, обувь	22	11	19	14	17
крупную бытовую технику	38	37	41	36	38
автомобиль и (или) квартиру либо дом или на всё хватает	37	50	31	45	39
затрудились или отказались ответить	3	2	9	5	6
Тип населённого пункта^b					
Города с населением:					
1 млн чел. и более	30	31	17	23	23
500 тыс. — 1 млн чел.	11	7	9	9	9
100 тыс. — 500 тыс. чел.	15	14	21	22	19,5
менее 100 тыс. чел., посёлок городского типа (ПГТ)	21	23	24	23	23
Село	23	24	29	23	25,5

Примечание. $N_{2022} = 2002$ чел. Уровень значимости критерия χ^2 Пирсона : ^a $p < 0,05$, ^b $p < 0,001$.

(Не)этичное обращение с продуктами питания: регрессионный анализ

Для оценки связей между обозначенными переменными и попаданием индивидов в типы с разными позициями в отношении (не)бережного обращения с продуктами питания воспользуемся аппаратом мультиномиальной логит-регрессии. В таблице 11 приведены средние предельные эффекты для каждого типа, показывающие, на сколько процентных пунктов (п. п.) в среднем меняется вероятность соответствующего исхода при единичном изменении той или иной независимой переменной при условии, что все остальные независимые переменные остаются неизменными¹⁵.

¹⁵ Для проверки робастности результатов модель также была оценена без участия в практиках «спасения» еды. Результаты оценивания моделей оказались близкими, что подтверждает устойчивость выводов относительно оставшихся характеристик и позволяет ограничиться приведением спецификации модели с включением практик «спасения еды».

Таблица 11

**Средние предельные эффекты выбора типа обращения с продуктами питания
для мультиномиальной логистической регрессии**

Независимые переменные	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели
	последовательные	непоследовательные		
«Зелёный моральный индекс» (сфера сокращения количества БО): база — 0				
1	0,011 (0,017)	0,022 (0,015)	- 0,043* (0,023)	0,010 (0,023)
2–4	0,118*** (0,028)	0,069*** (0,024)	- 0,115*** (0,034)	- 0,073** (0,032)
Частные или эгоистические мотивы				
	0,054*** (0,021)	0,064*** (0,017)	- 0,095*** (0,030)	- 0,024 (0,029)
Вера, что индивидуальные усилия не напрасны и могут влиять на решение важных проблем				
	0,065*** (0,023)	0,105*** (0,018)	- 0,087** (0,036)	- 0,083** (0,035)
Степень озабоченности мусорной проблемой				
Сильная	- 0,021 (0,018)	- 0,036** (0,015)	0,035 (0,023)	0,022 (0,022)
Ценностно-нормативные представления в сфере бережного обращения с продуктами (позиция безусловного согласия)				
<i>Сумма способствующих оснований (экологических, культурных, экономических): база — 0</i>				
Одно	0,043** (0,020)	0,029 (0,019)	0,023 (0,029)	- 0,095*** (0,031)
Два	0,071*** (0,020)	0,016 (0,018)	0,083*** (0,029)	- 0,171*** (0,030)
Три	0,121*** (0,022)	0,010 (0,020)	0,123*** (0,031)	- 0,254*** (0,030)
<i>Сумма тормозящих оснований: база — 0</i>				
Одно	- 0,011 (0,018)	0,015 (0,015)	- 0,030 (0,024)	0,026 (0,023)
Два — Три	- 0,084*** (0,018)	- 0,009 (0,018)	- 0,096*** (0,028)	0,189*** (0,029)
Участие в деятельности НКО или общественных инициативах				
Есть	- 0,005 (0,019)	- 0,025 (0,017)	- 0,016 (0,026)	0,046* (0,025)
Социально-демографические и статусные характеристики				
Пол: женщины	0,019 (0,015)	0,007 (0,014)	- 0,055*** (0,020)	0,029 (0,020)
<i>Возраст (полных лет): база — 60+</i>				
18–24	- 0,086*** (0,028)	0,047* (0,028)	- 0,097** (0,042)	0,136*** (0,042)
25–34	- 0,055** (0,023)	0,049** (0,021)	- 0,101*** (0,031)	0,108*** (0,030)
35–44	- 0,034 (0,023)	0,034* (0,020)	- 0,045 (0,032)	0,044 (0,031)
45–59	- 0,008 (0,022)	0,020 (0,017)	- 0,050* (0,029)	0,038 (0,028)

Таблица 11. Окончание

Независимые переменные	Этичные		Невыбрасыватели	Выбрасыватели
	последовательные	непоследовательные		
<i>Материальный статус семьи: база — низкий («Денег не хватает даже на питание» или «На питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем»)</i>				
Выше среднего	- 0,012 (0,023)	0,041** (0,019)	- 0,019 (0,031)	- 0,010 (0,030)
<i>Тип населённого пункта: база — село</i>				
Город ≥ 1 млн чел.	0,064*** (0,024)	0,038* (0,022)	- 0,103*** (0,031)	0,002 (0,031)
500 тыс. — 1 млн чел.	0,067** (0,033)	- 0,018 (0,025)	- 0,030 (0,041)	- 0,019 (0,038)
100 тыс. — 500 тыс. чел.	- 0,008 (0,021)	- 0,037** (0,018)	0,029 (0,031)	0,016 (0,030)
Продукт испортился раньше указанного срока, хотя условия хранения потребитель не нарушали				
	- 0,087*** (0,017)	0,039*** (0,013)	- 0,158*** (0,021)	0,206*** (0,018)
Участие в практиках «спасения» еды				
Кормление животных	0,013 (0,015)	0,036*** (0,013)	- 0,034 (0,021)	- 0,015 (0,020)
Продление сроков годности продуктов	- 0,008 (0,017)	0,001 (0,015)	0,006 (0,023)	0,001 (0,023)
Социальные каналы	- 0,029 (0,020)	0,022 (0,015)	- 0,109*** (0,027)	0,116*** (0,024)

Примечания: N = 2002 чел. Регионы (восемь федеральных округов) контролируются. *p < 0,1, **p < 0,05, ***p < 0,01. В скобках приведены робастные стандартные ошибки. Вероятность > хи-квадрат = 0,0000. Pseudo R2 = 0,1615. В таблице не приведены переменные, которые оказались незначимыми: образование; материальный статус — средний (на одежду, обувь денег хватает, но крупную бытовую технику купить не можем); участие в традиционных видах солидарной активности на неформальной основе (добровольческий труд, денежные пожертвования); тип населённого пункта — города с населением менее 100 тыс. чел. и посёлок городского типа (ПГТ).

Представителей этичных типов (как «последовательных», так и «непоследовательных») при прочих равных отличают сходные (и взаимодополняемые) позиции в отношении количества образуемых отходов (БО) как таковых. Вероятность попадания в эти типы положительно ассоциирована с высокими значениями «зелёного морального индекса», отражающего силу этических (проэкологических и (или) просоциальных) стремлений при включении (готовности включиться) в сокращение количества образуемых БО (гипотеза H 1a не отвергается). У «этичных последовательных» эта связь более сильная: вероятность попадания в тип повышается на 11,8 против 6,9 п. п. у «этичных непоследовательных». Положительна связь и с наличием у индивидов соображений частной выгоды (экономической и неэкономической) от подобного рода активности (гипотеза H 1b не отвергается), а также с уверенностью в ненеправильности прилагаемых усилий и личном влиянии на решение важной проблемы (гипотеза H 1c не отвергается). Отметим, что у «этичных непоследовательных» эта связь даже более сильная, чем у «этичных последовательных», что, по-видимому, связано с их более молодым составом (к этой значимой особенности типа мы ещё вернёмся). На этом сходство двух этичных типов, пожалуй, заканчивается. Что же их отличает?

Регрессионный анализ позволяет зафиксировать несколько моментов, «размывающих» ряды потребителей, реализующих этические стратегии на стадии покупки продуктов питания.

Первый момент — неодинаковая значимость конструктивных «точек подкрепления» ценностно-нормативного характера в отношении бережного отношения к продуктам питания (экологических, куль-

турных, экономических, см. табл. 11). Оказалось, чем разнообразнее эти «точки подкрепления» у индивидов, тем выше вероятность их попадания лишь в тип «этичных последовательных», в отношении же «этичных непоследовательных» связь незначима (гипотеза *H 2a* не отвергается частично). При наличии всех трёх «точек подкрепления» (экологической, экономической, культурной) связь с попаданием в тип «последовательных этичных» самая высокая (вероятность повышается на 12,1 п. п. по сравнению с базовой группой). Противоположный (отрицательный) характер имеет связь с наличием разного рода оправданий выбрасывания продуктов питания (см. табл. 11), однако в случае «непоследовательных этичных» она также незначима (гипотезы *H 3a*, *H 3c* в этой части не подтверждаются). «Непоследовательные этичные» «отсеиваются» за счёт менее выраженных ценностно-нормативных подкреплений бережного обращения с едой и более выраженных оправданий её выбрасывания (см. табл. 4), включая обозначенные выше особенности образа жизни. В целом в ценностно-нормативном отношении к продуктам питания «этичные последовательные» весьма схожи не с «этичными непоследовательными», а с «устойчивыми невыбрасывателями» (см. табл. 11), которые на стадии покупки продуктов не нагружают себя учётом рисков выбрасывания излишков, но на последующих стадиях (использование, утилизация) избегают возможных негативных эффектов, бережно обращаясь с тем, что купили, в том числе по этическим (экологическим) основаниям.

Второй отличительный момент связан с разной ролью, отводимой другим акторам (магазинам, поставщикам), в вынужденном, неподконтрольном потребителям выбрасывании продуктов. Среди тех, кто указал на то, что продукт испортился раньше указанного срока, хотя условия хранения не нарушались, вероятность попадания в тип «этичных непоследовательных» выше на 3,9 п. п., а в тип «этичных последовательных», напротив, ниже на 8,7 п. п. по сравнению с базовой группой. За этими различиями могут скрываться обстоятельства разной природы: как реальная вина других акторов, разделившая этичных покупателей на два типа, так и перекладывание ответственности на других «непоследовательными этичными» ради ослабления собственной вины.

Различны характер и сила связи с социально-демографическими и статусными характеристиками индивидов: молодые потребители с большей вероятностью (на 4,7–4,9 п. п.) становятся «непоследовательными этичными» и с меньшей (на 5,5–8,6 п. п.) — «последовательными этичными». «Непоследовательными этичными» чаще оказываются лица с материальным статусом выше среднего, что, по-видимому, сопряжено как с меньшим переживанием по поводу напрасно истраченных денег при выбрасывании продуктов, так и с более напряжённым и не всегда неподконтрольным ритмом жизни.

Что касается «последовательных выбрасывателей», то, как и ожидалось, ими при прочих равных с большей вероятностью становятся разные группы молодых потребителей (+ 13,6 и + 10,8 п. п.) (гипотеза *H 5a* не отвергается), а также имеющие больше ценностно-нормативных подкреплений-оправданий выбрасывания продуктов (+ 18,9 п. п.) (гипотеза *H 3b* не отвергается).

А вот в отношении «устойчивых невыбрасывателей» гипотезы не подтвердились. На фоне отрицательной связи со всеми значениями «зелёного морального индекса» касательно проэкологических и (или) просоциальных мотивов включения в сокращение образуемых БО как таковых (что отличает их от этичных типов), в отношении выбрасывания продуктов питания ситуация иная. По ценностно-нормативным подкреплениям в пользу как бережного отношения к продуктам питания, так и оправданий их выбрасывания «устойчивые невыбрасыватели» практически не отличаются от «последовательных этичных» (см. табл. 11). Не учитывая рисков выбрасывания излишков на стадии приобретения продуктов питания, они придерживаются бережного отношения к ним на стадии использования (в том числе, подчеркнём, и по экологическим соображениям) и, так же как «последовательные этичные», практически не выбрасывают продукты. В этом смысле последующие стадии обращения с продуктами могут не только ослаблять положительные этические эффекты предыдущих стадий (тип «непоследо-

вательных этических»), но и сглаживать (предотвращать) неблагоприятные эффекты (тип «устойчивых невыбрасывателей»).

Ещё более неожиданный результат связан с включением представителей разных типов в практики «спасения» еды. Ожидалось, что обращение к любым каналам «спасения» еды (кормление животных, включая птиц; замораживание, дополнительная обработка; передача другим людям) положительно ассоциировано с вероятностью попадания в оба типа этических покупателей, как и в «устойчивые невыбрасыватели», и отрицательно — в тип «последовательные выбрасыватели». Оказалось, что замораживание, дополнительная обработка значимо не связаны с вероятностью попадания ни в один тип. По-видимому, сказывается повсеместная распространённость этой практики с тем отличием, что в одних типах она сопряжена, а в других не сопряжена с отложенным выбрасыванием по причинам иного (в том числе ценностно-нормативного) характера. Кормление животных, широко распространённое во всех типах (см. табл. 5), положительно ассоциировано с вероятностью попадания лишь в тип «непоследовательные этические», повышая её на 3,9 п. п. и «не спасая» от выбрасывания, возможно, в связи с тем, что представители этого типа чаще остальных кормят животных продуктами хорошего качества, а не теми, срок годности которых истёк и которые подлежат выбрасыванию (гипотеза *H6* не отвергается только в этой части).

Что касается *социальных* каналов (передача продуктов хорошего качества другим людям), то они значимо связаны с вероятностью попадания в тип «последовательные выбрасыватели», причём не отрицательно, а положительно (+ 11,6 п. п.). Наше предыдущее исследование даёт основание утверждать, что эта связь касается в первую очередь продуктов плохого качества; в отношении продуктов хорошего качества связь с социальными каналами, включая фудшеринг, положительная [Шабанова 2022]. В то же время социальные каналы «спасения» еды сами по себе сопряжены с определёнными условностями (что, когда и при каких условиях допустимо передавать, есть или нет совпадение вкусов, каковы навыки приготовления еды и проч.), вследствие чего у лиц, нацеленных на сугубо социальные взаимодействия в этой сфере, изначально съедобные продукты могут переходить в разряд подлежащих выбрасыванию.

Наконец, отметим значимую положительную связь (+ 20,6 п. п.) между вероятностью попадания в «последовательные выбрасыватели» и акцентированием вины других акторов (продукт испортился раньше указанного срока, хотя условия его хранения не нарушались). Не отрицая целиком возможной вины других акторов (поставщики, магазины), отметим, что в данном случае эта причина не единственная: значимый вклад вносят и ярко выраженные ценностно-нормативные оправдания выбрасывания еды представителями этого типа (+ 18,9 п. п.).

Выводы и заключительные соображения

В постпандемийные годы практики как выбрасывания, так и «спасения» продуктов питания, несмотря на некоторое снижение после «пандемийного всплеска», стабилизировались на весьма высоком уровне. В настоящее время около половины россиян с разной частотой выбрасывают ставшие ненужными продукты питания, но при этом две трети практикуют и разные способы «спасения» еды. Примечательно, что в разных типах выбрасывателей еды эта доля достигает 67–75%, что не позволяет безоговорочно относить их, как, впрочем, и в условиях пандемии [Шабанова 2022], к расточительным и безответственным потребителям.

Коль скоро самым эффективным способом борьбы с пищевыми отходами в современном мире признаётся предотвращение (профилактика) их образования [Papargyropoulou et al. 2014; Giordano et al. 2020], рассмотрение именно под этим углом зрения действий потребителей на разных стадиях (не)бережного обращения с продуктами питания (покупка, использование, избавление) позволяет зафиксировать степень рассогласованности между стадиями и неоднородность состава как невыбрасывателей, так и выбрасывателей еды.

«Не выбрасывающие» потребители вбирают в свои ряды не только «этичных последовательных», придерживающихся этических принципов на всех стадиях, но и «устойчивых невыбрасывателей». Эти последние на стадии покупок не прибегают к стратегии «купи столько, сколько съешь», но впоследствии бережно обращаются с продуктами и не выбрасывают их, причём не только по экономическим и культурным, но и по экологическим (каждый третий) соображениям. В этом смысле рассогласованное включение в этичное потребление на разных стадиях не обязательно ослабляет позитивный вклад феномена в продвижение целей устойчивого развития, как мы считали ранее [Шабанова 2024b], но может сохранять его за счёт «догоняющего» включения на более поздних стадиях. Этот результат обогащает теоретическое представление о закономерностях воспроизводства феномена и его связи с устойчивым потреблением.

«Выбрасывающие» потребители также неоднородны и состоят не только из «последовательных выбрасывателей», но из «непоследовательных этичных». Эти последние размыывают группу этичных покупателей, несмотря на более активное включение в практики «спасения» еды. По данным регрессионного анализа, при прочих равных с большей вероятностью в оба типа попадают молодые потребители (18–24 и 25–34 лет) (см. табл. 11). Они, как отмечают исследователи, чаще включаются в незапланированные покупки, хуже знают, как рационально управлять едой, что можно приготовить из остатков, чаще корректирует свои повседневные планы [Bravi et al. 2019; Bilska, Tomaszewska, Kołozyn-Krajewska 2020; Cosgrove, Vizcaino, Wharton 2021; Przebórska-Skobiej, Wiza 2021]. Кроме того, в российском контексте у молодёжи наблюдаются существенно более слабые, чем в старших группах, социокультурные скрепы в отношении бережного обращения с едой из-за угасания социальной памяти о трудных временах [Шабанова 2022]. Однако молодёжь в двух выбрасывающих типах разная. В типе «непоследовательные этичные» основная часть молодых потребителей, говоря о причинах выбрасывания продуктов питания, указала на обстоятельства индивидуального уровня (изменение планов, усталость, «купили и забыли», «невкусно приготовили» и др.), а именно: 76% в группе 18–24 лет и 70% в группе 25–34 лет против 37% в группе 60+ и 58,5% в типе в целом. Среди «последовательных выбрасывателей» таких существенно меньше (по 34% в обеих группах молодёжи против 44 и 49% среди 35–44-летних и 45–59-летних и 40% в типе в целом). Именно в типе «последовательные выбрасыватели», по результатам регрессионного анализа, большее значение имеют ценностно-нормативная неподкреплённость бережного отношения к еде и ярко выраженное оправдание её выбрасывания, как, впрочем, и приписывание вины другим акторам (поставщикам и продавцам).

На периферийное место бережного обращения с едой в семействе практик этичного потребления россиян указывает ряд обстоятельств:

- высокая неустойчивость и ситуативность выбора в пользу выбрасывания или сбережения еды в каждый момент времени. Не случайно самая наполненная группа во всех типах — носители неоднозначного, или амбивалентного, ценностно-нормативного профиля в отношении выбрасывания еды (см. табл. 4);
- в ценностно-нормативных подкреплениях экологическая (этическая) компонента заметно уступает экономической и культурной (36% против 54 и 61% соответственно) и практически не выступает в отрыве от них. Другие авторы также констатируют слабую представленность экологических мотивов, когда речь идёт о сокращении выбрасывания продуктов [Асатурян, Ергунева 2018], фиксируя первенство экономических соображений перед экологическими и социальными (см., например: [Neff, Spiker, Truan 2015]);
- более высокая сопряжённость практик обращения с едой (по сравнению с другими этичными потребительскими практиками) со слабо подконтрольными индивидам и непредсказуемыми

обстоятельствами, лежащими на стороне их повседневного образа и ритма жизни, деструктивной ролью других акторов (перевозчики, торговые сети). Как следствие, непреднамеренное и (или) вынужденное попадание части потребителей в «выбрасывающие» типы, несмотря на отрицательное отношение к выбрасыванию еды и активное включение в практики её «спасения» (67–75%).

За всеми этими обстоятельствами скрывается сильная сопряжённость практик обращения с едой с моральными режимами повседневной жизни потребителей, с высокозначимыми, приоритетными («здесь и сейчас») целями и ценностями личного характера (здоровье своё и родных, удовольствие от еды и др.), перевешивающими заботу об окружающей среде с её отдалёнными (как в пространстве, так и во времени) эффектами.

В то же время, по данным исследования, работа по повышению статуса бережного обращения с едой в семействе практик этичного потребления остаётся остроактуальной задачей. На это указывают стабильно высокая доля «последовательных выбрасывателей», сокращение доли «устойчивых невыбрасывателей», сильное размывание этичных покупателей «непоследовательными этичными», ослабляющее их конечный вклад в продвижение целей устойчивого развития. Вдобавок зафиксирован разрыв между этическими позициями российских потребителей в отношении сокращения количества бытовых отходов как таковых и выбрасыванием продуктов питания как их заметной части. В настоящее время первое (сокращение БО) больше, чем второе (выбрасывание продуктов), соприкасается со сферой этичного потребления и гражданского общества. Между озабоченностью же мусорной проблемой и попаданием потребителей в разные типы в сфере обращения с пищевыми отходами значимой положительной связи и вовсе нет.

Ряд обстоятельств указывает на то, что работа по укреплению позиций бережного обращения с продуктами питания как сферы собственно этичного потребления и «невидимого» гражданского общества, олицетворяющего «индивидуализированные коллективные действия» [Micheletti 2003], не лишена оснований.

Первое обстоятельство связано с удержанием в этичном потреблении «непоследовательных этичных». Поскольку их выход из этой сферы на стадии использования купленных продуктов чаще, чем в других типах, связан с разного рода обстоятельствами индивидуального уровня, не всегда подконтрольными потребителям, актуализируется задача по развитию способствующей среды (то есть «архитектуры выбора» [Талер, Санстейн 2018]), облегчающей достижение компромиссов между личной выгодой (здоровье, удовольствие от еды), значимыми социальными ролями и идентичностями, с одной стороны, и моральными обязательствами по сокращению пищевых отходов, с другой. В этот тип с большей вероятностью включается молодёжь (группы 18–24 и 25–34 лет), поэтому стоит обратить внимание на информационно-просветительские и образовательные воздействия (планирование покупок, правильное чтение маркировок, навыки обращения с остатками еды, правильное хранение и др.). С учётом опыта других стран [Hebrok, Voks 2017; Greenwalt 2019; Meal Planning App... 2020] особого внимания заслуживает, в частности, развитие в России разных приложений и веб-сайтов, предлагающих соблазнительные и простые рецепты и подталкивающих потребителей к использованию остатков еды.

Второе касается характеристик «последовательных выбрасывателей» как самого наполненного типа (40%). Хотя в нём больше, чем в других типах, носителей индифферентного и тормозящего ценностно-нормативных профилей в отношении выбрасывания еды (см. табл. 4), они даже там в явном меньшинстве. Основная же часть — носители неоднозначного или даже способствующего ценностно-нормативного профиля. Кроме того, в гражданском отношении представители этого типа не уступают остальным (а порой и превосходят их), будь то членство в НКО, участие в их деятельности или вклю-

чение в традиционные солидарности (добровольческий труд, денежные пожертвования) (см. табл. 8). Наконец, несмотря на более низкое значение «зелёного морального индекса» (см. табл. 7), в целом по доле указавших на проэкологические и (или) просоциальные стремления при включении (готовности включиться) в сокращение БО как таковых этот тип практически не уступает этичным — последовательным и непоследовательным (62 против 65–67%), и основную его часть (68–69 против 72–84%) всё же тревожит острота мусорной проблемы в России. Поэтому налаживание информационно-просветительских коммуникаций о важности сокращения пищевых отходов для ослабления мусорной проблемы и защиты окружающей среды, доказавшее свою эффективность в других странах [Romani et al. 2018; Soma, Li, Maclaren 2020; Shu et al. 2023], в перспективе смогло бы перетянуть в «невыбрасывающие» типы и часть россиян. Тем более что в тип «невыбрасывающие», как и в тип «непоследовательные этичные», с большей вероятностью попадает молодёжь.

Наконец, третье обстоятельство связано с усилением экологических (этических) подкреплений у «устойчивых невыбрасывателей». Сегодня только треть представителей этого типа разделяют экологические (этические) воззрения о вредности выбрасывания еды (позиция безусловного согласия), практически не уступая по этому основанию «непоследовательным этичным» (37%). В этом смысле два типа с противоположным статусом в отношении выбрасывания еды — «непоследовательные этичные» и «устойчивые невыбрасыватели» — практически в равной степени соприкасаются со сферой собственно этичного потребления, входя в него на разных стадиях. Тем самым вторые, то есть «устойчивые невыбрасыватели», сглаживают отрицательный эффект первых, то есть «непоследовательных этичных», в продвижение целей устойчивого развития. Для усиления же конструктивного вклада «устойчивых невыбрасывателей» в развитие и устойчивого, и этичного потребления как его части необходима дальнейшая экологизация этого типа.

Особого внимания заслуживает устранение сбоев в социальных каналах «спасения» еды, которые в настоящее время, как, впрочем, и в год пандемии [Шабанова 2022], положительно ассоциировано с вероятностью попадания в тип выбрасывателей (см. табл. 11). В первую очередь устранение сбоев, по-видимому, связано с использованием возможностей цифровых платформ по сокращению пищевых отходов [Ciulli, Kolk, Voe-Lillegraven 2020; Harvey et al. 2020; Almeida Oroski, Silva 2023; Grieco, Morgante 2025]. Сегодня появление платформ совместного использования продуктов питания рассматривается как путь к «новой экономике, построенной на заботе о людях и окружающей среде» [Martin 2016: 154], как перспективное инновационное решение по эффективному перераспределению излишков продовольствия, которое позволяет не только сократить пищевые отходы, но и поддержать тех, кто нуждается в доступе к продовольственным ресурсам [Grieco, Morgante 2025].

Ограничения и перспективы исследования

Несмотря на то что на данном этапе зафиксирован ряд статистически значимых связей, позволяющих глубже осмыслить состояние дел и «слабые звенья» в сфере (не)этичного обращения с продуктами питания, проблема влияния ненаблюдаемых факторов всё же остаётся. В первую очередь это относится к недоступности данных о таких характеристиках домохозяйств, как их размер, состав, число и возраст детей, специфика образа жизни респондентов (темп жизни, наличие времени и др.), уровень информированности о проблеме пищевых отходов. Все эти ненаблюдаемые на данном этапе переменные, несомненно, сказываются на практиках обращения с продуктами питания, что не позволяет снять проблему возможной эндогенности.

Отдельного изучения заслуживают и коррективы, которые разные типы потребителей готовы или не готовы вносить в свои повседневные практики, а также набор причин, перевешивающих моральное обязательство не выбрасывать еду. Вообще изучение характера погружения (добровольное — вынуж-

денное, осознанное — неосознанное), а также иерархии мотивов (не)бережного обращения с продуктами питания позволили бы более точно вычленивать место этической — проэкологической и (или) просоциальной — компоненты, то есть собственно этичного потребления в этой сфере. Положительная связь между использованием социальных каналов «спасения» еды и выбрасыванием продуктов питания актуализирует изучение сбоев в одноранговых взаимодействиях, а также внимание к формирующимся через цифровые платформы новым социальным конфигурациям во взаимодействиях с незнакомыми людьми, которые отступают от норм обобщённой взаимности (см., например: [Harvey et al. 2020]). Появление свидетельств связи между выбрасыванием еды (и типами пищевых отходов), с одной стороны, и причинами их образования, включая разные модели образа жизни потребителей (см., например: [Aschemann-Witzel, Giménez, Ares 2019]), с другой стороны, указывают на важность обнаружения сегментации потребителей в этой сфере.

На данном этапе мы сосредоточились на одном акторе — на потребителях. Между тем задача сокращения пищевых отходов справедливо признаётся слишком масштабной для решения в одиночку любой из заинтересованных сторон [UNEP 2024]. Исследования в разных странах и накопленный международный опыт реализации успешных программ в этой сфере¹⁶ свидетельствуют о том, что только совместные и согласованные усилия акторов разных уровней и типов (власть, бизнес, СМИ, НКО и др.), учитывающие специфику странового контекста — социокультурного, экономического, экологического, социального, — способны серьёзно ослабить эту проблему [Priefer, Jörissen, Bräutigam 2016; Read, Muth 2021; Simões, Carvalho, Gaspar de Matos 2022; Liechti, Mack, Ammann 2024]. В связи с этим на последующих этапах исследования актуализируется задача изучения социальных механизмов становления и трансформации практик обращения с продуктами питания в России, включая определение «слабых звеньев» в их воспроизводстве. Одно из них — несоблюдение поставщиками и магазинами условий транспортировки и хранения продуктов — зафиксировано в данном исследовании.

В целом можно заключить: хотя практики обращения с продуктами питания, затрагивая первостепенные жизненные цели и ценности потребителей, труднее поддаются устойчивому пребыванию в сфере этичного потребления, этически настроенные потребители сегодня заметно представлены не только в продвинутых, но и в «выбрасывающих» типах, образуя социальную базу для дальнейшей экологизации сферы как через информационно-просветительские воздействия, так и через широкий спектр мер по развитию способствующей среды.

Литература

- Асатурян Д. М., Ергунова В. Э. 2018. Съесть или не съесть? Современная модель потребления через призму выбрасывания продуктов питания: на примере москвичей. *Экономическая социология*. 19 (2): 168–195. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/04/05/1164751079/1ecsoc_t19_n2.pdf#page=168 (дата обращения: 2 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-167-194
- Коссова Е. В., Потанин Б. С. 2022. Оценивание модели с гауссовским мультиномиальным эндогенным переключением и неслучайным отбором. *Прикладная эконометрика*. 67 (3): 121–143.
- Талер Р., Санстейн К. 2018. *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье*. Изд. 2-е. М.: Манн, Иванов и Фербер.

¹⁶ В их числе в источниках называются следующие: «Love Food Hate Waste» («Люблю еду, ненавижу отходы»), Великобритания; «Stop Wasting Food» («Хватит выбрасывать еду»), Дания; «Too Good for the Bin» («Слишком хорошо для мусорного ведра»), Германия; движение «Zero Waste Movement» («Ноль отходов»), Португалия и др. [Priefer, Jörissen, Bräutigam 2016; Liechti, Mack, Ammann 2024].

- Шабанова М. А. 2019. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения. *Мир России*. 3: 88–112.
- Шабанова М. А. 2021. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал. *Социологические исследования*. 8: 103–117.
- Шабанова М. А. 2022. Выбрасывание продуктов и практики по «спасению еды» в России (микро-уровень анализа). *Экономическая социология*. 23 (1): 11–38. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2022/06/06/1758802216/ecsoc_t23_n1.pdf#page=11 (дата обращения: 2 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2022-1-11-38
- Шабанова М. А. 2023. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик. *Экономическая социология*. 24 (1): 13–54. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/01/30/2042991445/ecsoc_t24_n1.pdf#page=13 (дата обращения: 2 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-13-54
- Шабанова М. А. 2024а. Ненужные вещи, мусорная проблема и солидарные практики российских потребителей. *Экономическая социология*. 25 (2): 11–42. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/2024-25-2/annot.html#doc_909811192 (дата обращения: 2 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-14-52
- Шабанова М. А. 2024б. Этичное потребление: теоретическое представление и вклад в дискуссию. *Вопросы экономики*. 7: 53–80.
- Шабанова М. А. 2025. Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества в России. *Экономическая социология*. 26 (2): 14–52. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2025/03/29/1962284955/ecsoc_t26_n2.pdf#page=14 (дата обращения: 2 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-14-52
- Almeida Oroski F. de, Silva J. M. da. 2022. Understanding Food Waste-Reducing Platforms: A Mini-Review. *Waste Management & Research*. 41 (4): 816–827.
- Aschemann-Witzel J., Giménez A., Ares G. 2019. Household Food Waste in an Emerging Country and the Reasons Why: Consumer’s Own Accounts and How It Differs for Target Groups. *Resources, Conservation and Recycling* 145: 332–338.
- Aschemann-Witzel J., Hooge I., Almlí V. 2021. My Style, My Food, My Waste! Consumer Food Waste-Related Lifestyle Segments. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 59: art. 102353. doi: 10.1016/j.jretconser.2020.102353
- Barone A. M., Grappi S., Romani S. 2019. “The Road to Food Waste Is Paved with Good Intentions”: When Consumers’ Goals Inhibit the Minimization of Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling*. 149: 97–105. doi: 10.1016/j.resconrec.2019.05.037
- Berglund C. 2006. The Assessment of Households’ Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*. 56 (4): 560–569.
- Bilska B., Tomaszewska M., Kołozyn-Krajewska D. 2020. Analysis of the Behaviors of Polish Consumers in Relation to Food Waste. *Sustainability*. 12 (1): art. 304. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12010304> (accessed 3 March 2026).

- Black I. R., Cherrier H. 2010. Anti-Consumption as Part of Living a Sustainable Lifestyle: Daily Practices, Contextual Motivations and Subjective Values. *Journal of Consumer Behaviour*. 9 (6): 437–453.
- Borghesi G., Morone P. 2023. A Review of the Effects of COVID-19 on Food Waste. *Food Security*. 15 (1): 261–280.
- Bravi L., Murmura F., Savelli E., Viganò E. 2019. Motivations and Actions to Prevent Food Waste Among Young Italian Consumers. *Sustainability*. 11 (4): art. 1110. Available at: <https://doi.org/10.3390/su11041110> (accessed 3 March 2026).
- Chang H. 2021. Is It Unethical to Waste Food? Exploring Consumer's Ethical Perspectives and Waste Intentions. *Current Psychology*. 41 (6): 8434–8448 (2022).
- Chang C.-C. et al. 2022. *Reducing Food Loss and Waste Along the Food Value Chain in APEC During and Post-COVID-19 Pandemic*. APEC Policy Partnerships on Food Security. Asia-Pacific Economic Cooperation. Available at: <https://www.apec.org/publications/2022/03/reducing-food-loss-and-waste-along-the-food-valuechain-in-apec-during-and-post-covid-19-pandemic> (accessed 8 August 2025).
- Ciulli F., Kolk A., Boe-Lillegraven S. 2020. Circularity Brokers: Digital Platform Organizations and Waste Recovery in Food Supply Chains. *Journal of Business Ethics*. 167 (2): 299–331.
- Cosgrove K., Vizcaino M., Wharton C. 2021. COVID-19-related Changes in Perceived Household Food Waste in the United States: A Cross-Sectional Descriptive Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 18 (3): art. 1104. doi: [10.3390/ijerph18031104](https://doi.org/10.3390/ijerph18031104)
- Cotte J., Trudel R. 2009. Socially Conscious Consumerism. A Systematic Review of the Body of Knowledge. *Network for Business Sustainability*. Available at: https://nbs.net/wp-content/uploads/2022/02/NBS_Consumerism_SR_Researcher-zl3t.pdf (accessed 1 August 2025).
- Earth.org. 2025. World Food Day 2025: 23 Shocking Facts About Food Waste. October 16. Available at: <https://earth.org/facts-about-food-waste> (accessed 7 March 2026).
- Etzioni A. 2003. Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*. 1 (1): 105–118.
- Evans D. 2012. Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste. *Sociology*. 46 (1): 41–56.
- Everitt H., Werf P. van der, Gilliland J. A. 2023. A Review of Household Food Waste Generation During the COVID-19 Pandemic. *Sustainability*. 15 (7): art. 5760. Available at: <https://doi.org/10.3390/su15075760> (accessed 3 March 2026).
- Falcone P. M., Imbert E. 2017. Bringing a Sharing Economy Approach into the Food Sector: The Potential of Food Sharing for Reducing Food Waste. In: Morone P., Papendiek F., Tartiu V. (eds) *Food Waste Reduction and Valorisation*. Cham: Springer; 197–214.
- Geffen L. van et al. Food Waste as the Consequence of Competing Motivations, Lack of Opportunities, and Insufficient Abilities. *Resources, Conservation & Recycling: X*. 5: art. 100026. doi: [10.1016/j.rcrx.2019.100026](https://doi.org/10.1016/j.rcrx.2019.100026)

- Giordano C. et al. 2020. The Role of Food Waste Hierarchy in Addressing Policy and Research: A Comparative Analysis. *Journal of Cleaner Production*. 252: art.: 119617. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119617> (accessed 3 March 2026).
- GMA, Deloitte Green Shopper Study. 2009. *Finding the Green in Today's Shoppers. Sustainability Trends and New Shopper Insights*. Washington, DC: Grocery Manufacturers Association (GMA); Deloitte Development LLC.
- Greenwalt M. 2019. Digital Tool Helps Reduce Food Waste Caused by Meal Prepping. 2019. *Waste360* [Online], 30 April. Available at: <https://www.waste360.com/food-waste/digital-tool-helps-reduce-food-waste-caused-by-meal-prepping> (accessed 8 August 2025).
- Grieco C., Morgante A. 2025. New Solutions for Old Problems: Exploring Business Model Innovation in Food Sharing Platforms. *Business Strategy and the Environment*. 34 (5): 5742–5759.
- Hanson C., Mitchell P. 2017. *The Business Case for Reducing Food Loss and Waste*. A Report on Behalf of Champions 12.3. Washington, DC: Champions 12.3. Available at: <https://champions123.org/sites/default/files/2020-08/business-case-for-reducing-food-loss-and-waste.pdf> (accessed 15 August 2025).
- Harvey J. et al. 2020. Food Sharing, Redistribution, and Waste Reduction via Mobile Applications: A Social Network Analysis. *Industrial Marketing Management*. 88: 437–448.
- Hebrok M., Boks C. 2017. Household Food Waste: Drivers and Potential Intervention Points for Design — An Extensive Review. *Journal of Cleaner Production*. 151: 380–392.
- Herpen E. van et al. 2023. Convenient Tools and Social Norms: Measuring the Effectiveness of an Intervention to Reduce Household Food Waste. *Journal of Cleaner Production*. 429: art. 139604. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139604> (accessed 3 March 2026).
- Iranmanesh M. et al. 2022. Impacts of the COVID-19 Pandemic on Household Food Waste Behaviour: A Systematic Review. *Appetite*. 176: art. 106127. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.appet.2022.106127> (accessed 3 March 2026).
- Jung H. J., Oh K. W., Kim H. M. 2021. Country Differences in Determinants of Behavioral Intention Towards Sustainable Apparel Products. *Sustainability*. 13 (2): art. 558. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13020558> (accessed 3 March 2026).
- Klein J. G., Smith N. C., John A. 2004. Why We Boycott: Consumer Motivations for Boycott Participation. *Journal of Marketing*. 68 (3): 92–109.
- Liechti C., Mack G., Ammann J. 2024. A Systematic Literature Review of Impactful Food Waste Interventions at the Consumer Level. *Sustainable Production and Consumption*. 52: 552–565. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2024.11.023> (accessed 3 March 2026).
- Martin C. J. 2016. The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? *Ecological Economics*. 121: 149–159.
- Meal Planning App Helps Households Reduce Food Waste During Pandemic. 2020. *Waste360* [Online], 8 September. Available at: <https://www.waste360.com/food-waste/meal-planning-app-helps-households-reduce-food-waste-during-pandemic> (accessed 8 August 2025).

- Micheletti M. 2003. *Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action*. New York: Palgrave Macmillan.
- Mokrane S. et al. 2023. Exploring the Global Scientific Literature on Food Waste and Loss. *Sustainability*. 15 (6): art. 4757. Available at: <https://doi.org/10.3390/su15064757> (accessed 3 March 2026).
- Neff R. A., Spiker M. L., Truant P. L. 2015. Wasted Food: U.S. Consumers' Reported Awareness, Attitudes, and Behaviors. *PLOS ONE*. 10 (6): art. e0127881. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127881> (accessed 3 March 2026).
- Nguyen H. V., Nguyen C. H., Hoang T. T. B. 2019. Green Consumption: Closing the Intention-Behavior Gap. *Sustainable Development*. 27 (1): 118–129.
- Newcombe R. G. 1998. Two-Sided Confidence Intervals for the Single Proportion: Comparison of Seven Methods. *Statistics in Medicine*. 17 (8): 857–872.
- Papargyropoulou E. et al. 2014. The Food Waste Hierarchy as a Framework for the Management of Food Surplus and Food Waste. *Journal of Cleaner Production*. 76: 106–115.
- Priefer C., Jörisen J., Bräutigam K.-R. 2016. Food Waste Prevention in Europe—A Cause-Driven Approach to Identify the Most Relevant Leverage Points for Action. *Resources, Conservation and Recycling*. 109: 155–165.
- Przezbórska-Skobiej L., Wiza P. L. 2021. Food Waste in Households in Poland — Attitudes of Young and Older Consumers Towards the Phenomenon of Food Waste as Demonstrated by Students and Lecturers of PULS. *Sustainability*. 13 (7): art. 3601. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13073601> (accessed 3 March 2026).
- Read Q. D.; Muth M. 2021. Cost-Effectiveness of Four Food Waste Interventions: Is Food Waste Reduction a “Win–Win?”. *Resources, Conservation and Recycling*. 168: art. 105448. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.105448> (accessed 3 March 2026).
- Romani S. et al. 2018. Domestic Food Practices: A Study of Food Management Behaviors and the Role of Food Preparation Planning in Reducing Waste. *Appetite*. 121: 215–227.
- Setti M. et al. 2016. Italian Consumers' Income and Food Waste Behavior. *British Food Journal*. 118 (7): 1731–1746.
- Shaw D. 2007. Consumer Voters in Imagined Communities. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 27 (3/4): 135–150.
- Shu Y. et al. 2023. Evaluation of a Community-based Food Waste Campaign Using a National Control Group. *Waste Management*. 160: 101–111.
- Simões J., Carvalho A., Gaspar de Matos M. 2022. How to Influence Consumer Food Waste Behavior with Interventions? A Systematic Literature Review. *Journal of Cleaner Production*. 373: art. 133866. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133866> (accessed 3 March 2026).

- Soma T., Li B., Maclaren V. 2020. Food Waste Reduction: A Test of Three Consumer Awareness Interventions. *Sustainability*. 12 (3): art. 907. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12030907> (accessed 3 March 2026).
- United Nations. 2015. *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed 8 August 2025).
- UNEP. 2024. *Food Waste Index Report 2024. Think Eat Save: Tracking Progress to Halve Global Food Waste*. United Nations Environment Programme (UNEP). Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/45230> (accessed 8 August 2025).
- Wang P., McCarthy B., Kapetanaki A. B. 2021. To Be Ethical or to Be Good? The Impact of ‘Good Provider’ and Moral Norms on Food Waste Decisions in Two Countries. *Global Environmental Change*. 69 (2): art. 102300. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2021.102300> (accessed 3 March 2026).
- Webb J. 2007. Seduced or Sceptical Consumers? Organised Action and the Case of Fair Trade Coffee. *Sociological Research Online*. 12 (3): 73–85.
- WRAP. 2023a. *UK Progress Against the Courtauld Commitment 2030 Food Waste Target and SDG 12.3 as of 2021*. The Waste and Resources Action Programme (WRAP). Available at: <https://www.wrap.ngo/resources/report/courtauld-commitment-milestone-report-2023> (accessed 8 August 2025).
- WRAP. 2023b. *UK Food Waste & Food Surplus — Key Facts. November 2023*. The Waste and Resources Action Programme (WRAP) Available at: <https://wrap.org.uk/resources/guide/waste-prevention-activities/food-love-waste-data> (accessed 8 August 2025).
- Yu Y., Jaenicke E. C. 2020. Estimating Food Waste as Household Production Inefficiency. *American Journal of Agricultural Economics*. 102 (2): 525–547.

NEW TEXTS

Marina Shabanova

Handling Food as a Sphere of (Non)Ethical Consumption in Russia

SHABANOVA, Marina —

Doctor of Sciences (Sociology),
Professor, Department of Applied
Economics, Leading Research
Fellow, Center for Studies of
Civil Society and the Nonprofit
Sector, HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., 101000,
Moscow, Russian Federation.

Email: mshabanova@hse.ru

Abstract

In the contemporary world, food waste at the consumer (household) level poses a large-scale environmental, economic, social, and ethical problem. Its alleviation aligns with the UN Sustainable Development Goals (Goal 12.3). Based on data from three representative surveys in Russia (2020, 2022, and 2024; $N = 2,000$ respondents each), the paper examines changes in the level of consumer engagement in both throwing food away and various food rescue practices. Since preventing food waste accumulation is considered the most effective way of combating this problem, the paper explores consumer behavior at various stages of (non)ethical handling of foodstuffs (purchasing, usage, and disposal) from this perspective. Four types of consumers have been described (“consistently ethical”,

“inconsistently ethical”, “stable non-throwers away”, and “consistent throwers away”) and heterogeneity of both throwers and non-throwers away have been revealed. It has been shown that inconsistent engagement in ethical consumption at different stages can either weaken the positive contribution of this phenomenon to the promotion of sustainable development goals (erosion of ethical consumers with “inconsistently ethical” ones) or replenish (and even reinforce it) it owing to the “catching up” incorporation of “stable non-throwers away” at a later stage.

Links between the likelihood of joining different consumer groups and a number of value-action, socio-demographic, and status characteristics—as well as engagement in various food-saving practices—have been evaluated using regression analysis.

A conclusion has been justified concerning the peripheral role of careful food handling within the family of ethical consumption practices. It also confirms that enhancing its role is a multifaceted goal requiring joint efforts by actors at various levels and types to create conditions that facilitate consumer trade-offs between personal benefits (health, enjoying food) and significant social identities, on one hand, and engagement in reducing food waste, on the other.

Keywords: food waste; garbage problem; food rescue practices; ethical consumption; sustainable consumption; civil society; consumer types.

References

- Almeida Oroski F. de, Silva J. M. da (2022) Understanding Food Waste-Reducing Platforms: A Mini-Review. *Waste Management & Research*, vol. 41, no 4, pp. 816–827.
- Asaturyan D., Erguneva V. (2018) Syest ili ne syest? Sovremennaya model potrebleniya cherez prizmu vybrasyvaniya produktov pitaniya: na primere moskvichey [To Eat or Not to Eat? The Modern Consumption

Model Through the Prism of Food Wasting: Moscow Citizens Case]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 9, no 2, pp. 168–195. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/04/05/1164751079/1ecsoc_t19_n2.pdf#page=168 (accessed 16 August 2025) (in Russian).

Aschemann-Witzel J., Giménez A., Ares G. (2019) Household Food Waste in an Emerging Country and the Reasons Why: Consumer's Own Accounts and How It Differs for Target Groups. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 145, pp. 332–338.

Aschemann-Witzel J., Hooge I., Almlí V. (2021) My Style, My Food, My Waste! Consumer Food Waste-Related Lifestyle Segments. *Journal of Retailing and Consumer Services*, vol. 59, art. 102353. doi: 10.1016/j.jretconser.2020.102353

Barone A. M., Grappi S., Romani S. (2019) “The Road to Food Waste is Paved with Good Intentions”: When Consumers' Goals Inhibit the Minimization of Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 149, pp. 97–105. doi: 10.1016/j.resconrec.2019.05.037

Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*, vol. 56, no 4, pp. 560–569.

Bilska B., Tomaszewska M., Kołozyn-Krajewska D. (2020) Analysis Of The Behaviors Of Polish Consumers in Relation to Food Waste. *Sustainability*, vol. 12, no 1, art. 304. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12010304> (accessed 3 March 2026).

Black I. R., Cherrier H. (2010) Anti-Consumption as Part of Living a Sustainable Lifestyle: Daily Practices, Contextual Motivations and Subjective Values. *Journal of Consumer Behaviour*, vol. 9, no 6, pp. 437–453.

Borghesi G., Morone P. (2023) A Review of the Effects of COVID-19 on Food Waste. *Food Security*, vol. 15, no 1, pp. 261–280.

Bravi L., Murmura F., Savelli E., Viganò E. (2019) Motivations And Actions To Prevent Food Waste among Young Italian Consumers. *Sustainability*, vol. 11, no 4, art. 1110. Available at: <https://doi.org/10.3390/su11041110> (accessed 3 March 2026).

Chang H. (2021) Is it Unethical to Waste Food? Exploring Consumer's Ethical Perspectives and Waste Intentions. *Current Psychology*, vol. 41, no 6, pp. 8434–8448 (2022).

Chang C.-C., Hsu S.-H., Yew J.-S., Dy K. (2022) *Reducing Food Loss and Waste Along the Food Value Chain in APEC During and Post-COVID-19 Pandemic*. APEC Policy Partnerships on Food Security. Asia-Pacific Economic Cooperation. Available at: <https://www.apec.org/publications/2022/03/reducing-food-loss-and-waste-along-the-food-valuechain-in-apec-during-and-post-covid-19-pandemic> (accessed 8 August 2025).

Ciulli F., Kolk A., Boe-Lillegraven S. (2020) Circularity Brokers: Digital Platform Organizations and Waste Recovery in Food Supply Chains. *Journal of Business Ethics*, vol. 167, no 2, pp. 299–331.

Cosgrove K., Vizcaino M., Wharton C. (2021) COVID-19-Related Changes in Perceived Household Food Waste in the United States: A Cross-Sectional Descriptive Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no 3, art. 1104. doi: 10.3390/ijerph18031104

- Cotte J., Trudel R. (2009) Socially Conscious Consumerism. A Systematic Review of the Body of Knowledge. *Network for Business Sustainability*. Available at: https://nbs.net/wp-content/uploads/2022/02/NBS_Consumerism_SR_Researcher-zl3t.pdf (accessed 15 August 2025).
- Earth.org. (2025) *World Food Day 2025: 23 Shocking Facts About Food Waste*. October 16. Available at: <https://earth.org/facts-about-food-waste/> (accessed 9 March 2026).
- Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*, vol. 1, no 1, pp. 105–118.
- Evans D. (2012) Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste, *Sociology*, vol. 46, no 1, pp. 41–56.
- Everitt H., Werf P. van der, Gilliland J. A. (2023) A Review of Household Food Waste Generation during the COVID-19 Pandemic. *Sustainability*, vol. 15, no 7, art. 5760. Available at: <https://doi.org/10.3390/su15075760> (accessed 3 March 2026).
- Falcone P. M., Imbert E. (2017) Bringing a Sharing Economy Approach into the Food Sector: The Potential of Food Sharing for Reducing Food Waste. *Food Waste Reduction and Valorisation* (eds. P. Morone, F. Pappendiek, V. Tartiu), Cham: Springer, pp. 97–214.
- Geffen L. van, Herpen E. van, Sijtsema S., Trijp H. van (2020) Food Waste as the Consequence of Competing Motivations, Lack of Opportunities, and Insufficient Abilities. *Resources, Conservation & Recycling: X*, vol. 5, art. 100026. doi: [10.1016/j.rcrx.2019.100026/](https://doi.org/10.1016/j.rcrx.2019.100026/)
- Giordano C., Falasconi L., Cicatiello C., Pancino B. (2020) The Role of Food Waste Hierarchy in Addressing Policy and Research: A Comparative Analysis. *Journal of Cleaner Production*, vol. 252, art. 119617. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119617> (accessed 3 March 2026).
- GMA, Deloitte Green Shopper Study (2009) *Finding the Green in Today's Shoppers. Sustainability Trends and New Shopper Insights*, Washington, DC: Grocery Manufacturers Association (GMA); Deloitte Development LLC.
- Greenwalt M. (2019) Digital Tool Helps Reduce Food Waste Caused by Meal Prepping. *Waste360* [Online], 30 April. Available at: <https://www.waste360.com/food-waste/digital-tool-helps-reduce-food-waste-caused-by-meal-prepping> (accessed 8 August 2025).
- Grieco C., Morgante A. (2025) New Solutions for Old Problems: Exploring Business Model Innovation in Food Sharing Platforms. *Business Strategy and the Environment*, vol. 34, no 5, pp. 5742–5759.
- Hanson C., Mitchell P. (2017) *The Business Case for Reducing Food Loss and Waste*. A Report on Behalf of Champions 12.3, Washington, DC: Champions 12.3. Available at: <https://champions123.org/sites/default/files/2020-08/business-case-for-reducing-food-loss-and-waste.pdf> (accessed 15 August 2025).
- Harvey J., Smith A., Goulding J., Branco Illodo I. (2020) Food Sharing, Redistribution, and Waste Reduction via Mobile Applications: A Social Network Analysis. *Industrial Marketing Management*, vol. 88, pp. 437–448.
- Hebrok M., Boks C. (2017) Household Food Waste: Drivers and Potential Intervention Points for Design — An Extensive Review. *Journal of Cleaner Production*, vol. 151, pp. 380–392.

- Herpen E. van, Wijnen T., Quested T., Reynolds C., Sharda N. (2023) Convenient Tools and Social Norms: Measuring the Effectiveness of an Intervention to Reduce Household Food Waste. *Journal of Cleaner Production*, vol. 429, art. 139604. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139604> (accessed 3 March 2026).
- Iranmanesh M., Ghobakhloo M., Nilashi M., Tseng M.-L., Senali M., Abbasi G. (2022) Impacts of the COVID-19 Pandemic on Household Food Waste Behaviour: A Systematic Review. *Appetite*, vol. 176, art. 106127. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.appet.2022.106127> (accessed 3 March 2026).
- Jung H. J., Oh K. W., Kim H. M. (2021) Country Differences in Determinants of Behavioral Intention Towards Sustainable Apparel Products. *Sustainability*, vol. 13, no 2, art. 558. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13020558> (accessed 3 March 2026).
- Klein J. G., Smith N. C., John A. (2004) Why We Boycott: Consumer Motivations For Boycott Participation. *Journal of Marketing*, vol. 68, no 3, pp. 92–109.
- Kossova E. V., Potanin B. S. (2022) Otsenivanie modeli s gaussovskim multinomialnym endogennym pereklyucheniem i nesluchaynym otborom [Estimation of Gaussian Multinomial Endogenous Switching Model]. *Applied Econometrics = Prikladnaya ekonometrika*, vol. 67, no 3, pp. 121–143 (in Russian).
- Liechti C., Mack G., Ammann J. (2024) A Systematic Literature Review of Impactful Food Waste Interventions at the Consumer Level. *Sustainable Production and Consumption*, vol. 52, pp. 552–565. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2024.11.023> (accessed 3 March 2026).
- Martin C. J. (2016) The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 149–159.
- Meal Planning App Helps Households Reduce Food Waste During Pandemic. (2020) *Waste360* [Online], 8 September. Available at: <https://www.waste360.com/food-waste/meal-planning-app-helps-households-reduce-food-waste-during-pandemic> (accessed 8 August 2025).
- Micheletti M. (2003) *Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action*, New York: Palgrave Macmillan.
- Mokrane S., Buonocore E., Capone R., Franzese P. P. (2023) Exploring the Global Scientific Literature on Food Waste and Loss. *Sustainability*, vol. 15, no 6, art. 4757. Available at: <https://doi.org/10.3390/su15064757> (accessed 3 March 2026).
- Neff R. A., Spiker M. L., Truant P. L. (2015) Wasted Food: U.S. Consumers' Reported Awareness, Attitudes, and Behaviors. *PLOS ONE*, vol. 10, no 6, art. e0127881. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127881> (accessed 3 March 2026).
- Nguyen H. V., Nguyen C. H., Hoang T. T. B. (2019) Green Consumption: Closing the Intention-Behavior Gap. *Sustainable Development*, vol. 27, no 1, pp. 118–129.
- Newcombe R. G. (1998). Two-Sided Confidence Intervals for the Single Proportion: Comparison of Seven Methods. *Statistics in Medicine*, vol. 17, no 8, pp. 857–872.

- Papargyropoulou E., Lozano R., Steinberger J. K., Wright N., Ujang Z. bin (2014) The Food Waste Hierarchy as a Framework for the Management of Food Surplus and Food Waste. *Journal of Cleaner Production*, vol. 76, pp. 106–115.
- Priefer C., Jörissen J., Bräutigam K.-R. (2016) Food Waste Prevention in Europe — A Cause-Driven Approach to Identify the Most Relevant Leverage Points for Action. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 109, pp. 155–165.
- Przezbórska-Skobiej L., Wiza P. L. (2021) Food waste in households in Poland — Attitudes of Young and Older Consumers towards the Phenomenon of Food Waste as Demonstrated by Students and Lecturers of PULS. *Sustainability*, vol. 13, no 7, art. 3601. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13073601> (accessed 3 March 2026).
- Read Q. D., Muth M. (2021) Cost-Effectiveness of Four Food Waste Interventions: Is Food Waste Reduction a “Win–Win?”. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 168, art. 105448. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.105448> (accessed 3 March 2026).
- Romani S., Grappi S., Bagozzi R. P., Barone A. M. (2018) Domestic Food Practices: A Study of Food Management Behaviors and the Role of Food Preparation Planning in Reducing Waste. *Appetite*, vol. 121, pp. 215–227.
- Setti M., Falasconi L., Vittuari M., Andrea S., Cusano I., Griffith C., Griffith C. (2016) Italian Consumers’ Income and Food Waste Behavior. *British Food Journal*, vol. 118, no 7, pp. 1731–1746.
- Shabanova M. A. (2019) Razdelnyy sbor bytovykh otkhodov v Rossii: uroven, phactory i potentsial vklucheniya naseleniya [Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 3, pp. 88–112 (in Russian).
- Shabanova M. A. (2021) Razdelnyy sbor bytovykh otkhodov kak dobrovolnaya praktika rossiyan: dinamika, phactory, potentsial [Separate Waste Collection as Russians’ Voluntary Practice: The Dynamics, Factors and Potential]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 8, pp. 103–117 (in Russian).
- Shabanova M. A. (2022) Vybrasyvanie produktov i praktiki po «spaseniyu edy» v Rossii (mikrouroven analiza) [Throwing Food Away and Food Rescue Practices in Russia (Microlevel Analysis)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 11–38. doi: [10.17323/1726-3247-2022-1-11-38](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-11-38) (in Russian).
- Shabanova M. (2023) Etichnoe potreblenie kak sfera grazhdanskogo obshchestva v Rossii: phactory i potentsial razvitiya rynochnykh praktik [Ethical Consumption as a Sphere of Russian Civil Society: Factors and the Development Potential of Market Practices]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 13–54. doi: [10.17323/1726-3247-2023-1-13-54](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-13-54) (in Russian).
- Shabanova M. A. (2024a) Nenuzhnye veshchi, musornaya problema i solidarnye praktiki rossiyskikh potrebiteley [Unnecessary Items, Waste Issue and Solidarity Practices Among Russian Consumers]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 2, pp. 11–42. doi [10.17323/1726-3247-2025-2-14-52](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-2-14-52) (in Russian).
- Shabanova M. A. (2024b) Etichnoe potreblenie: teoreticheskoe predstavlenie i vklad v diskussiyu [Ethical Consumption: Theoretical Concepts and a Contribution to the Debate]. *Voprosy Ekonomiki*, no 7, pp. 53–80 (in Russian).

- Shabanova M. (2025) Etichnoe potreblenie kak indikator i resurs transphormatsii grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Ethical Consumption as an Indicator and Resource of Civil Society Transformation in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 3, pp. 14–52. doi: [10.17323/1726-3247-2025-2-14-52](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-2-14-52) (in Russian).
- Shaw D. (2007) Consumer Voters in Imagined Communities. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 27, no 3/4, pp. 135–150.
- Shu Y., Booker A., Karetny J., O’Keefe K., Rees K., Schroder L., Roe B. E. (2023) Evaluation of a Community-Based Food Waste Campaign Using a National Control Group. *Waste Management*, vol. 160, pp. 101–111.
- Simões J., Carvalho A., Gaspar de Matos M. (2022) How to Influence Consumer Food Waste Behavior with Interventions? A Systematic Literature Review. *Journal of Cleaner Production*, vol. 373, art. 133866. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133866> (accessed 3 March 2026).
- Soma T., Li B., Maclaren V. (2020) Food Waste Reduction: A Test of Three Consumer Awareness Interventions. *Sustainability*, vol. 12, no 3, art. 907. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12030907> (accessed 3 March 2026).
- Thaler R., Sunstein C. (2018) *Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit’ nashi resheniya o zdorov’e, blagosostoyanii i schast’e* [Nudge. Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness], 2nd ed., Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).
- United Nations (2015) *Transforming Our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed 8 August 2025).
- UNEP (2024) *Food Waste Index Report 2024. Think Eat Save: Tracking Progress to Halve Global Food Waste*. United Nations Environment Programme (UNEP). Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/45230> (accessed 8 August 2025).
- Wang P., McCarthy B., Kapetanaki A. B. (2021) To be Ethical or to be Good? The Impact of ‘Good Provider’ and Moral Norms on Food Waste Decisions in Two Countries. *Global Environmental Change*, vol. 69, no 2, art. 102300. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2021.102300> (accessed 3 March 2026).
- Webb J. (2007) Seduced or Sceptical Consumers? Organised Action and the Case of Fair Trade Coffee. *Sociological Research Online*, vol. 12, no 3, pp. 73–85.
- WRAP (2023a) *UK Progress Against the Courtauld Commitment 2030 Food Waste Target and SDG 12.3 as of 2021*. The Waste and Resources Action Programme (WRAP). Available at: <https://www.wrap.ngo/resources/report/courtauld-commitment-milestone-report-2023> (accessed 8 August 2025).
- WRAP (2023b) *UK Food Waste & Food Surplus — Key Facts. November 2023*. The Waste and Resources Action Programme (WRAP). Available at: <https://wrap.org.uk/resources/guide/waste-prevention-activities/food-love-waste-data> (accessed 8 August 2025).
- Yu Y., Jaenicke E. C. (2020) Estimating Food Waste as Household Production Inefficiency. *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 102, no 2, pp. 525–547.

Received: October 23, 2025

Citation: Shabanova M. (2026) Obrashchenie s produktami pitaniya kak sfera (ne)jetichnogo potrebleniya v Rossii [Handling Food as a Sphere of (Non)Ethical Consumption in Russia]. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 11–51. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-11-51](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-11-51) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

К. Поланьи

В поисках средств к существованию: введение к книге

ПОЛАНЬИ Карл (1886–1964) — выдающийся экономист-историк, родившийся в Австро-Венгрии; в 1933 г. эмигрировал в Англию; в 1947–1953 гг. был профессором Колумбийского университета (США); жил и умер в Канаде.

*Перевод с английского
Аллы Белых*

Под научной редакцией
Андрея Белых

Публикуется с разрешения
Издательства Института
Гайдара.

Источник: Поланьи К.
(готовится к изданию)
*В поисках средств
к существованию.* М.:
Издательство Инсти-
тута Гайдара; перев.
с англ.: Polanyi K. 1977.
The Livelihood of Man
(ed. H. W. Pearson). New
York; San Francisco;
London: Academic Press.

В незавершённой и не публиковавшейся при жизни автора книге «В поисках средств к существованию» («The Livelihood of Man»), впервые изданной в 1977 г., Карл Поланьи продолжает развивать идеи, которые ранее были им изложены в монументальном труде «Великая трансформация» (1944 г.) В «Великой трансформации» Поланьи подчёркивал: чтобы получить более реалистичное представление о роли экономики в человеческом обществе, необходимо пересмотреть всеобщую экономическую историю, опираясь на более широкие концептуальные основания. В центр книги «В поисках средств к существованию» автор также помещает проблему о средствах существования человека, переосмысление которой происходит на трёх уровнях. На теоретическом уровне разбираются концепты торговли, денег и рыночных институтов, которые предлагается применить к любому типу общества. На историческом уровне приводятся конкретные примеры, которые вдыхают жизнь в теоретические обобщения путём их сравнения или противопоставления. На политическом уровне автор стремится получить от истории ответ на некоторые насущные моральные и практические проблемы XX столетия.

В журнале «Экономическая социология» публикуется введение, где Поланьи объясняет ключевой замысел и цель книги. Готовится к публикации на русском языке Издательством Института Гайдара.

Ключевые слова: экономика; торговля; деньги; рынки; институты; технологическое развитие.

Введение

Эта работа — вклад экономиста-историка в решение мировых проблем, возникающих в период опасных трансформаций. Её задача очень простая: полностью переосмыслить проблему материальных средств существования человека, без чего невозможно расширить нашу свободу созидательной адаптации и тем самым улучшить наши шансы на выживание.

В этой книге можно сделать лишь первые шаги в данном направлении. Однако я попытаюсь развенчать некоторые глубоко укоренившиеся ложные представления, существующие в современной социальной философии, — представления о том, какое место экономика занимает в обществе. В центре данного исследования будут торговля, деньги и рыночные институты — понятия, так хорошо знакомые нашему времени, и всё же, возможно, именно по этой причине, являющиеся источниками удручающе неполного понимания природы человеческой экономики.

Если при анализе голых фактов иногда начинают звучать личные оценки, то это только потому, что историк не может чувствовать себя в стороне от потребностей своего времени. И тогда в ответ в традиционную канву академической дисциплины он может добавить эмоции, что совершенно не типично для структуры научного повествования. Но всё же то, каким окажется историческое исследование, не может определяться исключительно личной позицией того или иного историка. Можно вполне объективно оценить, насколько велика такая опасность, и даже самый краткий анализ настоящего позволяет выявить некоторые постоянные факторы грядущего периода истории. Тем не менее подход к решению этой задачи вполне может считаться личностным. Так или иначе, не на пустом месте, а в силу объективных причин возникло мнение, что даже исследователь экономической истории — человек, глубоко погруженный в науку и отстранённый от реальных проблем — в этом вполне земном процессе должен иметь возможность найти применение и для себя. Так, например, он способен помочь нам избавиться от устаревших понятий. Кроме того, благодаря тому, что он умеет верно определять болезни исследуемого века, он даже мог бы осмелиться высказать своё мнение по поводу того, как оценивать долгосрочные политические проблемы.

Конечно, голые факты, которые привели к сложившейся сегодня ситуации, многие историки трактуют одинаковым образом. Около четверти века назад стал очевидным крах системы мировой экономики. После Первой мировой войны произошли значительные изменения в системе международного золотого стандарта, на мировых товарных и сырьевых рынках, а также в области глобального распределения кредитов и инвестиций. Некоторые из этих изменений оказались внезапными, некоторые происходили постепенно. В то же время начался распад политической организации народов, населяющих нашу планету. Нарушился баланс сил, благодаря которому в течение столетия удавалось предотвращать крупные войны. Появлялись и исчезали новые формы правительственных диктатур. С различной степенью успеха испытывались новые принципы организации экономики. После Второй мировой войны в Азии и Северной Африке менялись границы стран. Был период, когда Третья мировая война казалась неизбежной. Однако, несмотря ни на что, создаётся впечатление, что аргументы в пользу выживания начинают перевешивать аргументы в пользу уничтожения.

Каким бы ни был исход, уже сейчас можно сделать один вполне определённый вывод: нам не обойтись без дальнейшей перенастройки институционального ландшафта национальной и международной жизни. Эта мысль может показаться банальной, ведь история не стоит на месте. И в действительности, в связи с этим я считаю, что историки должны уметь предвидеть изменения, которые способны повлиять на жизненно важные аспекты нашего коллективного существования, даже если — и сегодня это кажется вполне возможным — с нами не произойдёт никаких значительных событий, подобных тем, с которыми мы столкнулись в прошлом десятилетии. Необходимо особо отметить одно критически важное обстоятельство, которое легко упустить из виду: очевидно, что противоборствующим политическим и идеологическим силам, уже появившимся на арене международной жизни, предстоит либо вступить в деструктивную схватку, либо конструктивно взаимодействовать. Не исключено, что потребуется воспользоваться обоими этими сценариями. И всё же институциональная природа этих сил такова, что, даже если не случится ничего драматичного, неизбежна постепенная адаптация к таким обстоятельствам. В одном можно быть полностью уверенными: что бы ни ожидало нас в будущем, мы обязательно станем свидетелями креативного приспособления к этим новым перманентным чертам среды обитания человека. Это, как минимум, является логическим требованием хоть какого-нибудь мирного сосуществования (если оно, в принципе, достижимо).

Однако помимо институциональных инструментов, которые должны применяться в целях обеспечения процесса мирного сосуществования, может происходить и иное, менее очевидное, изменение мирового сообщества, и это изменение может оказаться гораздо масштабнее (хотя в некотором отношении даже менее резким), чем ранее позволяло представить себе наше воображение. Высвобождение

энергии атома навсегда обрекло нас на постоянный страх. Таковы главные аспекты, в рамках которых наше существование может изменить свою траекторию движения, сместившись с характерной для сегодняшнего дня экономической оси на ось, для которой лучше всего подходит название моральной и политической. Тогда высшими целями человека будут не достижение экономического прогресса и повышение уровня благосостояния, а обеспечение мира и свободы. Страх, этот столп власти, уже неспешно формирует тоталитарные тенденции невиданного ранее размаха. Так или иначе, постепенно меняется сам характер изменений.

1. Изменения и экономическая история

Если говорить о том скромном вкладе, который я, как историк экономики, в тайне лелею внести в науку своим исследованием, то лучше всего назвать его эзотерическим. Действительно, цели и задачи этой работы — выбрать для изучения вечный вопрос о средствах человеческого существования и пересмотреть его в свете практического применения — не могут не выглядеть достаточно странными. Вопрос о том, какое место разные типы экономики занимают в различных обществах, является, мягко говоря, весьма неудобным. Хотя та или иная экономическая система — неотъемлемый структурный элемент любого общества, она связана с остальными общественными элементами различными способами. Даже при одинаковом уровне технологического развития, в экономических системах происходят изменения, имеющие далеко идущие последствия, такие как переход от капитализма к социализму. Кроме того, некоторые экономические структуры, по-видимому, вполне допускают резкие изменения политической системы, например, когда в обществе с рыночной экономикой происходит переход от либеральной системы к фашизму или наоборот. Такие переходы становятся ещё более вероятными, если политические изменения обусловлены внешними силами, такими как завоевание, что нередко происходило в мировой истории. Под влиянием внешнего давления или в результате процесса аккумуляции какая-то важная сфера жизни — политическая, религиозная или культурная — вполне может занять доминирующее положение. Такая ситуация способна сохраняться долго, и назвать её временной не представляется возможным. Даже несмотря на то, что в этом списке жизненных сфер экономика будет занимать лишь второе или третье место, она осложняет существующую ситуацию, причём самым непредсказуемым образом.

Если же, невзирая на все эти рассуждения, в качестве предмета исследования я выбрал такую трудно решаемую проблему о средствах существования человека, то сделал это из убеждения, что интеллектуальному поиску всё-таки под силу избавить нас хотя бы от некоторых из наиболее глубоких заблуждений по поводу экономики, столь широко распространённых в наше время.

Эта уверенность, которая практически равняется обязательствам перед самим собой, возникла благодаря серьёзным многолетним исследованиям. Я глубоко убеждён, что в целом источником неосознаваемой интеллектуальной слабости, сопровождавшей развитие западной цивилизации, были особые условия, в которых происходило формирование её экономической судьбы. Рассмотрим специфические особенности этой аргументации более подробно.

Наше общественное мышление фокусируется на экономической сфере, и именно по этой причине оно не готово к кардинальным переменам, которых требует наш век. Таким обществам с рыночной экономикой, как наше, сложно (не исключено, что даже невозможно) адекватно оценить важность экономического фактора. Ведь если повседневная деятельность человека организуется с помощью всевозможных рынков, основывается на стремлении к извлечению выгоды, определяется духом конкуренции и управляется утилитарной шкалой ценностей, то его общество представляет собой структуру, важнейшие аспекты которой служат целям наживы. Сделав, таким образом, получение экономической выгоды главным и единственным мотивирующим фактором практической деятельности, человек теряет мен-

тальную возможность свести эту мотивацию от абсолюта к относительности. Его воображение теперь находится в тисках оупляющих ограничений. Само слово *экономика* уже не вызывает в его сознании картину материальных средств человеческого существования и технологий, способствующих их сохранению. Вместо этого человек представляет себе набор специфических мотиваций, специфических отношений и весьма специфических целей — и всё это он теперь называет «экономическим», пусть даже все эти мотивации, отношения и цели являются лишь вспомогательными средствами собственно экономики. При этом они обязаны своим существованием эфемерному взаимодействию типичных черт той или иной культуры. Главными специфическими чертами кажутся не постоянные и неменяющиеся характеристики всех мировых экономик, а лишь преходящие и случайные. Сложности постоянно возникают там, где их нет; препятствий можно было бы легко избежать, если знать об их существовании. В своём невежестве индивид не способен понять, какие условия могут обеспечить его выживание. Ему также не дано осознать, какими могут быть и менее очевидные способы достижения того, что ему по силам. Как мне представляется, такое устаревшее рыночное мышление и является главным препятствием на пути реалистичного подхода к изучению экономических проблем грядущей эры.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что такая постановка вопроса фактически противоречит сама себе. Возникает впечатление, что в подобных рассуждениях делается чрезмерный акцент на важности экономики, но в то же время ведь именно против этого они якобы и предостерегают. Тем не менее дело обстоит именно так. Утверждение о том, что привычки, сформировавшиеся в рыночных условиях, как правило, связаны с определёнными экономическими целями, никак не противоречит открытому отрицанию ошибочного представления о вневременном характере преобладания экономического фактора в делах человека. Вполне естественно, что в XIX веке, то есть в период, когда повсеместно распространились рыночные отношения, в ежедневной жизни людей проявлялся экономический детерминизм, который, вероятно, был вневременным и всеобщим. В отношении человека и общества материалистический догматизм этого периода зеркально отразил те институты, на долю которых выпало формирование экономического контекста. Мы просто указываем на очевидный факт, когда говорим, что такие чрезмерно заикленные на рынке понятия, которые являются отражением условий определённого временного периода, неизбежно будут мешать решению более широких проблем, в том числе приспособлению экономики к новому социальному контексту.

Следовательно, несоразмерно сильное влияние, оказываемое рыночной системой на наше общество, как раз и является причиной того, что нам сложно понять ограниченный и подчинённый характер экономики в той форме, в которой она существует вне рыночной системы. Отсюда вполне оправдано ожидание, что как только эта глубоко укоренившееся предвзятое мнение будет выявлено, нам будет под силу избавиться от его вредоносного влияния. По мере того как будет осознаваться этот факт, станет необходимым вносить определённые коррективы в это ограничивающее наше понимание ошибочное мнение. Для того чтобы привести животрепещущие вопросы, связанные с экономическим регулированием, в соответствие с их истинными пропорциями, нужно взглянуть на эти проблемы глазами историка.

Однако исторические версии будут сведены к простой, броской и легко запоминающейся форме слога, она, они окажутся столь же губительными для нашего поколения, как неточные карты для полководца накануне сражения. Прежде всего, мировая история — это никак не история экономики. Физическое существование какой-то группы людей, её безопасность, общность образа жизни — все эти факторы выходят за границы того, что можно с полным правом назвать экономическим интересом. Однако имеется определённая опасность и в обратном утверждении. Тот, кто может предложить экономическое решение, всегда возьмёт верх над тем, у кого такого решения нет. Опять же, сама по себе деловая практика, с каким бы трепетом мы к ней ни относились, не может претендовать на то, чтобы стать единственным воплощением таких превосходящих её по своему значению ценностей, как личность

и свобода. Иначе нам пришлось бы заменить понятие «кредо» на «кредит» и тем самым провидчески снизить значение движущих сил секулярной религии, которой удаётся не класть своё «кредо» на банковский счёт. Не следует из технологического прогресса делать идола, на алтарь которого в слепой вере будут приноситься мораль и человеческое счастье. Однако возводить примитивизм на уровень морали и искать защиту от века машин в пещере неолитического человека — это шаг отчаяния, при котором упускается из виду тот факт, что прогресс необратим.

Такие противоречивые обобщения не должны оставлять у нас ощущение, что мир непознаваем. Разумеется, если бы в качестве их иллюстрации мы использовали разнообразные яркие случаи, описывающие человеческую жизнедеятельность, то тем самым изначально создали бы неверное впечатление. Говоря об объектах экономики, мы стараемся избегать абстрактных обобщений, затемняющих и упрощающих хитросплетения реальных ситуаций, ведь нас интересует конкретика. Наша задача состоит в том, чтобы избавиться от абстрактности и попытаться выявить конкретный аспект. Не нужно никакого длительного погружения в прошлое, чтобы обнаружить исторические корни наших сегодняшних проблем.

Девятнадцатый век породил два совершенно различных по масштабу явления — машинную эру, которой предшествовало тысячелетнее развитие, и рыночную систему, давшую начальный толчок для этого развития.

В век машин мы можем наблюдать одно из тех немногочисленных изменений, которые разделяют на периоды время существования человеческой расы. С этой точки зрения в истории человечества, начиная с древнего каменного века, палеолита, выделяются всего три периода: первый — период неолита; второй — период плужного земледелия, на который приходится практически вся история человеческой расы; третий — век современных машин. Во все эти периоды критерием развития служила технология. Человек неолита не продвинулся намного дальше стадии собирательства и пропашного земледелия. Выращивание зерновых требовало плуга, а чтобы его тянуть, нужен был крупный скот. Эти инновации создали цивилизацию приблизительно семь или восемь тысяч лет тому назад. Использование машин, приводимых в действие силой, отличной от силы человека или скота, началось сравнительно недавно и открыло новые горизонты. Так или иначе, можно ожидать, что эта новая цивилизация, уже удвоившая население земного шара, будет существовать достаточно долго. Она возникла не для того, чтобы быстро закончиться. Это наша судьба. Мы должны научиться с ней жить, если нам вообще суждено жить.

II. Экономика и век машин

Машины создали новую цивилизацию — и это фундаментальный факт. Если плужное земледелие породило первую цивилизацию, то машины создали вторую цивилизацию — индустриальную. Эта цивилизация распространилась по всему земному шару и задала перспективу развития для грядущих веков. Такое событие выходит далеко за рамки экономического поля. Только со временем появится возможность оценить могущество его значения и риски, связанные с этим событием, а также его последствия для человека. Машинная цивилизация наделяла хрупкое человеческое тело способностью производить эффекты молнии и землетрясения. Эта цивилизация сместила центр человеческого существования с внутреннего пространства на внешнее, тем самым добавив неведомые ранее параметры масштабам, структуре и частоте коммуникации. Она изменила характер нашего взаимодействия с природой и, что ещё важнее, создала совершенно новые межличностные отношения, в которых отразились силы — как физические, так и ментальные, — способные привести к саморазрушению всей человеческой расы.

Начало машинной цивилизации не было слишком захватывающим. В конце XVIII века никто, за малым исключением, не подозревал, что вот-вот начнётся новая цивилизация. Пока было изобретено

лишь небольшое количество машин. А из существующих механизмов, некоторые (например, ткацкий станок) всё ещё не использовались. Тем не кому-то посчастливилось первым уловить предзнаменования и предсказать грядущие изменения невообразимого масштаба, небывалой глубины и распространённости. Замечания на этот счёт вызывали бурное веселье. Но, как теперь понятно, к истине порой ближе были не убеждённые реалисты, а наивные пророки. Действительно, неумолимые вопросы нашего времени, впрочем, как и надежды будущих столетий, являются просто производными этого ничем казалось бы непримечательного механического старта.

Роберт Оуэн первым пришёл к осознанию того, что новый мир постепенно поглощает старый. Машины потребуют изменений всех аспектов ежедневной жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Он почувствовал, что бурный рост производства не только несёт благо, но имеет шансы стать неким сомнительным подарком, если шок от жизни в окружении новых машин не будет смягчён появлением новых паттернов поселений и мест обитания, новых рабочих мест, новых гендерных отношений, новых форм отдыха и даже новой одежды. Всем этим факторам Оуэн уделял большое внимание. Он был сторонником коренной реформы христианской церкви. И только в результате всех этих размышлений он обратился к вопросам экономики, выступив за реформу валюты и создание кооперативных форм экономической жизни (правда, в это время теории капитализма ещё не существовало). Во Франции уже в XIX веке причудливые фантазии Фурье породили проекты по созданию фаланстеров (*phalansteres*). По мысли Фурье, в таких коммунах разделение труда по видам деятельности должно осуществляться мужчинами, женщинами и детьми инстинктивно, в зависимости от их психологической склонности. Сен-Симон утверждал, что его учение о Новом христианстве принесёт избавление индустриальному обществу. Таким образом, утописты-социалисты смогли предвосхитить угрозы культурному развитию, которые веком позже стали очевидными для всего человечества, такие как фрагментация личности, стандартизация трудовых усилий, превосходство механизмов над живыми организмами и приоритет организованности над спонтанностью. Социалисты-утописты с самого начала изучали даже такие угрозы, которые могут возникнуть для личности и её свобод. В конце XIX века Генри Адамс предсказал точное время создания атомной бомбы¹.

Однако в течение длительного времени эти ранние опасения относительно того, что ждёт человечество в связи с развитием машин, оставались в латентном состоянии. Их затмевали заметные изменения, происходившие в самой экономической организации, необходимые для того, чтобы новейшие чудеса технологии могли использоваться в полную силу. Адам Смит нашёл ответ: для решения этих вопросов необходим рынок. Фабричная система, которая, как казалось поначалу, даёт только некоторые дополнительные возможности для стандартных экспортных операций, вскоре инициировала процесс гораздо более масштабных институциональных изменений. В результате возникло что-то вроде саморегулирующейся системы рынков, которая в первые десятилетия XIX века революционизировала западноевропейское общество.

Как теперь известно, это была первая решительная попытка адаптации к использованию системы машин. Несмотря на страдания, в которые она ввергла целое поколение, эта попытка оказалась успешной, однако приспособление к фабричной системе было неполным и неокончательным. По мере становления и развития рыночной системы отчётливо обнаруживалась её неспособность удовлетворять требования стабильного общества. Миллионы людей — и тех, кто периодически становился безработных, обладая при этом высокой квалификацией, и обеспеченных работой — постоянно страдали, поскольку пребывали в неопределённости относительно того, насколько долго они смогут работать на своём

¹ Здесь будет уместным привести отрывок из письма Генри Адамса к Генри Осборну Тейлору от 17 января 1917 г.: «Нам не придётся ждать до следующего века, чтобы увидеть реализацию самых невообразимых идей <...> Мощь взрывчатых веществ скоро достигнет космических масштабов <...> Дезинтеграция возьмёт верх над интеграцией» (цит. по: [Cater 1947: 558–559]).

месте. Препрежнее общество было лишено таких мучительных проблем. Эта неопределённость сопровождалась изнурительными перемещениями с места на место. В целом, всё это превращало процесс индустриализации в невыносимое бремя. Социалистическое движение и глобальный рост тарифов на импорт проявили общественное стремление к самосохранению. Эта тенденция сформировалась в связи с разрушительными действиями неконтролируемых рыночных сил.

Наступил очередной период экономических изменений, который стал логическим продолжением, однако в совершенно ином направлении, более ранней фазы. Отмена международного золотого стандарта — рыночного института, с которым связывались самые большие надежды, — спустя всего полвека после его введения, знаменовала собой конец рыночной утопии. Схожие экономические реформы осуществлялись в условиях различных политических режимов во всех странах Западной Европы. Постоянная работа для всех, регулируемая международная торговля, плановое развитие национальных ресурсов в собственных странах — теперь это были главные постулаты. Даже в тех странах, где рыночная система продолжала существовать в традиционной форме, наблюдался резкий поворот к поискам ежедневной мотивации экономической жизни. Общественная безопасность и более справедливое налогообложение умили стремление к прибыли у собственника и уменьшили страх остаться без средств к существованию у рабочего. Взамен появились смешанные мотивации статусности, гарантии получения дохода, коллективная работа и креативная роль в производстве.

Треволнения, сопровождавшие эту вторую фазу адаптации экономики к использованию машин, странным образом отличаются от эмоций, которые были связаны с технологиями, таившими в себе опасность для цивилизованной жизни после Промышленной революции. Если век назад для того, чтобы жить нормальной человеческой жизнью, людям приходилось оказывать сопротивление связанным между собой рынкам труда, земли и капитала, то сегодня опасности подстерегают нас там, где мы их не ждём. Однако они не так зловещи. Новые угрозы затрагивают не меньшую часть промышленной цивилизации, чем вредные для здоровья производства, быстро растущие города или основанные на псевдонаучных принципах суровые условия в рабочих домах в XIX веке в Англии — родине Промышленной революции. Но сегодня предметами беспокойства являются не равенство, справедливость, благотворительность и создание условий достойной жизни для трудящихся. Нас больше волнуют свобода и возможность выживания для каждого. Промышленные технологии обнаруживают, что они вполне в состоянии сгенерировать суицидальные тенденции, которые могут подрубить под корень и свободы, и саму жизнь. Неевропейские страны, опасаясь зарубежного влияния, решительно добиваются независимости и автаркии для того, чтобы иметь возможность держать под контролем процесс индустриализации. К индустриализации они стремятся, но и страшатся её. Такое очевидное противоречие не должно вызывать удивления. Индустриализм был непростым компромиссом между человеком и машиной, и в результате человек оказался в проигрыше, а машина живёт своей жизнью. В начале XIX века, пожалуй, только рыночная система давала возможность использовать дорогое сложное машинное оборудование в производственных целях. Когда были изобретены первые машины, ещё не было ни готовности, ни возможности взять на себя потенциальные риски, не было понимания того, какими будут продукты, кто их станет потреблять. Это было известно только классу торговцев, которые в течение десятилетий поставляли сырьё для домашнего производства. Самозащита общества, осуществляемая частично благодаря фабричным законам, но в основном профсоюзным движением, в течение длительного времени не успевала реагировать на влияние машин. На нынешнем этапе индустриализации складывается противоположная ситуация. Страны Азии, Латинской Америки и Африки усвоили этот негативный опыт. При новой организации экономики обеспечение безопасности общества на порядок важнее требований максимальной технологической эффективности. Акцент переместился с машины на человека.

III. Экономика и общество: торговля, деньги и рынки

В результате серьёзного сдвига, изменившего положение экономики в обществе, она не могла не лишиться своих традиционных ориентиров. Перестали быть точками отчёта такие понятия, как нажива, конкуренция и утилитарное преимущество. Чем больше мы узнаем о том, какой представлялась картина мира в XIX веке, тем меньше готовы принять реалии XX века. Чтобы правильно ориентироваться в возникающих новых условиях, нужна другая «карта».

Для сегодняшней референтной системы необходимо выбрать стратегическую точку отсчёта. Более ранние и более поздние «карты» сильно расходятся в вопросе о роли институтов торговли, денег и рынка. В условиях доминирования рынка торговля является всего лишь рыночной функцией, а деньги — средством, упрощающим торговлю. Оба эти института выступают на рынке в качестве помощников. В действительности некоторые виды торговли и различные способы использования денег приобретают огромную важность в экономической жизни независимо от рынков, не говоря уже о том, что свои важные функции они выполняли ещё до появления рынков. Даже там, где присутствуют рыночные элементы, совершенно не обязательно существование механизма «спрос — предложение — цена». Изначально цены устанавливаются традицией или властями. Изменение цен происходит путём использования институциональных, а не рыночных методов. В противоречие со всеми существующими предположениями, искать источник флуктуирующих, а не фиксированных цен должен историк-классик, специалист по Античности.

Вряд ли можно признать обоснованной мысль о том, что истоком таких институтов, как торговля, деньги и даже рынок, были индивидуальные акты обмена. Как правило, зарубежная торговля предшествовала внутренней; использование денег для обмена зарождалось в сфере зарубежной торговли; организованные рынки поначалу развивались во внешней торговле. Во всех трёх случаях действия были, скорее, коллективными, нежели индивидуальными. В свете этих рассуждений непонятно, как рыночные элементы в отсутствие ценообразующего рынка, торговли и денег могли бы интегрироваться в экономику.

Эти проблемы оставались за рамками исследований, в основе которых лежало традиционное представление о неделимом единстве торговли, денег и рынков. Если где-то существовала торговля, делался вывод о том, что там был и рынок. Если имелись сведения о существовании денег, то предполагалось наличие торговли и, следовательно, рынков. На самом деле, применительно к большинству периодов экономической истории торговлю различные способы использования денег и рыночные элементы следует рассматривать как отдельные объекты. Но как будет функционировать экономика, если торговля не станет рыночной, а деньги не будут использоваться для обмена? Как, например, одни денежные единицы будут использоваться как платёжное средство, а другие — в качестве некоторого «стандарта», а при этом не будет происходить никакого значимого обмена. В случае с широкомасштабной торговлей и повсеместным использованием денег в так называемых примитивных безрыночных экономиках возникают ещё более интересные вопросы — вопросы, которые, возможно, пока ещё не были чётко сформулированы, поскольку существование таких условий долгое время игнорировали или их не признавали значимыми из-за догматического понимания прогресса. По этим причинам мы часто неверно судим об общем характере экономического развития. Это относится как к последовательности фактов, так и к самим фактам.

IV. Разрывы непрерывности и изменения

Считать, что при любом развитии организм маленьких размеров обязательно должен предшествовать появлению организма более крупного размера. Однако это чистой воды предрассудок. Пытаться обо-

снова такую последовательность в историческом развитии — это значит, как минимум, некритично применять закон органической эволюции. Торговля с самыми далёкими странами, как правило, начиналась раньше, чем торговля на коротком расстоянии, точно так же, как сперва основывали более дальние колонии, а крупные империи возникали на историческом пути раньше, чем мелкие королевства. Аналогичным образом ошибочным было бы считать, что такие явления, как кредит и финансы, возникли на порядок позже только потому, что сравнительно не так давно — в течение последних нескольких столетий — им вновь удалось приобрести своё значение в результате формирования современной рыночной системы. Именно это заблуждение легло в основу одной из популярных теорий «стадийности». В этой теории в качестве закона развития обосновывается последовательность «натуральное хозяйство — денежное хозяйство — кредитное хозяйство». На самом деле, задолженности и обязательства — это примитивные явления, которые предшествовали рынкам, а в «экономике запасов» (*storage economy*) античности практиковались масштабное финансовое планирование и бухгалтерский учёт задолго до того, как получило распространение использование денег в качестве единицы обмена.

Пристрастие, которое историографы XIX века испытывали к идее непрерывного развития, способствовало тому, что часто не только неверно истолковывалась последовательность фактов, но и неправильно трактовались сами факты. Считается, что непрерывность, присущая органическим процессам, описывает лишь способ происходящего. Одновременно наблюдается присущая процессу развития прерывистость. В целом развитие сводится к сочетанию этих двух процессов. Помимо непрерывного роста чего-то изначально маленького, происходит ещё один процесс — прерывистое развитие объекта из ранее не связанных между собой элементов, причём этот процесс происходит по совершенно иной модели. «Поле», в пределах которого происходит внезапное изменение в виде появления нового многокомпонентного целого, это социальная группа, находящаяся в определённых условиях. В широком смысле скачки развития определяют, какие идеи и концепции станут предпочтительными для членов той или иной группы, а также с какой скоростью это произойдёт. Однако после того, как эти идеи и концепции распространятся, изменения могут происходить быстрее, поскольку паттерны индивидуального поведения теперь просто будут соответствовать новому общему паттерну, уже сформированному благодаря этим идеям и концепциям. Таким образом, без каких-либо промежуточных переходов ранее не связанные между собой элементы поведения выстраиваются, образуя новое сложное целое. Под таким углом зрения так называемые идеалистический и материалистический подходы к истории выглядят уже не столько как противоположности, сколько, скорее, как результаты двух различных фаз общего процесса. Идеалистический подход подразумевает, хотя и в завуалированной форме, что человеческие мысли и идеи играют решающую роль в процессах исторических изменений или при появлении тех или иных институтов. В материалистическом подходе акцент делается на том, что объективные факторы определяют распространение этих идей и концепций, которые в противоположность утверждениям гегельянских идеалистов не проистекают из абстрактной диалектики.

История человечества и место экономики в этой истории не представляют собой, как стали бы настаивать эволюционисты, процесс бессознательного роста и органической непрерывности. Такой подход неизбежно затемнил бы часть аспектов экономического развития, которые жизненно важны для человека на настоящей фазе переходного периода, ведь догмат органической непрерывности должен бы, по крайней мере, ухудшить способность человека формировать собственную историю. Умалить роль изменений, которые человек сознательно производит в существующих институтах, значит ослаблять его уверенность в своих мыслительных и духовных способностях. Точно также мистическая вера в мудрость бессознательного роста не может не лишать человека уверенности в том, что ему под силу воплотить идеалы справедливости, законности и свободы в этих меняющихся институтах.

Итак, во-первых, учёные должны стремиться сделать наши концепции понятными и точными, чтобы благодаря этому мы могли сформулировать проблемы, связанные с выживанием человека, в терми-

нах, максимально соответствующих реальному описанию ситуации, в которой находимся. Во-вторых, учёным следует расширять горизонты находящихся в нашем распоряжении принципов и подходов, исследуя изменения роли экономики в обществе и изучая методы, с помощью которых цивилизациям прошлого успешно удалось осуществить великие трансформации.

Соответственно, теоретическая задача состоит в том, чтобы для изучения вопроса о материальных средствах существования человека обеспечить строгие институциональные и исторические обоснования. Используемый метод предполагает взаимодействие теории и практики. Термины и определения, создаваемые без учёта данных, не имеют глубокого содержания, а простое накапливание данных без их увязки с поставленной целью представляется пустой тратой времени. Чтобы вырваться за пределы этого порочного круга, необходимо концептуальное исследование проводить одновременно с эмпирическим, то есть *pari passu*². Мы осознаем, что на этом исследовательском пути нет лёгких дорог.

Цель этой работы состоит в том, чтобы внести вклад в такой подход к изучению вопроса о хозяйственной деятельности человека.

Литература

Cater H. D. (ed.) 1947. *Henry Adams and His Friends*. New York: Houghton Mifflin.

---

² На равных, в равной степени (лат.). — Примеч. ред.

NEW TRANSLATIONS

Karl Polanyi

The Livelihood of Man: Introduction

POLANYI, Karl (1886–1964) — an outstanding economic historian, who was born in Austria-Hungria; in 1933, he emigrated to England; from 1947 to 1953, he was a professor at Columbia University (USA); he lived and died in Canada.

Abstract

In the book *The Livelihood of Man*—unfinished and unpublished during the author's lifetime but first published in 1977 under the editorship of H. W. Pearson—Karl Polanyi continues to develop ideas that he previously outlined in his monumental work *The Great Transformation* (1944). In *The Great Transformation*, Polanyi emphasized that to gain a more realistic understanding of the economy's role in human society, it is necessary to rethink universal economic history based on broader conceptual foundations. The author also places the problem of man's livelihood at the center of this book,

reinterpreting it on three levels. At the theoretical level, he examines concepts of trade, money, and market institutions, which are proposed for application to any type of society. At the historical level, specific examples are provided that bring theoretical generalizations to life through comparison or contrast. At the political level, the author seeks answers from history to pressing moral and practical problems of the 20th century.

The *Journal of Economic Sociology* publishes an introduction in which Polanyi explains the book's key idea. It is being prepared for publication in Russian by the Gaidar Institute Publishing House.

Keywords: economy; market; trade; money; institution; technology.

References

Cater H. D. (ed.) (1947) *Henry Adams and His Friends*, New York: Houghton Mifflin.

Received: January 14, 2026

Citation: Polanyi K. (2026) V poiskakh sredstv k sushhestvovaniyu: vvedenie k knige [The Livelihood of Man: Introduction]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 52–62. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-52-62](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-52-62) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

М. А. Клинова

Трудовая мотивация горожан: репрезентация эталона на страницах советской прессы, 1946–1956 гг.¹

КЛИНОВА Марина Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН, Институт истории и археологии УрО РАН. Адрес: 620066, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

Email: klinowa.m@yandex.ru

В статье предпринят анализ, направленный на выявление изменения мобилизационной риторики, структуры, содержания и динамики нормативного паттерна мотивации труда горожан, презентуемого в советской прессе 1946–1956 гг. разного уровня. Используются количественный и качественный методы, с помощью которых показана специфика репрезентации темы в печатных СМИ, обусловленная социально-экономическими реалиями периода, задачами мобилизационной стратегии государства. Источниковую основу исследования составляют материалы 13 изданий советской прессы: литературно-художественный журнал «Смена», выпускавшийся ЦК ВЛКСМ, и 12 газет различного уровня (центральные газеты «Правда», «Труд»; областные издания «Уральский рабочий», «Великолукская правда», «Восточно-Сибирская правда», «Советская Сибирь», «Красный Север»; городские газеты «Тагильский рабочий», «Под знаменем Ленина»; заводские газеты «Магнитогорский металл», «Кировец», «Металлург»). При анализе текстового содержания материалов советской прессы применён метод контент-анализа (частотная выборка), материал обрабатывался вручную. Общее количество обработанных материалов прессы составило 2898 выпусков. Обнаружено, что во второй половине 1940-х гг. наибольшей востребованностью в СМИ характеризовались лексемы, определявшие мотивацию труда: «долг» и «благополучие Родины». Это было обусловлено сохранением милитаризированной лексики военного периода, направленной на трудовую мобилизацию населения. В 1950-е гг. в качестве одобряемой мотивации труда повышается востребованность таких лексем, как «на благо народа», «для строительства коммунизма». Данные формы характеризовались не столь выраженной мобилизационной направленностью, ориентируя население не на экстремальную интенсивность труда в сжатые сроки, а обозначение перспектив трудовой деятельности граждан. Утилитарная направленность трудовой деятельности граждан на получение личных доходов и улучшение своего благосостояния не фигурировала на страницах послевоенных изданий в качестве одобряемой мотивации трудовых стратегий горожан. Специфика медийного конструирования темы мотивации труда горожан отражала характер советского социального эталона, коррелировала с динамикой модернизационных процессов, проходящих в СССР в послевоенные годы, а также с реалиями социально-экономического развития страны в 1946–1956 гг.

¹ Исследование выполнено за счёт средств субсидии на финансовое обеспечение государственного задания ИИиА УрО РАН; тема «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2.

Ключевые слова: пресса; пропаганда; труд; городское население; РСФСР; мобилизационная экономика.

Введение

Для советской идеологической модели характерна трудоцентристская ориентация, в рамках которой тематика труда сакрализовалась и мифологизировалась, презентовалась в качестве неотъемлемой практики и первостепенной потребности советского человека. Данная идеологическая норма была зафиксирована в нормативных текстах советского периода (в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г.). В отечественной историографии справедливо отмечено, что в качестве должной и правильной мотивации труда в советском дискурсе декларировались общественно значимые ценности и коллективная польза [Магун 1998]. На разных этапах советского периода формулировались различные лексические паттерны, отражающие общественную пользу труда.

Приоритетной задачей, решаемой в русле советской мобилизационной экономической модели, действовавшей в годы Великой Отечественной войны и сохранившейся в послевоенные годы, являлось восстановление разрушенной войной экономики, что необходимо было достигнуть в кратчайшие сроки в условиях ограниченного объёма ресурсов. Для решения данной задачи применялись экономические, административные и политико-идеологические инструменты. Важным фактором мобилизационности, отмеченным В. В. Седовым, являлись особый духовный подъём населения, а также моральные, нравственные и психологические факторы, определяющие способность населения достигать поставленной цели [Седов 2003]. Вследствие этого особую важность приобретало формирование правильной мотивации трудовой активности населения, реализуемое не в последнюю очередь печатными СМИ.

Пресса являлась одной из важнейших составляющих советского пропагандистского аппарата. В газетах и журналах публиковались информационные сообщения, обозначающие направления и содержание реализуемой социальной политики. Через тексты и визуальные образы, помещённые на страницах газет и журналов, транслировались идеологические и экономические императивы, этические и нравственные нормы, формировались образы «героев» и «врагов», конструировались представления граждан об окружающем мире, «правильных» жизнедеятельностных практиках.

Проблематика презентации в советской прессе трудовой деятельности населения не является новой для отечественной историографии. Как правило, реализуемая авторами исследовательская стратегия заключалась в установлении содержания идеологем, отражающих практики труда, на базе анализа материалов одного (реже двух) печатного издания. В работах отечественных исследователей рассматривалось содержание идеологем «труд», «социалистическое соревнование», презентуемых на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» 1930-х гг. [Чернова 2012; 2014], «Молодая гвардия» [Смоляк 2006]. Авторами предпринят анализ ценностных доминант советского трудового дискурса на материалах газет «Звезда» и «Советская Белоруссия» [Биюмена 2021], журнала «Пионер» 1970–1980-х гг. [Данкова, Мусорина 2022; Дубровская 2023]. На материалах журнала «Огонёк» исследовались медийное отражение труда периода индустриализации [Танцеева 2023] и «ускорения» второй половины 1980-х гг. [Макаркин 2021]. Исследована репрезентация труда городских и сельских детей на страницах периодической печати 1960-х гг. [Илюшина 2019]. Тема труда советских горожан, презентуемая в журнале «Смена» и газете «Правда» послевоенных лет, изучалась с помощью количественных методов и контент-анализа [Клинова, Трофимов 2018; Клинова 2020; 2024].

Несмотря на наличие определенных разработок по теме, проблематика нормализованного содержания трудовой мотивации населения, презентуемой в СМИ, не являлась объектом исследований. Советская пресса не рассматривалась исследователями как инструмент трудовой мобилизации граждан, не ана-

лизировались специфика и интенсивность пропагандистской медиариторики, направленной на интенсификацию труда. Всё это актуализирует тематику предпринятого исследования.

Цель данной работы — анализ структуры, содержания и динамики нормативного паттерна мотивации труда горожан, презентуемого в советской прессе разного уровня, направленный на выявление изменения мобилизационной риторике печатных СМИ 1946–1956 гг. Анализ изменений востребованности лексических единиц советского медиадискурса трудовой мобилизации горожан, реализованный с использованием качественно-количественных методов, обуславливает новизну представленного исследования.

За теоретико-методологическую основу исследования принята модернизационная историческая парадигма, ориентированная на изучение социальных перемен, трансформаций и инновационных мероприятий, фиксируемых в процессе развития общества [Побережников 2017]. Одной из объяснительных моделей, сформулированных в рамках модернизационной парадигмы, является концепт «мобилизационная система», «мобилизационная модель». Согласно определению, данному А. Г. Фоновым, под мобилизационным типом развития понимается развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм [Фонов 2010]. В русле данной мобилизационной модели процессы, протекавшие в Советском Союзе, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как активизация и концентрация внутренних сил индивидов или социальных групп на выполнение определённого рода функций, как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и других задач [Побережников 2017; Фонов 2010; Седов 2003; Гончаров et al. 2013].

Источники и методы исследования

Послевоенное советское медиапространство было представлено многочисленными печатными изданиями. В 1946 г. в стране выходило 7039 газет [Чувиков 1967]. На протяжении первых послевоенных лет количество газет, издаваемых в стране, непрерывно росло и составило в 1950 г. 7831 название [Чувиков 1967]. Ориентированная на городских жителей пресса была представлена центральными, областными, городскими и заводскими газетами разной периодичности («Правда» выходила ежедневно, областные газеты — пять раз в неделю, городские — четыре-пять раз, заводские издания — один раз в неделю). Тираж отдельных изданий существенно различался и составлял от нескольких сотен экземпляров до нескольких сотен тысяч (см. табл. 1). Суммарный разовый тираж изданий непрерывно увеличивался. Он составлял в 1946 г. 29,6 млн экз., в 1950 г. — 36 млн экз., в 1955 г. — 48,7 млн экз. [Кузнецов, Мишуриц 1979].

Таблица 1

Тираж газет и журналов (в тыс. экз.)

Печатные СМИ	Годы					
	1946	1948	1950	1952	1954	1956
«Восточно-Сибирская правда»	75	80	80	100	115	130
«Советская Сибирь»	50	90	90	110	110	120
«Уральский рабочий»	75		160	160	160	170
«Великолукская правда»	26	26	45	45	45	50
«Красный Север»	29,7	30	50	60	70	75
«Тагильский рабочий»	15		25	25	25	25
«Под знаменем Ленина»	3,825	3,825	4,245	4,245	4,245	4,4
«Металлург»	1	1	1			
«Кировец»				0,7	0,7	
«Магнитогорский металл»	3	3	3	1,2	2,1	
«Смена»	33	60	73	120	120	250

Источники: составлено автором по: [Летопись периодических изданий... 1947; 1949; 1955; 1961].

Источниковую основу исследования составили материалы 13 периодических изданий за 11 лет (12 газет центрального, областного, городского, заводского уровня и один журнал — «Смена»). Рассматривались центральные газеты «Правда», «Труд»; областные газеты «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Великолукская правда» (г. Великие Луки), «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Красный Север» (г. Вологда); городские газеты «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил, Свердловская обл.), «Под знаменем Ленина» (г. Первоуральск, Свердловская обл.); заводские газеты «Магнитогорский металл» (Магнитогорский металлургический комбинат им. И. В. Сталина, г. Магнитогорск, Челябинская обл.), «Металлург» (Выксунский металлургический завод, Горьковская обл.), «Кировец» (Воронежский завод синтетического каучука им. С. М. Кирова, г. Воронеж). Включение в выборку данных газет, издаваемых в различных регионах РСФСР, позволило обозначить специфику и количественную выраженность темы мотивации труда в прессе разного уровня (центральные, областные, городские, заводские издания), выявить территориальные особенности в репрезентации исследуемой проблематики. Выбор литературно-художественного журнала «Смена», выпускавшегося ЦК ВЛКСМ и его издательством «Молодая гвардия», обусловлен направленностью издания на молодёжную аудиторию и высокими тиражами. На страницах журнала достаточно часто публиковались материалы, связанные с проблематикой профориентации молодых людей и мотивации труда.

При работе с содержанием текстовых материалов советской прессы использовался контент-анализ. Для обработки материалов газет была сделана частотная выборка — два номера в месяц (за первое и пятнадцатое числа каждого месяца). Ежегодный объём выборки составил 24 выпуска в год. Не все издания были представлены за весь рассматриваемый период и в хронологически полном объёме. Материалы заводской газеты «Кировец» представлены за четыре года (1951–1954 гг.); выпуски заводской газеты «Металлург» также представлены четырьмя годами (1946–1949 гг.). Общее количество обработанных материалов газет составило 2832 выпуска. Для журнала «Смена» (в 1946 г. вышли 12 сдвоенных номеров; позже выходили 24 номера в год) в выборку был включён каждый четвёртый номер издания (ежегодный объём выборки составил шесть номеров в год). Общий объём обработанных выпусков «Смены» составил 66 номеров. Суммарный объём материалов, обработанных методом контент-анализа, составил 2898 выпусков. Выпуски газет и журнала, попавшие в выборку, просматривались полностью вручную. По анализу содержания всех публикаций номера выявлялись необходимые сюжеты. Тематически выборка ограничивалась сюжетами СМИ, в которых была отражена проблематика трудовой деятельности городского населения РСФСР. В выборку были включены тексты всех жанров, публикуемых в прессе: публицистические и аналитические статьи, тексты трудовых обязательств граждан, заметки о выполнении норм, письма, художественные произведения и проч.

За основной элемент контент-анализа материалов прессы были приняты лексические единицы (лексемы), отражающие различные аспекты проблематики мотивации труда горожан. Данные лексические единицы были выбраны из массива проанализированных текстов и отличались высокой интенсивностью употребления в сюжетах, касающихся «правильной» трудовой мотивации: *долг, благополучие Родины (благо Родины, процветание Родины, могущество страны и т. п.), для народа (на благо народа и т. п.), для коммунизма.*

Результаты контент-анализа материалов прессы по каждой из выделенных лексем (группы лексических форм) показаны в графиках (см. рис. 1–4); суммарные количественные данные по каждому из изданий в рамках периода (1946–1956 гг.) представлены в таблице 2.

Таблица 2

Количественная выраженность лексем, презентующих «правильные» трудовые мотивации горожан на страницах советской прессы, 1946–1956 гг. (по результатам контент-анализа, ед.)

Название издания	Лексема			
	Долг	Благополучие Родины	Для на-рода	Для комму-низма
«Правда»	59	207	20	51
«Труд»	62	189	26	65
«Восточно-Сибирская правда»	46	192	34	64
«Советская Сибирь»	47	186	16	64
«Уральский рабочий»	41	150	23	75
«Великолукская правда»	37	188	16	13
«Красный Север»	51	151	20	29
«Тагильский рабочий»	49	91	10	16
«Под знаменем Ленина»	40	89	2	28
«Металлург»	6	22	1	1
«Кировец»	5	31	1	12
«Магнитогорский металл»	47	103	8	7
«Смена»	8	39	9	14
Всего	498	1638	186	439

Источник: составлено автором по результатам контент-анализа материалов выбранных газет и журнала «Смена» за 1946–1956 гг.

Лексемы «долг» и «благополучие Родины» как элементы «правильной» мотивации труда

На страницах отечественных печатных СМИ конструировалась модель «правильной» трудовой деятельности советского человека, включающая мотивацию труда, трудовые практики, результат труда и вознаграждение за него [Клинова 2020; Дубровская 2023]. Презентация «правильной» трудовой мотивации граждан реализовывалась в текстах всех жанров.

Предпринятый контент-анализ текстов послевоенной периодики позволяет заключить, что приоритетные позиции в качестве цели и мотивации трудовой деятельности занимали лексические формы, которые условно можно объединить в группу *труд на благо Родины*; их количество составило 30–200 и более упоминаний в год по различным изданиям в рамках выборки (см. табл. 2). Единицами количественного анализа выступали лексические формы, в которых трудовые свершения горожан были направлены на благо Родины (процветание, усиление мощи, богатства государства, страны, Отечества, Отчизны...).

Направленность труда граждан на благо Родины была акцентирована в передовицах газет, обозначающих приоритетные для государства задачи развития:

Умножим силу и мощь своей социалистической Родины [1946-й 1946: 1];

Выполним пятилетний план, чтобы ещё могущественнее стала наша Родина [Пятилетку — в 4 года! 1947: 1];

Советские юноши и девушки! Овладевайте передовой наукой, техникой, культурой! <...> Трудитесь на благо нашей Родины! [Призывы ЦК ВКП(б) 1948: 2].

В материалах прессы, освещающих проблематику «правильной» мотивации труда, также поднималась тема благополучия Родины:

Трудиться на благо своей страны <...> значит каждый день, каждый час умножать её силу и мощь, непрестанно двигать вперёд её экономику, культуру, науку [Моисеева 1949: 2];

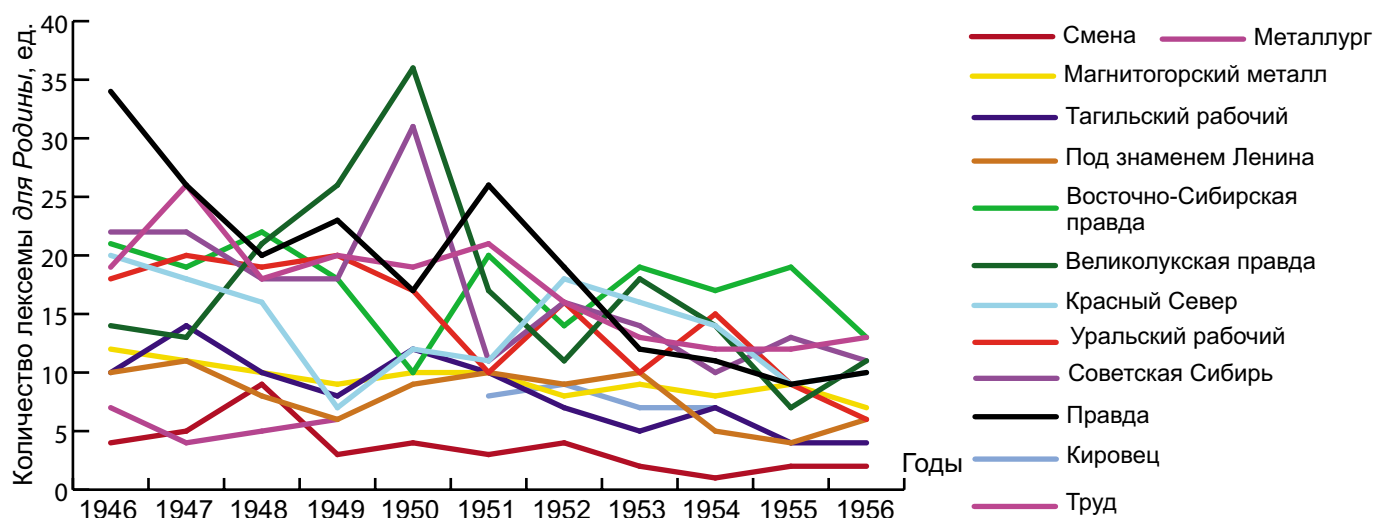
Русская смекалка и горячее патриотическое стремление отдать все силы на благо Родины помогли сотням <...> молодых рабочих овладеть избранными специальностями [Лазутин 1950: 2].

Более половины упоминаний лексических форм, входящих в данную группу, фиксируется в помещённых на страницах газет выступлениях самих трудящихся (интервью, тексты обращений горожан к правительству, социалистические обязательства и проч.), содержащих обещания интенсивного труда:

Мы будем трудиться ещё лучше, ещё больше, ещё упорнее, чтобы крепла и расцветала наша любимая Родина [На берегу Тихого океана 1950: 1];

Автозаводцы <...> дают слово самоотверженным трудом крепить мощь социалистической Родины [Свидетельство могущества нашей Родины 1951: 1].

В количественном плане большее число обращений к формам трудовой мотивации, объединённым в группу «труд на благо Родины», фиксируется на страницах центральных и областных газет: 154–207 упоминаний суммарно за 1946–1956 гг. в рамках выборки (см. табл. 2), что соответствует одному упоминанию лексемы в каждом втором номере либо одному упоминанию в трёх из четырёх номеров в среднем. Значительно меньшее количество обращений фиксируется в городских и заводских газетах: 89–103 упоминания суммарно за 1946–1956 гг. в рамках выборки (см. табл. 2), что соответствует одному упоминанию категории в каждом третьем выпуске в среднем. Наименьшим числом обращений характеризуется журнал «Смена»: 39 упоминаний суммарно за 1946–1956 гг. в рамках выборки (см. табл. 2), что равняется одному упоминанию лексической единицы в каждом десятом выпуске в среднем. В хронологическом разрезе более интенсивное обращение к лексическим формам данной группы фиксируется на страницах советских печатных СМИ в 1946–1950 гг. В прессе 1950–1956 гг. отмечается снижение востребованности лексем данной группы. Динамика снижения варьировалась по разным изданиям, составляя 10–50% от максимальных показателей 1946–1950 гг. (см. рис. 1).

Источник: составлено автором по результатам контент-анализа выборки материалов советской прессы 1946–1956 гг.

Рис. 1. Количественное распределение мотивационной лексической формы для Родины в трудовых сюжетах прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа выборки, ед. в год)

Высокой востребованностью в советском медиадискурсе характеризовалась мотивационная категория *долг*, контекст использования которой определялся трудовыми свершениями советских граждан (см. табл. 2).

В публикациях послевоенных печатных СМИ категория *долг* фигурирует в текстах передовиц, призывающих трудящихся «осознать свой долг», «выполнить свой долг» [Сталинская забота... 1951]. В статьях и очерках внимание читателей акцентировалось на важности формирования «чувства долга» и конкретизировалось, что подразумевается под этим в отношении деятельности различных профессиональных групп:

Мы, советские интеллигенты, должны выступать как образцовые исполнители своего долга, смелые новаторы [Сделать шаг вперёд к светлому будущему 1950: 2];

Долг рабочих и специалистов, занятых строительством, направить своё внимание на выполнение и перевыполнение государственных планов, ускорить ввод в действие новых объектов, добиваться дальнейшего снижения стоимости и повышения качества строительства, полнее и производительнее использовать строительные машины и механизмы, экономнее расходовать строительные материалы [Главное в социалистическом соревновании 1952: 1];

В <...> классе 45 школьниц. Все перешли в третий класс. Это значит, что учительница серьёзно работала с каждой школьницей. Сколько добавочных часов тратила Александра Афанасьевна для того, чтобы подтянуть отстающих учеников! <...> Сегодня Александра Афанасьевна может смело сказать: «Я свой долг перед Родиной выполнила» [Радостный итог 1949: 2].

Тема долга звучит в текстах социалистических обязательств трудовых коллективов и обещаний трудящихся «не остаться в долгу» перед Родиной (государством, Отчизной), «вернуть стране свой долг», «сделать все, чтобы выполнить свой долг перед Родиной» и т. п. [Непрерывно двигать вперёд технику производства 1948; За кандидатов народного блока 1954]. В большинстве сюжетов послевоенной прессы *долг*, презентуемый в качестве мотивации труда советских граждан, являлся долгом перед Родиной. В новогодних стихах, опубликованных на страницах заводской многотиражки «Магнитогорский металл», тема трудового долга перед Родиной фигурирует в строках тоста-поздравления [Коломиец 1947: 1]:

*Нальём задравные бокалы
Вином живительным полней,
Чтобы искрилось и сверкало
Оно у ёлочных огней.
И первый тост поднимем стоя,
Законной гордости полны,
За Сталина, вождя, героя
И солнце яркое страны.
За тех, кто новый год встречает
Победой вахты трудовой,
За тех, кто с честью выполняет
Почётный долг перед страной.*

В ряде случаев в качестве трудовой мотивации фигурировали лексемы «государственный долг», «гражданский долг»:

Мы, сталепромышленники второго мартеновского цеха, выполняя гражданский долг перед Родиной, становимся на стахановскую вахту в честь Первого Мая [Развёртывайте знамя... 1947: 2].

В трудовых сюжетах печатных СМИ понятие *долг* сопровождалось эпитетами, презентующими практику «долженствования» в сакральном ключе — *священный долг, почётный долг*:

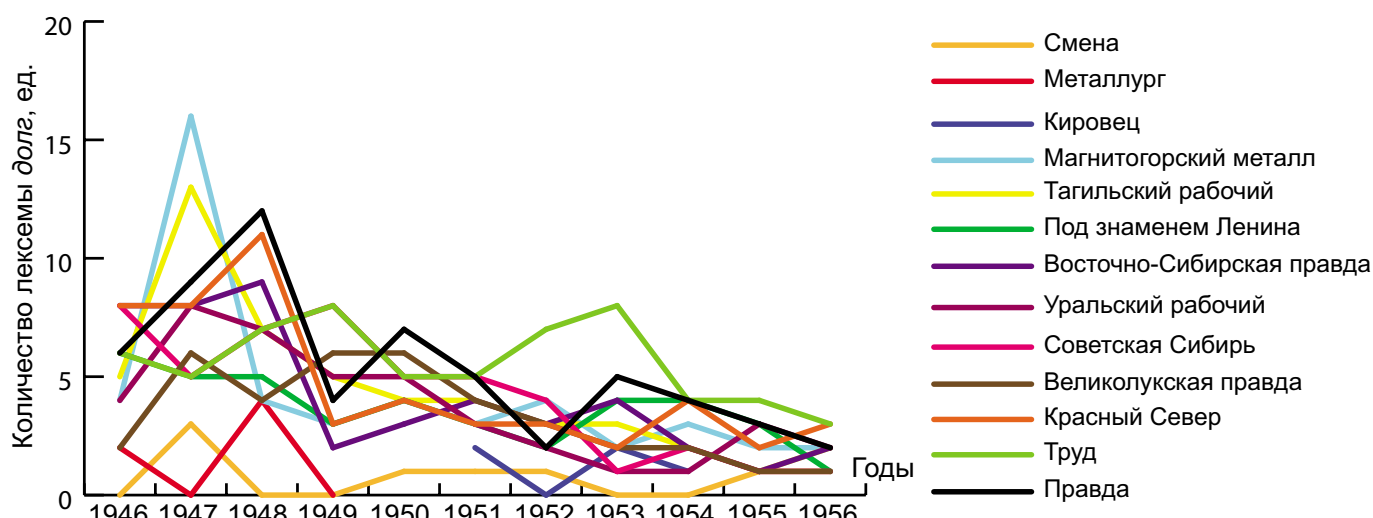
Священный долг металлургов Сталинской Магнитки — множить достигнутые в марте успехи с тем, чтобы <...> дать в апреле новые и новые тысячи тонн сверхпланового добротного металла [Воодушевлённые Сталинской идеей... 1946: 1];

Юноши и девушки страны социализма <...> овладевают знаниями, трудятся, не зная долга более высокого и почётного, чем долг беззаветного служения Родине [Праздник весны 1952: 2].

В праздничных выпусках изданий торжественный пафос усиливался, а масштабы трудового долга достигали эпических форм. В качестве примера можно привести цитату из новогоднего выпуска «Правды» за 1948 г.:

Наши цели велики и благородны и силы наши множатся с каждым днём <...> Победители в войне преобразуют родную землю. Новая сталинская пятилетка будет выполнена в четыре года. Мы — сталинское племя. И мы выполним свой долг перед Отчиной, перед всем человечеством, перед историей [Яшин 1948: 3].

В количественном плане значительное число обращений к лексеме *долг* в контексте трудовых сюжетов фиксировалось на страницах газет «Правда» и «Труд» (см. табл. 2). Частотность упоминания этого слова в центральной прессе соответствует одной единице в каждом четвёртом выпуске газеты в среднем. В областных и городских газетах востребованность категории *долг* была несколько ниже: 37–51 упоминание суммарно за 1946–1956 гг. в рамках выборки, что соответствует одному упоминанию категории в каждом пятом — восьмом номере газеты. Ещё менее востребованной была данная категория на страницах заводских изданий: одно упоминание на 17–20 номеров (см. табл. 2). Наименьшее количество обращений к лексеме *долг* фиксировалось в трудовых сюжетах журнала «Смена»: восемь упоминаний за 11 послевоенных лет (согласно выборке). В хронологическом диапазоне исследуемого периода количество обращений к категории *долг* отличалось неравноценной востребованностью. Вне зависимости от характеристики издания (общесоюзный уровень, областной, городской, заводской) фиксируется общая тенденция: наибольшее число употребления в прессе лексемы *долг* в качестве мотивации труда горожан отмечалось в 1946–1948 гг.; в 1950-е гг. количество обращений к данной категории в разных изданиях снижается на 50–70% (см. рис. 2).

Источник: составлено автором по результатам контент-анализа выборки материалов советской прессы 1946–1956 гг.

Рис. 2. Количественное распределение мотивационной лексической формы *долг* в трудовых сюжетах прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа выборки, ед. в год)

В целом превалирование в советской печатной периодике второй половины 1940-х гг. в качестве трудовой мотивации лексем *долг* и *на благо Родины* свидетельствует о сохранении в послевоенном медиадискурсе милитаризированной лексики военного периода. В условиях военного времени векторность советского социального регулирования определялась лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!». Мотивационным импульсом деятельностных стратегий населения на фронте и в тылу являлась этическая категория *долг*, ассоциирующаяся со служением на благо Родины (что синонимично военному призыву «За Родину!»). Сохранение во второй половине 1940-х гг. мотивационной лексики военного времени, обусловленное необходимостью трудовой мобилизации населения, позволяет обозначить преемственную взаимосвязь советского медиадискурса военного и послевоенного периодов.

Труд «на благо народа» и «для построения коммунизма» в контексте трудовой мотивации

В контексте эталонной трудовой стратегии, конструируемой на страницах печатных СМИ 1946–1956 гг., помимо необходимости выполнения долга и благополучия Родины, в качестве мотивации трудовой деятельности населения презентовалось благополучие народа. Для проведения количественного анализа лексические формы *труд для народа*, *труд на благо народа* (населения) и проч. были объединены в одну группу. Данная форма трудовой мотивации была актуализирована в текстах передовиц, статей и очерков, выступлениях горожан на митингах в честь выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР, интервью со стахановцами и проч. В качестве примеров употребления данных лексических форм можно процитировать следующие фрагменты текстов:

Труд на благо народа возвеличивает в нашей стране человека [Праздник весны 1952: 2];

Мы и сейчас готовы отдать все свои силы <...> на благо народа [В честь сессии Верховного Совета СССР 1946: 3].

Презентация деятельности как труда *на благо народа* часто встречалась в биографических описаниях граждан, награждённых за профессиональные заслуги, а также советских руководителей и политических деятелей. Так, например, в «Правде» 1956 г. была помещена заметка, посвящённая врачу, награждённому орденом «Знак Почёта»:

Сейчас Якову Петровичу 76-й год. Он полон творческой энергии и неутомимо трудится на благо народа [Чунаков 1956: 3].

Означенная лексема встречается и в статье, посвящённой В. И. Ленину:

Всё напоминает о любимом вожде, о его неутомимых трудах на благо народа, на благо всех трудящихся [Здесь жил и работал... 1956: 2].

Мотивацией трудовой деятельности горожан считалось построение коммунизма. Лексические формы, объединённые в группу *труд для построения коммунизма*, чаще встречались в текстах передовиц, очерков, публицистических статей:

Советские люди <...> отдают свои силы и энергию на выполнение сталинской программы построения коммунистического общества [Низовцев 1950: 3];

Будьте целеустремлёнными, чтобы у вас в жизни была основная цель <...> построение светлого будущего — коммунизма [Лепешинская 1952: 2];

Каждый, у кого в груди бьётся сердце патриота, в эти дни спрашивает себя: чем я помогаю родной Коммунистической партии в её великой борьбе за построение коммунизма? [Ибрагимов 1956: 1].

Форма для построения коммунизма чаще других лексем, презентующих правильную для советского человека мотивацию трудовой деятельности, употреблялась вместе с лексемой *борьба*:

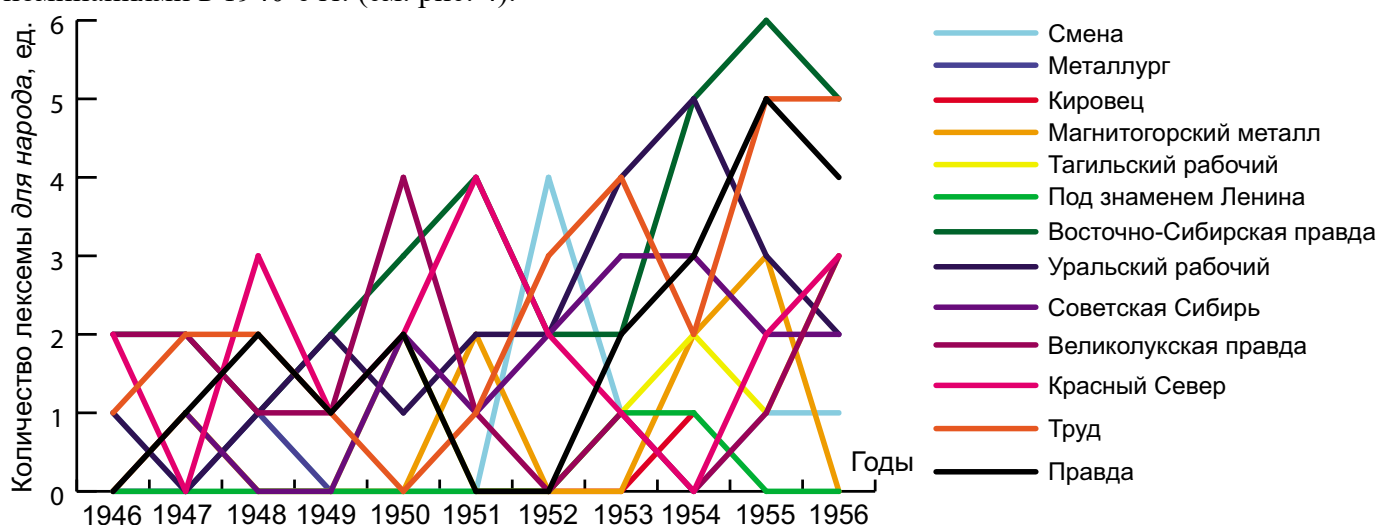
Коммунисты и комсомольцы! <...> Боритесь за технический прогресс в народном хозяйстве, за повышение производительности труда, за неуклонный рост благосостояния советского народа, за построение коммунизма в СССР! [Коммунисты и комсомольцы!.. 1956: 1];

Все интересы советской интеллигенции неразрывно связаны с общенародной борьбой за построение коммунизма [Патриотический долг... 1956: 1].

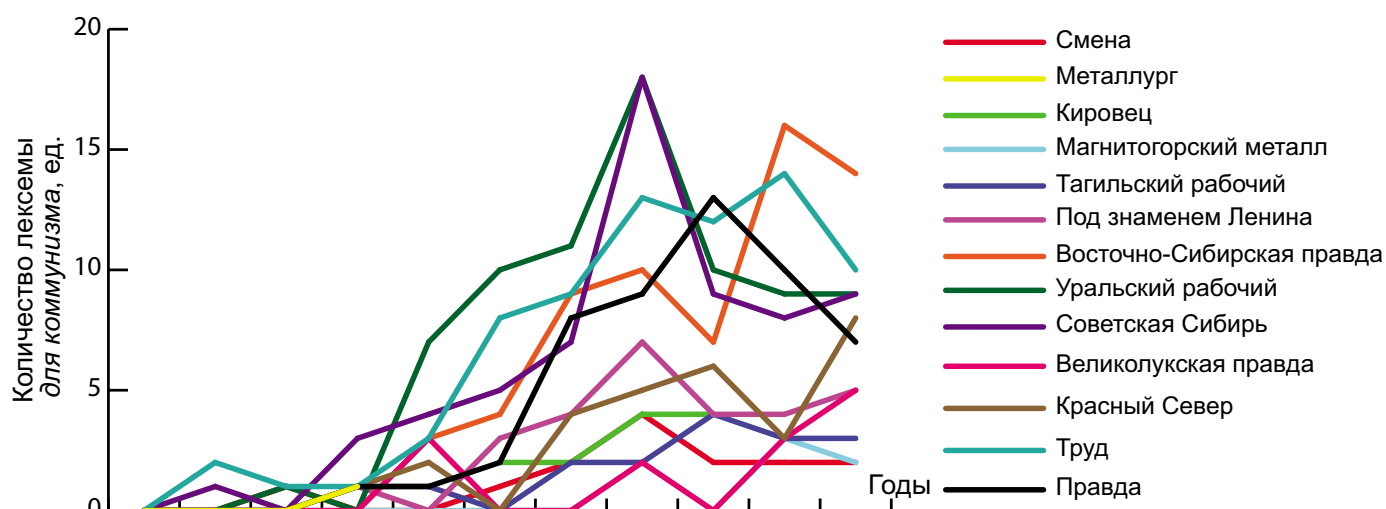
Использование лексической формы *борьба* усиливало конструируемый образ интенсивности трудовой деятельности граждан. Лексема *труд для построения коммунизма* фактически не фигурировала в текстах выступлений, социалистических обязательств и обращений граждан, опубликованных на страницах советских СМИ.

В количественном плане обращение на страницах советских печатных СМИ к таким формам трудовой мотивации, как *на благо народа* и для построения коммунизма, уступало лексемам *долг* и *труд на благо Родины* (см. табл. 2).

Лексическая форма *на благо народа* несколько чаще употреблялась в центральной прессе, чем в областных, в городских и заводских изданиях, но количественные различия были незначительными. В хронологическом диапазоне исследуемого периода лексема *труд на благо народа* более востребована в прессе в середине 1950-х гг., чем в первые послевоенные годы (динамика количественного роста составляет 20–50% по разным изданиям выборки) (см. рис. 3). Употребление лексической формы трудовой мотивации *для коммунизма* в прессе 1946–1956 гг. было, по нашим данным, суммарно сопоставимо с частотностью обращения к лексеме *долг* (см. табл. 2). Но в хронологическом диапазоне их акцентированность в печатных СМИ различалась. Трудовая мотивация *для коммунизма* была более выражена в советских газетах в 1950-е гг., особенно в 1953–1956 гг., и характеризуется единичными упоминаниями в 1940-е гг. (см. рис. 4).

Рис. 3. Количественное распределение мотивационной лексической формы *для народа* в трудовых сюжетах прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа выборки, ед. в год)

Рис. 4. Количественное распределение мотивационной лексической формы для коммунизма в трудовых сюжетах прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа выборки, ед. в год)

Утилитарная направленность трудовой деятельности граждан на получение личных доходов и улучшение своего благосостояния не фигурировала на страницах рассмотренных нами послевоенных изданий в качестве одобряемой мотивации трудовых стратегий горожан. Отрицательное отношение к материальной мотивации труда подчёркивалось на страницах журнала «Смена»:

Для комсомолки <...> работа на фабрике не случайный эпизод, не просто источник заработка [Чистякова 1951: 11].

Конструируемая в советском информационном пространстве правильная жизненная стратегия исключала стяжательство:

Рабочий <...> интеллигент Советского Союза живёт не жаждой стяжательства [1948-й 1948: 3].

Отсутствие меркантильности в качестве нормативной жизнедеятельностной практики проецировалась на весь советский социальный проект. В статье газеты «Труд» данная позиция была обозначена следующим образом:

Ни одно предприятие не затеяно с целью личной наживы <...> все они создаются на благо человека [Год 1946-й 1947: 2].

Заключение

Результаты представленного исследования во многом обусловлены спецификой источника. Советская пресса, с одной стороны, обладала широким информационным потенциалом, оперативно фиксируя изменения событийности, отражая послевоенные реалии. С другой стороны, она являлась мобилизационным инструментом, используемым для мотивации и стимулирования трудовой активности горожан, а также преследовала цель формирования у населения правильных моделей поведения, должного для советского человека отношения к труду, мировоззренческой и языковой картины мира.

Тема трудовой мотивации чаще затрагивалась на страницах центральных газет, что было обусловлено спецификой изданий: центральная пресса формировала трудовую норму, а региональные издания

«отчитывались» в ней (в областной, городской и особенно заводской прессе чаще, чем в центральных изданиях, освещались результаты работы трудовых коллективов, публиковались итоги соцсоревнований, показатели выполнения планов и норм и пр.). Относительно низкие показатели востребованности лексем мотивации труда в журнале «Смена» были не в последнюю очередь обусловлены литературно-художественной спецификой журнала и его более широкой тематикой в отличие от газетных выпусков.

Мотивация труда, получавшая отражение на страницах прессы послевоенного десятилетия, являлась частью правильной трудовой и жизненной стратегии советского человека, характеризующейся самоотверженным трудом на благо Родины, что первостепенно в отличие от личных благ. Такая установка обусловила более выраженное внимание СМИ к лексемам мотивации труда, связанным с общественным благом и перспективами государственного строительства.

Востребованность в прессе первых послевоенных лет лексических форм мотивации труда, связанных с благополучием государства, трудовым долгом населения перед страной, была обусловлена сохранением лексики военного периода, направленной на максимальную интенсификацию труда населения для достижения задач послевоенного восстановления страны. Г. Г. Хазагеров, выявляя особенности властной риторики, направленной на принятие непопулярных мер, отмечает общую схему построения дискурса: «Адресат риторики должен почувствовать: сейчас не тот случай, когда надо блюсти свой интерес, сейчас другой, противоположный случай <...> Риторика непопулярных мер основана на самом обычном узнавании, на концентрации примет, по которым опознаётся “тот случай”, “тот момент” и отвергается всё остальное» [Хазагеров 2006: 19]. Апелляция послевоенных печатных СМИ к лексемам *долг*, *благополучие Родины* в качестве мотивации труда была направлена на формирование у граждан понимания того, что интенсификация труда является объективно необходимой для государства. Сохранение в дискурсе лексем, определяющих мотивацию труда через экзистенциальные категории и духовно-нравственные ценности, свидетельствовало о высокой интенсивности применения в практиках послевоенного социально-экономического регулирования мобилизационных инструментов, направленных на активизацию внутренних духовных сил индивидов, обеспечивающих подъем трудового энтузиазма и достижение поставленных производственных задач.

Успехи в решении экономических задач послевоенного периода, достигнутых в 1950-е гг., а также изменение политической конъюнктуры способствовали эволюции мобилизационной системы и, как следствие, изменению интенсивности риторики трудовой мобилизации на страницах прессы. В 1950-е гг. снижается количество употребления в советских печатных СМИ лексических форм, определяющих мотивацию труда как *долг* и *благополучие Родины*. В качестве одобряемой мотивации труда повышается востребованность лексем *на благо народа*, *для строительства коммунизма*. Данные формы характеризовались не столь выраженной мобилизационной направленностью, ориентируя население не на экстремальную интенсивность труда в сжатые роки, а на перспективы трудовой деятельности граждан.

В целом специфика медийного конструирования темы мотивации труда горожан отражала характер советской идеологической нормы, коррелировала с динамикой модернизационных процессов, проходящих в СССР в послевоенные годы, а также с реалиями социально-экономического развития страны в 1946–1956 гг.

Литература

1946-й. 1946. *Красный Север*. 1 января: 1.

1948-й. 1948. *Великолукская правда*. 1 января: 3.

- Биюмена А. А. 2021. Ценностные доминанты советского трудового дискурса. *Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4: Принт- и медиатехнологии*. 2: 32–37.
- В честь сессии Верховного Совета СССР. Митинги и собрания в Иркутске. 1946. *Восточно-Сибирская правда*. 15 марта: 3.
- Воодушевлённые Сталинской идеей великих работ. 1946. *Магнитогорский металл*. 2 апреля: 1.
- Главное в социалистическом соревновании. 1952. *Правда*. 15 января: 1.
- Год 1946-й. 1947. *Труд*. 1 января: 2.
- Гончаров Г. А. et al. 2013. *Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке*. Челябинск: Энциклопедия.
- Данкова Н. С., Мусорина О. А. 2022. Человек и труд в советском обществе: речежанровый анализ (на материале детских периодических изданий). В кн.: Сухова О. А. (отв. ред.) *Советский век в российской и мировой истории: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 100-летию образования СССР (г. Пенза, 20 октября 2022 г.)*. Пенза: Изд-во ПГУ; 101–105.
- Дубровская Т. В. 2023. Модель советской трудовой деятельности: лексическое наполнение и репрезентации (на материале корпуса текстов детского журнала «Пионер» 1970–1980-х гг.). *Политическая лингвистика*. 5 (101): 21–32.
- За кандидатов народного блока. 1954. *Под знаменем Ленина*. 14 марта: 3.
- Здесь жил и работал великий вождь. 1956. *Правда*. 16 апреля: 2.
- Ибрагимов М. 1956. Наша путеводная звезда. *Правда*. 12 февраля: 1.
- Илюшина Н. Н. 2019. «Мажорный тон» трудовой деятельности советских детей на страницах «Учительской газеты» и журнала «Воспитание школьников» в 60-е гг. XX в. В кн.: Богуславский М. В., Дорохова Т. С. (отв. ред.) *Социально-педагогический подход в образовании: воплощение наследия А. С. Макаренко в современных социальных проектах*. Екатеринбург: [б. и.]; 54–64.
- Клинова М. А. 2020. Модели имплицитной риторики трудовой мобилизации населения: реконструкция на базе контент-анализа материалов прессы 1946–1956 гг. В кн.: Мазур Л. Н. (отв. ред.) *Документальное наследие и историческая наука*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ; 204–212.
- Клинова М. А. 2024. «Героический, самоотверженный труд горожан!»: эволюция востребованности категорий экстремальности в советской прессе 1946–1956 гг. *Вестник Томского государственного университета*. 503: 27–36. doi: [10.17223/15617793/503/3](https://doi.org/10.17223/15617793/503/3)
- Клинова М. А., Трофимов А. В. 2018. Модели трудовой мобилизации молодёжи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг.). *Уральский исторический вестник*. 4 (61): 55–62. doi: [10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-55-62)
- Коломиец А. 1947. Новогодний тост. *Магнитогорский металл*. 1 января: 1.

- Коммунисты и комсомольцы!.. 1956. *Правда*. 29 сентября: 1.
- Кузнецов И., Мишуриц А. 1979. *История партийной и советской журналистики*. М.: Изд-во МГУ.
- Лазутин А. 1950. Вперёд. *Советская Сибирь*. 1 января: 2.
- Лепешинская О. Б. 1952. В добрый путь. *Смена*. 17: 2.
- Летопись периодических изданий СССР 1946. 1947. *Библиографический указатель*. М.: Всесоюзная книжная палата.
- Летопись периодических изданий СССР 1948. 1949. *Библиографический указатель*. М.: Всесоюзная книжная палата.
- Летопись периодических изданий СССР 1950–1954. 1955. *Библиографический указатель*. М.: Всесоюзная книжная палата.
- Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. 1961. *Библиографический указатель*. М.: Всесоюзная книжная палата.
- Магун В. С. 1998. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание. *Мир России*. 4: 113–144
- Макаркин В. И. 2021. Роль труда в жизни молодёжи в период «ускорения» в отражении журнала «Огонёк». В кн.: Макаров Н. Н. (гл. ред.), Закамалдина М. С. (отв. ред.) *Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2021: материалы Международной студенческой научно-практической конференции*. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова; 174–180. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.magtu.ru/attachments/article/2740/C%D0%B8%D0%9D%202021-%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf?ckattempt=2> (дата обращения: 22 февраля 2026 г.).
- Моисеева К. 1949. Год 1949. *Смена*. 1: 2.
- На берегу Тихого океана. 1950. *Правда*. 1 января: 1.
- Непрерывно двигать вперёд технику производства. 1948. *Правда*. 1 апреля: 1.
- Низовцев С. 1950. Во славу Родины. *Восточно-Сибирская правда*. 1 мая: 3.
- Патриотический долг советской интеллигенции. 1956. *Правда*. 30 ноября: 1.
- Побережников И. В. 2017. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения. *Уральский исторический вестник*. 4: 36–45.
- Праздник весны. 1952. *Смена*. 9: 2.
- Призывы ЦК ВКП(б). К 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 1948. *Восточно-Сибирская правда*. 2 ноября: 2.
- Пятилетку — в 4 года! 1947. *Великолукская правда*. 1 февраля: 1.

- Радостный итог. 1949. *Советская Сибирь*. 1 июня: 2.
- Развёртывайте знамя предмайского социалистического соревнования. 1947. *Магнитогорский металл*. 31 января: 2.
- Свидетельство могущества нашей Родины. 1951. *Труд*. 1 марта: 1.
- Сделать шаг вперёд к светлому будущему. 1950. *Восточно-Сибирская правда*. 1 января: 2.
- Седов В. В. 2003. *Мобилизационная экономика: советская модель*. Челябинск: Челябинский государственный университет.
- Смоляк О. А. 2006. Трудовой этос эпохи позднего социализма (по материалам провинциальной печати). В кн.: *Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (25 апреля 2006 года)*. Т. 2. Пермь: ПГТУ; 115–118.
- Сталинская забота о благосостоянии народа. 1951. *Труд*. 1 марта: 1.
- Танцеева А. В. 2023. «Всё своими руками, из своих материалов, своими машинами»: отражение индустриализации в материалах журнала «Огонёк» на рубеже 1920–1930-х годов. *Позиция. Философские проблемы науки и техники*. 19: 281–286.
- Фонотов А. Г. 2010. *Россия: инновации и развитие*. М.: Бином; Лаборатория знаний.
- Хазагеров Г. Г. 2006. *Партия, власть и риторика*. М.: Европа.
- Чернова О. Е. 2012. Идеологема «социалистическое соревнование» в региональной газете советского и постсоветского периодов. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 18 (1): 267–270.
- Чернова О. Е. 2014. Идеология и труд в текстах СМИ: диахронический аспект. В кн.: Баканов Р. П. *Информационное поле современной России: практики и эффекты*. Материалы XI Международной научно-практической конференции, 16–18 октября 2014 г. Казань: Казан. ун-т; 361–368.
- Чистякова Т. 1951. Любимое дело. *Смена*. 1: 11.
- Чувиков П. А. (ред.) 1967. *Печать СССР за 50 лет. Статистические очерки*. М.: Книга.
- Чунаков М. 1956. Врач, исследователь, учёный. *Правда*. 23 декабря: 3.
- Яшин А. 1948. Истоки победы. *Правда*. 1 января: 3.

BEYOND BORDERS

Marina Klinova

The Labor Motivation of Townspeople: Representations of the Standard on the Pages of the Soviet Press, 1946–1956

KLINOVA, Marina — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. Address: Sofya Kovalevskaya str., 16, 620066, Ekaterinburg, Russian Federation.

Email: klinowa.m@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the structure, content, and dynamics of the normative pattern of urban labor motivation as presented in the Soviet press at various levels. It aims to identify changes in media mobilization rhetoric from 1946 to 1956. Through qualitative and quantitative methods of analyzing press materials, the study reveals the dynamics of the topic's quantitative expression, its specifics in the media (shaped by the period's socio-economic realities and the state's mobilization strategy). The research draws on materials from 13 Soviet publications: the magazine *Smena*; central newspapers *Pravda* and *Trud*; regional newspapers *Uralsky Rabochy*, *Velikolukskaya*

Pravda, *Vostochno-Sibirskaya Pravda*, *Sovetskaya Sibir*, and *Krasny Sever*; city newspapers *Tagil'skiy rabochiy* and *Pod znamenem Ltnina*; and factory newspapers *Magnitogorsk Metal*, *Kirovets*, and *Metallurg*. Content analysis (frequency sampling) was applied manually to 2,898 issues. It is revealed that in the second half of the 1940s, lexemes framing labor motivation as duty and the Motherland's well-being dominated the media, reflecting preserved wartime militarized rhetoric for labor mobilization. In the 1950s, lexemes emphasizing benefits to the people and communism construction gained prominence as approved work motivations, with a less intense mobilization focus and more emphasis on citizens' long-term prospects. Utilitarian motives like personal income and well-being were absent as endorsed urban labor strategies. These media patterns mirrored the Soviet social standard, postwar modernization dynamics, and socio-economic realities from 1946 to 1956.

Keywords: press; propaganda; labor; urban population; RSFSR; mobilization economy.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant for financial support of the state assignment of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; topic “Modernization Transformations of Modern and Contemporary Russia: National Trends and Regional Specifics,” reg. № 124032100050-2.

References

- Biumena A. A. (2021) Tsennostnye dominanty sovetskogo trudovogo diskursa [The Value Dominants of the Soviet labor discourse]. *Proceedings of the Belarusian State Technological University. Series 4: Print and Media Technologies = Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 4: Print- i mediatehnologii*, no 2, pp. 32–37 (in Russian).
- Chernova O. E. (2012) Ideologema “socialisticheskoe sorevnovanie” v regionalnoy gazete sovetskogo i postsovetskogo periodov [The Ideology of “Socialist Competition” in the Regional Newspaper of the Soviet

and Post-Soviet Periods]. *Vestnik of Kostroma State University = Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 18, no 1, pp. 267–270 (in Russian).

Chernova O. E. (2014) Ideologiya i trud v tekstakh SMI: diakhronicheskiy aspect [Ideology and Labor in Media Texts: A Diachronic Aspect]. *Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii, 16–18 oktyabrya 2014 g.* [The Information Field of Modern Russia: Practices and Effects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, October 16–18, 2014] (ed. R. P. Bakanov), Kazan: Kazan Federal University Press, pp. 361–368 (in Russian).

Chistyakova T. (1951) Lyubimoe delo [My Favorite Thing]. *Smena*, no 1, p. 11 (in Russian).

Chunakov M. (1956) Vrach, issledovatel, uchenyy [Doctor, Researcher, Scientist]. *Pravda*, 23 December, p. 3 (in Russian).

Chuvikov P. A (ed.) (1967) *Pechat SSSR za 50 let* [The Seal of the USSR for 50 Years]. Statisticheskie ocherki [Statistical Essays], Moscow: Kniga (in Russian).

Dankova N. S., Musorina O. A. (2022) Chelovek i trud v sovetskom obshchestve: rechezhanrovyy analiz (na materiale detskikh periodicheskikh izdaniy) [Man and Labor in Soviet Society: A Speech Genre Analysis (Based on the Material of Children’s Periodicals)]. *Sovetskiy vek v rossiyskoy i mirovoy istorii: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchenoy 100-letiyu obrazovaniya SSSR (g. Penza, 20 oktyabrya 2022 g.* [The Soviet Century in Russian and World History: Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR (Penza, October 20, 2022)] (ed. O. A. Suhanova), Penza: Penza State University Press, pp. 101–105 (in Russian).

Dubrovskaya T. V. (2023) Model sovetskoy trudovoy deyatel'nosti: leksicheskoe napolnenie i reprezentatsii (na materiale korpusa tekstov detskogo zhurnala “Pioner” 1970–1980-h gg.) [The Model of Soviet Labor Activity: Lexical Content and Representations (Based on the Corpus of Texts from the Children’s Magazine *Pioneer* in the 1970s and 1980s)]. *Political Linguistics = Politicheskaya lingvistika*, no 5 (101), pp. 21–32 (in Russian).

Fonotov A. G. (2010) *Rossiya: innovatsii i razvitiye* [Russia: Innovations and Development], Moscow: Binom; Laboratoriya znaniy (in Russian).

Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. (2013) *Mobilizatsionnaya model razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX veke* [The Mobilization Model of the Development of Russian Society in the Twentieth Century], Chelyabinsk: Entsiklopediya (in Russian).

Hazagerov G. G. (2006) *Partiya, vlast' i ritorika* [The Party, Power and Rhetoric], Moscow: Europa (in Russian).

Ibragimov M. (1956) *Nasha putevodnaya Zvezda* [Our Guiding Star]. *Pravda*, 12 February, p. 1 (in Russian).

Ilyushina N. N. (2019) “Mazhorny ton” trudovoy deyatel'nosti sovetskikh detey na stranitsakh “Uchitelskoy gazety” i zhurnala “Vospitanie shkolnikov” v 60-e gg. XX v. [The “Major Tone” of Soviet Children’s Labor Activity on the Pages of *Uchitelskaya Gazeta* and the magazine *Education of Schoolchildren* in the 60s of the Twentieth Century]. *Sotsialno-pedagogicheskiy podkhod v obrazovanii: voploshchenie naslediya*

A. S. Makarenko v sovremennykh sotsialnykh proektakh [Socio-Pedagogical Approach in Education: The Embodiment of A. S. Makarenko's Legacy in Modern Social Projects] (eds. M. V. Boguslavskij, T. S. Dorohova), Ekaterinburg, pp. 54–64 (in Russian).

Klinova M. A. (2020) Modeli implitsitnoy ritoriki trudovoy mobilizatsii naseleniya: rekonstruktsiya na baze kontent-analiza materialov pressy 1946–1956 gg. [Models of Implicit Rhetoric of Labor Mobilization of the Population: Reconstruction Based on Content Analysis of Press Materials 1946–1956]. *Dokumentalnoe nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary Heritage and Historical Science] (ed. L. N. Mazur), Ekaterinburg: Ural Federal University (UrFU) Press, pp. 204–212 (in Russian).

Klinova M. A. (2024) “Geroicheskiy, samootverzhenyiy trud gorozhan!”: evolyutsiya vostrebovannosti kategoriy ekstremalnosti v sovetskoj presse 1946–1956 gg. [“Heroic, Selfless Work of the Citizens!”: The Evolution of the Demand for Categories of the Extreme in the Soviet Press 1946–1956]. *Tomsk State University Journal = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 503, pp. 27–36. doi: 10.17223/15617793/503/3 (in Russian).

Klinova M. A., Trofimov A. V. (2018) Modeli trudovoy mobilizatsii molodezhi (po materialam zhurnala “Smena” 1946–1953 gg.) [Models of Labor Mobilization of the Youth (on the Basis of the Materials Published in “Smena” Magazine in 1946–1953)]. *Ural Historical Journal = Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 4 (61), pp. 55–62. doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-55-62 (in Russian).

Kolomic A. (1947). Novogodniy tost [A New Year's toast]. *Magnitogorskiy metall*, 1 January, p. 1 (in Russian).

Krasnyy Sever. (1946) *1946-j.* [1946], 1 January, p. 3 (in Russian).

Kuznetsov I., Mishuris A. (1979) *Istoriya partiynoy i sovetskoy zhurnalistiki* [The History of Party and Soviet Journalism], Moscow: Moscow State University Press (in Russian).

Lazutin A. (1950) Vpered [Forward]. *Sovetskaya Sibir*, 1 January, p. 2 (in Russian).

Lepeshinskaya O. B. (1952) V dobryy put [In a Good Way]. *Smena*, no 17, p. 2 (in Russian).

Letopis periodicheskikh izdaniy SSSR 1946 [Chronicle of Periodicals of the USSR 1946]. (1947) Bibliograficheskiy ukazatel [Bibliographic Index], Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata (in Russian).

Letopis periodicheskikh izdaniy SSSR 1948 [Chronicle of Periodicals of the USSR 1946]. (1949) Bibliograficheskiy ukazatel [Bibliographic index], Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata (in Russian).

Letopis periodicheskikh izdaniy SSSR 1950–1954 [Chronicle of Periodicals of the USSR 1950–1954] (1955) Bibliograficheskiy ukazatel [Bibliographic Index], Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata (in Russian).

Letopis' periodicheskikh izdaniy SSSR 1955–1960 [Chronicle of Periodicals of the USSR 1955–1960] (1961) Bibliograficheskiy ukazatel [Bibliographic Index], Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata (in Russian).

Magnitogorskiy metall. (1946) *Voodushevlennyye Stalinskoy ideey velikikh rabot* [Inspired by Stalin's Idea of Great Works], 2 April, p. 3 (in Russian).

- Magnitogorskij metall. (1947) *Razvertyvayte znamya predmayskogo sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [Unfurl the Banner of the Pre-May Socialist Competition], 31 January, p. 2 (in Russian).
- Magun V. S. (1998) Rossiyskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie [Russian Labor Values: Ideology and Mass Consciousness]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 4, pp. 113–144 (in Russian).
- Makarkin V. I. (2021) Rol truda v zhizni molodyozhi v period «uskoreniya» v otrazhenii zhurnala “Ogonyok” [The Role of Labor in the Life of Young People during the Period of “Acceleration” in the Reflection of the “Ogonyok” Magazine]. *Student i nauka (gumanitarnyy tsikl) – 2021: materialy mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii* [Student and Science (Humanities Cycle) – 2021: The Materials of the International Student Scientific and Practical Conference] (eds. N. N. Makarov, M. S. Zakamaldina), Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University Press, pp. 174–180. Available at: <https://www.magtu.ru/attachments/article/2740/C%D0%B8%D0%9D%202021-%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf?ckattempt=2> (accessed 22 February 2026) (in Russian).
- Moiseeva K. (1949) God 1949 [The Year is 1949]. *Smena*, no 1, p. 2 (in Russian).
- Nizovcev S. (1950) Vo slavu Rodiny [For the Glory of the Motherland]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*, 1 May, p. 3 (in Russian).
- Poberezhnikov I. V. (2017) Modernizatsiya v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya. [Modernization in the History of Russia: Trends and Investigation Problems]. *Ural Historical Journal = Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 4 (57), pp. 36–45 (in Russian).
- Pod znamenem Lenina. (1954) *Za kandidatov narodnogo bloka* [For the Candidates of the People's Bloc], 14 March, p. 3. (in Russian).
- Pravda. (1948) *Nepreryvno dvigat' vpered tekhniku proizvodstva* [Continuously Move Production Technology Forward], 1 April, p. 1 (in Russian).
- Pravda. (1950) *Na beregu Tikhogo okeana* [On the Shores of the Pacific Ocean], 1 January, p. 1 (in Russian).
- Pravda. (1952) *Glavnoe v sotsialisticheskoy sorevnovanii* [The Main Thing in Socialist Competition], 15 January, p. 1 (in Russian).
- Pravda. (1956a) *Kommunisty i komsomol'cy!..* [Communists and Komsomol members!..], 29 September, p. 1 (in Russian).
- Pravda. (1956b) *Patrioticheskiy dolg sovetskoy intelligentsii* [The Patriotic Duty of the Soviet Intelligentsia], 30 November, p. 1 (in Russian).
- Pravda. (1956c) *Zdes zhil i rabotal velikiy vozhd* [The Great Leader Lived and Worked Here], 16 April, p. 2 (in Russian).
- Sedov V. V. (2003) *Mobilizacionnaya ekonomika: sovetskaya model* [Mobilization Economy: The Soviet Model], Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press (in Russian).
- Smena. (1952) *Prazdnik vesny* [The Spring Festival], no 9, p. 2 (in Russian).

Smolyak O. A. (2006) Trudovoy etos epokhi pozdnego sotsializma (po materialam provintsialnoy pechati) [The Labor Ethos of the Late Socialist Era (Based on Materials from the Provincial Press)]. *Formirovanie gumanitarnoy sredy i vneuchebnaya rabota v vuze, tekhnikume, shkole*. Materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii (25 aprelya 2006 goda) [The Formation of a Humanitarian Environment and Extracurricular Activities at Universities, Colleges, and Schools. Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference (April 25, 2006)], vol. 2, Perm: Perm Polytechnic University Press, pp. 115–118 (in Russian).

Sovetskaya Sibir. (1949) *Radostnyy itog*. [A Happy Outcome], 1 June, p. 2 (in Russian).

Tancevova A. V. (2023) “Vse svoimi rukami, iz svoikh materialov, svoimi mashinami”: otrazhenie industrializatsii v materialakh zhurnala “Ogonek” na rubezhe 1920–1930-kh godov [“Everything with Your Own Hands, from Your Own Materials, with Your Own Machines”: A Reflection of Industrialization in the Materials of the “Ogonyok” Magazine at the Turn of the 1920s and 1930s.]. *Position. Philosophical Problems of Science and Technology = Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, no 19, pp. 281–286 (in Russian).

Trud. (1947) *God 1946-y* [The Year 1946], 1 January, p. 2 (in Russian).

Trud. (1951a) *Stalinskaya zabota o blagosostoyanii Naroda* [Stalin’s Concern for the Welfare of the People], 1 March, p. 1 (in Russian).

Trud. (1951b) *Svidetelstvo mogushchestva nashey Rodiny* [A Testament to the Power of Our Motherland], 1 March, p. 1 (in Russian).

Velikolukskaya pravda. (1947) *Pyatiletku — v 4 goda!* [Five-Year Plan — in 4 Years!], 1 February, p. 1 (in Russian).

Velikolukskaya pravda. (1948). *1948-j* [1948], 1 January, p. 3 (in Russian).

Vostochno-Sibirskaya pravda. (1946) *V chest’ sessii Verhovnogo Soveta SSSR. Mitingi i sobraniya v Irkutsk* [In Honor of the Session of the Supreme Soviet of the USSR. Rallies and Meetings in Irkutsk], 15 March, p. 3 (in Russian).

Vostochno-Sibirskaya pravda. (1948) *Prizyvy CK VKP(b). K 31-j godovshchine Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Appeals of the Central Committee of the CPSU(b). To the 31st Anniversary of the Great October Socialist Revolution], 2 November, p. 2 (in Russian).

Vostochno-Sibirskaya pravda. (1950) *Sdelat shag vpered k svetlomu budushchemu* [Take a Step Forward Towards a Brighter Future], 1 January, p. 2 (in Russian).

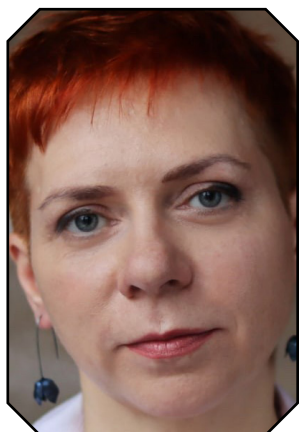
Yashin A. (1948) *Istoki pobedy* [The Origins of Victory]. *Pravda*, 1 January, p. 3 (in Russian).

Received: May 9, 2025

Citation: Klinova M. (2026) Trudovaya motivatsiya gorozhan: reprezentatsiya etalona na stranitsakh sovetskoy pressy, 1946–1956 gg. [The Labor Motivation of Townspeople: Representations of the Standard on the Pages of the Soviet Press, 1946–1956]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 63–82. doi: 10.17323/1726-3247-2026-2-63-82 (in Russian).

М. М. Русакова, А. А. Александрова, А. В. Жарикова, С. Ткач

Связь социально-гражданской активности и трудовых установок учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений¹

РУСАКОВА Майя Михайловна — кандидат социологических наук, директор, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email: m.rusakova@spbu.ru

В рамках статьи анализируется соотнесённость категорий противоправной деятельности, гражданской активности и труда. Полученные теоретические выводы подкрепляются анализом эмпирических данных. В общественных науках существует несколько устоявшихся позиций относительно такой связи. В отечественных работах приводятся преимущественно доказательства позитивной связи обозначенных категорий. В зарубежных работах (в частности, в трудах Д. Гребера, Т. Веблена, С. Бриджена) показано, что данная взаимосвязь опосредована сложившимися социальными традициями использования труда в качестве практики воспитания и может варьировать от строго негативной до позитивной. В случае с подростками, как пишет В. Зелизер, труд признаётся преимущественно маргинальной практикой, а потому не может связываться с законопослушностью. Консенсус в отечественных работах может быть обусловлен влиянием советской школы марксизма, рассматривающей неразрывно ранние и поздние идеи К. Маркса. Такое рассмотрение позволило создать отечественную школу трудовой реабилитации подростков, находящихся в конфликте с законом. Актуальность исследования проистекает из необходимости объяснения сложившегося теоретического консенсуса в отечественной социологии; также нужна эмпирическая проверка отдельных положений модели, которая лежит в основе данного консенсуса. Авторы опираются на теоретическую модель, составленную из синтеза положений отечественных авторов — К. Чермит, Б. Рахматулина, Т. Багулина, Л. Андрианова, Л. Минаева, положения Д. Гребера об обусловленности связи гражданской активности, труда и законопослушности принятыми социальными традициями. По итогам анализа продемонстрировано, что социально-гражданская активность позитивно влияет на разделяемые трудовые установки подростков и практики по получению профессии в ситуации, когда она тематически связана с военно-патриотической деятельностью. Полученные результаты значимы для разъяснения положений дискуссии о связи законопослушности и труда, а также могут быть учтены при планировании программ трудовой реабилитации подростков в конфликте с законом.

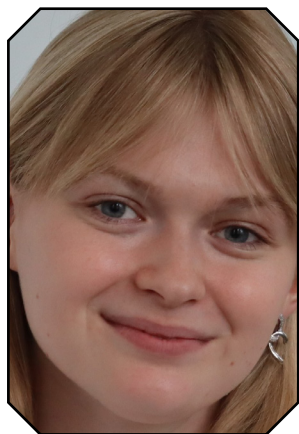
Ключевые слова: социально-гражданская активность; трудовые установки; трудовая реабилитация; третичная социальная реабилитация; специальные учебно-воспитательные учреждения; подростки в конфликте с законом.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01563; см.: Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://rscf.ru/project/24-28-01563/> (дата обращения: 12 марта 2026).

АЛЕКСАНДРОВА Анастасия Алексеевна — заместитель директора, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email: a.a.aleksandrova@spbu.ru

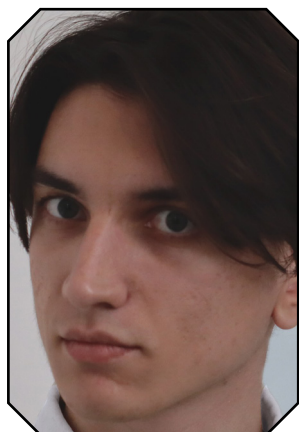
ЖАРИКОВА Анна Владимировна — ведущий социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email: a.zharikova@spbu.ru

Введение

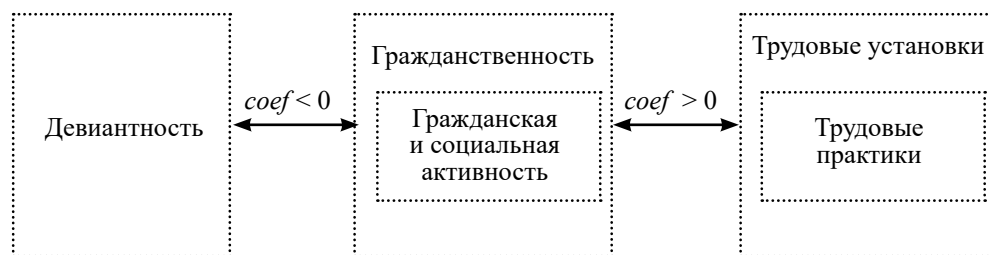
В отечественной литературе можно обнаружить явное противопоставление деструктивного делинквентного (противоправного) поведения и конструктивной социально-гражданской активности. То же справедливо и для взаимосвязи продуктивной трудовой деятельности и деструктивной противоправной. Этот тезис присутствует как в научных работах по данной теме, так и в публицистике. А. Оськина и О. Груздова для обнаружения сформированности гражданской идентичности, проявляемой в социально-гражданской активности, использовали методику «Незаконченный тезис» Л. В. Байбородовой, в которой одним из блоков является «отношение к труду». Анализируя полученные данные, авторы среди компонентов активной гражданской идентичности указывают на понимание подростками роли труда в жизни человека [Оськина, Груздова 2021: 83–84]. Д. Галстян и Р. Иванов, обобщая современную отечественную литературу по данному вопросу, приходят к выводу, что «[обратная] зависимость между уровнем асоциального поведения и фактором трудовой занятости несовершеннолетних налицо» [Галстян, Иванов 2023: 285].

Нередко в научной литературе можно обнаружить рассматриваемый нами тезис в деонтологии исследования, а также в его выводах. Это наглядно можно обнаружить в статье К. Чермита и Б. Рахматулиной, которые видят трудовую деятельность элементом деонтологических представлений о становлении нравственной личности активного гражданина: «Привлечение подростков к трудовой деятельности является фундаментальной основой формирования личности, гражданского мировоззрения, развития патриотических и нравственных ценностей» [Чермит, Рахматулина 2021: 91]. Этому тезису соответствуют выводы исследования: «Система мер [развития социально-гражданской активности через трудовую деятельность] включает обоснованную и экспериментально проверенную совокупность педагогических условий эффективности формирования гражданственности подростков в добровольческих (волонтерских) трудовых бригадах» [Чермит, Рахматулина 2021: 96]. Схожая позиция широко представлена в отечественных работах (см.: [Багулина, Андрианова, Минаева 2007; Багирова, Южакова 2019; Гальченко 2019; Харьковская et al. 2019; Рахматулина 2022]). Риторическая фигура трудящегося активного социально и гражданственно человека используется и в СМИ [Администрация Яйского муниципального округа 2020; Кавджарадзе 2021]. Так, например, об этом пишут в информационном агентстве «Рабочий путь»: «Главная задача [учреждения ФСИН] даже не столько исполнение назначенного [заклочённым] наказания, а возвращение в общество социально адаптированных, профессионально подготовленных к полезному труду и настроенных на честную и законопослушную жизнь людей» [Рабочий путь 2024]. Авторы и в научных трудах, и в СМИ используют в качестве синонимичной разную терминологию: гражданская и социальная активность, гражданственность, гражданственная нравственность, гражданская солидарность и др. Излагаемые в их работах идеи можно обобщить в модели, представленной на рисунке 1.

ТКАЧ Сергей — ведущий социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Email: m.rusakova@spbu.ru

Рис. 1. Теоретическая модель связи девиантности, гражданственности и трудовых установок

В данной модели (см. рис. 1) социально-гражданская активность является концептом второго порядка по отношению к гражданственности, а трудовые практики — концептом второго порядка по отношению к трудовым установкам. Также не существует консенсусной позиции относительно направления каузальности: одни авторы показывают, что социально-гражданская активность определяет трудовые практики, другие, наоборот, полагают, что трудовые практики определяют социально-гражданскую активность. Согласие отечественными авторами достигается относительно наличия положительной связи между данными концептами и через них — с концептами более высокого порядка. Между гражданственностью и девиантностью, напротив, существует отрицательная связь.

В общем смысле это может быть сведено к нарративному противопоставлению двух образов — социально активного ответственного гражданина, реализующегося в продуктивном труде, и безответственного девиантного человека, занятого противоправной и преступной деятельностью. Значительная часть таких работ опираются преимущественно только на теоретические построения относительно природы связи трудовых установок, девиантности и социально-гражданской активности. В то же время в отечественном исследовательском поле очень ограниченно представлены критические работы, оппонирующие данной позиции, несмотря на то что такая проблематика видится особенно актуальной для подростков, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях, к которым применяют принудительные воспитательные меры, в том числе трудовую реабилитацию, а также технологии, связанные с формированием гражданской идентичности. На трудовую реабилитацию, а также на формирование гражданской идентичности в комплексе с остальными мероприятиями в данных учреждениях возлагают особенные надежды. Цель настоящей статьи — восполнить данную лауну и выявить, что именно позволяет добиться высокого уровня эффективности в реализации таких программ, который, например, не наблюдается в ряде зарубежных работ [Mortimer, Staff 2004; 2010].

Становление понятия «трудящийся активный гражданин»

Соотношение концептов труда, социально-гражданской активности и девиантности разнилось в разных школах мысли. Одно из ранних рассуждений можно обнаружить в трудах, раскрывающих соотношение понятий

*negotium*² и *otium*³ в трактатах римской философии, в частности, Цицерона. В трактате «Об обязанностях» («De officiis»; 44 г. до н. э.) Цицерон, как об этом пишет О. Мамина, под термином *otium* понимал досуговую деятельность, цель которой не относилась к гражданственности и не имела прямой общественной пользы [Мамина 1984]. Сюда также относился «праздный» труд, польза которого для общества не была явной: искусство, философия и др. [Мамина 1984: 67]. Понятие *negotium*, напротив, означало форму труда, ориентированного на благо остальных граждан. Поскольку истоки занятий, отнесённых к *negotium*, должны были, согласно Цицерону, происходить не из желания славы, а из глубоко личностных моральных качеств благородного гражданина [Мамина 1984: 68], гражданственность и трудовые установки о том, каким должен быть *negotium*, должны быть связаны через модерную переменную «личность благородного гражданина». Сама по себе связь между трудом и гражданственностью не была линейной, поскольку не любой труд, а только отнесённый к *negotium*, оказывался связан с гражданской активностью.

Ещё одну модель связи труда, гражданской активности и гражданственности можно обнаружить в классическом труде Т. Веблена «Теория праздного класса» (1899 г.). Американский экономический социолог демонстрирует, как на протяжении многих веков благородство происхождения и помыслов, а также социально-гражданская активность тесно ассоциировались с праздным образом жизни и бездельем. Веблен пишет: «Верхние слои общества, по обычаю, освобождаются от занятий в производстве или остаются от них в стороне, за ними закрепляются известные занятия, которые считаются “почётными”» [Веблен 2021: 55]. Наиболее достойные и почётные граждане были всячески ограждены от труда. Существовали занятия, которые нарочито демонстрировались как иные формы деятельности, не имеющие отношения к труду: богослужение, гражданское управление, военное дело. В дальнейшем, замечает Веблен, в современном ему обществе сохраняется разделение на производительную и непроизводительную деятельность: «Всё ещё проводится различие между производственными и непроизводительными занятиями, и это сегодняшнее различие является преобразованной формой различия периода варварства между доблестным трудом и нудной работой. Такие виды деятельности, как военное дело, политика, богослужение и спортивные состязания, воспринимаются обществом как занятия, по своей сути отличные от труда <...>» [Веблен 2021: 61]. Можно заметить, что военные, священнослужители, политики, спортсмены часто обществом воспринимаются как наиболее нравственные и граждански активные люди.

Модель связи девиантности, труда и социально-гражданской активности, как полагает Д. Гребер, возникает под давлением распространяющегося протестантизма и протестантской этики [Гребер 2020: 289]. М. Вебер подробно описывает логику, которая лежит в основе данной трансформации. В христианстве до протестантизма труд понимался как необходимое, но, скорее, греховное, нежели благородное, занятие [Коваль 1994]. Протестантская этика смещает фокус греховности на процесс трат. В особенности греховными считаются траты на предметы роскоши. Труд, наоборот, является добродетелью и может быть поощрён Господом. Соответственно, богоугодными тратами могут быть те, которые связаны непосредственно с трудом: покупка орудий труда, обустройство рабочего места и т. д. [Бахитов 2013]. В такой логике развивается Кальвинистская церковь. Человек в учении кальвинистов может заранее узнать о своей участи, уготовленной ему на Страшном суде. Для этого ему необходимо повстречать удачу в своём деле. Если он сталкивается с трудностями, он может повторять попытки, пока удача ему не встретится [Гергилов 2007]. В такой модели труд является формой коммуникации с Богом и атрибутом нравственного активного гражданина. Поскольку протестантская этика не получила широкого распространения в России, важно рассмотреть путь развития соотношения категорий труда и социально-гражданской активности применительно к отечественной истории.

---

² Занятие, дело (лат.).

³ Отдых (лат.).

На отечественное общественное представление о труде повлияли процессы, схожие с описываемыми Д. Винсентом для одиночества: свои современные коннотации слово «одиночество» приобрело только после начала использования одиночных камер как формы наказания [Винсент 2022: 415]. Нахождение в одиночной камере понималось как исправительная практика, направленная на моральное преобразование человека через его саморефлексию и осмысление содеянного. Труд также стал распространённой исправительной методикой в советское время. Философские основания для такого понимания обнаруживаются, как пишет Л. Альтюссер, в эссенциалистском понимании природы человека ранним К. Марксом. Согласно Марксу, биологическое отличие человека от других животных состоит в его способности к свободному творческому труду. В более поздних работах Маркс, по мнению Альтюссера, якобы отказывается от своей изначальной позиции о природе человека [Althusser 2005]⁴.

Собственно, Л. Альтюссер был одним из первых, кто предложил такую классификацию. Понимание раннего Маркса как заблуждающегося о природе человека, а позднего — как отрицающего свои ранние заблуждения лишает смысла идею исправительного труда. Напротив, критика такой позиции, как приводится, например, Т. Ойзерманом, наполняет такую практику обоснованием. Советские авторы полагали разделение творчества Маркса на раннее и позднее не заслуживающим внимания, а потому идея о природе человека и роли труда в ней должна быть воспринята всерьёз. И. Нарский, комментируя поздние работы Маркса, пишет: «Мерой свободы могло бы быть только соответствие творческих проявлений человеческой сущности — самой этой сущности» [Нарский 1983: 27]. Под «сущностью» Нарский понимает природу человека. В такой модели труд «очеловечивает» животное, то есть наделяет его высокими нравственными качествами гражданина. Подобное цельное видение творчества Маркса послужило фундаментом для развития идей воспитания коммунистической личности через труд. Эта идея иллюстрируется В. Тугариновым: «Вместе с осуществлением полной свободы личности возрастёт ответственность её перед обществом за свои действия. Свобода без обязанностей и ответственности есть анархия. Такая “свобода” чужда коммунизму <...> Свобода — это не только сбрасывание оков, но и подчинение себя внутренней дисциплине. Поэтому требуется воспитание человека, подготовка его к полной свободе и высокой требовательности к себе» [Тугаринов 1966: 18]. Модель связи социально-гражданской активности, исправления девиантности и труда нашла воплощение во множестве различных институтов советского общества: трудовые исправительные лагеря [Исаков 2000], программы трудовой реабилитации [Кашуба 2012] и др. Применительно к девиантным подросткам можно вспомнить об идее трудового воспитания А. Макаренко [Лыгин, Денисова 2014].

Роль труда в нравственном взрослении

Трудовая реабилитация подростков непосредственно связана с общественным представлением о роли труда во взрослении, поэтому необходимо подробнее остановиться на этом вопросе. Протестантская этика сыграла ключевую роль в вовлечении детей в работу в позднем Средневековье, как указывает С. Бриджен [Brigden 1982: 37]. Салариатная занятость, демонстрирует Бриджен, возникает впервые применительно именно к детскому труду. Дети нанимались в подмастерья для получения необходимых навыков; за помощь мастеру они получали регулярную заработную плату. Взрослые же получали чаще всего доход в иной форме: выручка от проданного товара или оказанных услуг, подарки от монарха и т. д. [Brigden 1982: 38]. Как пишет Д. Гребер, обязанность работать была справедлива для детей всех сословий. Детей и подростков из благородных семей часто нанимали гувернантками и слугами [Graeber 2007]. Как замечает К. Томас, работа и нахождение под влиянием авторитета мастера формировали в детях необходимую дисциплину, позволяли детям стать достойными членами общества [Thomas 1976]. В. Зелизер описывает, как происходил постепенный дрейф мнений о роли труда на подростковом этапе взросления и обретения навыков активного гражданина. Промышленные

⁴ Назовём такую позицию двухэтапной интерпретацией работ Маркса.

заводы, в особенности в тяжёлых индустриях (металлообработка, машиностроение и т. д.), требовали значительной физической силы от рабочих, которой не обладали дети и подростки. Повышение ценности детской жизни по итогу второго демографического перехода привело к ужесточению требований регулирования условий труда для детей и подростков. Поэтапно всё большее число профессий признавались непригодными для детей, пока дети не оказались практически полностью вытеснены из сферы занятости. Нормотипичный путь социализации предполагал длительное получение образования, а раннее трудоустройство, напротив, ассоциировалось с маргинальностью [Zelizer 1994]. И. Иллич видит в сложившейся ситуации также институциональное давление школ и системы образования, которая повысила порог вхождения в сферу занятости, требуя длительного периода обучения, заканчивающегося аттестацией, и табуировала тем самым подростковый труд [Иллич 2006].

В современной научной литературе нет однозначной позиции о влиянии труда, трудовых установок на гражданскую активность и законопослушность. Одними из наиболее ранних систематических работ на эту тему могут быть названы лонгитюдные исследования Д. Левинсона, который пришёл к оптимистичным выводам: раннее трудоустройство позитивно коррелирует с социально-гражданской активностью человека, его профессиональным успехом, а также профилирует девиантное поведение [Levinson 1977; 1986]. Содержательная критика данной позиции приводится в статьях Дж. Мортимер, которая обращает внимание на нестрогость методологии более ранних исследований и заключает, что подростковая занятость приводит к увеличению стресса и снижению самооценки, а также к ослаблению социальных связей со сверстниками [Mortimer, Staff 2004; Mortimer 2010]. Такая же позиция отражена и в работах Г. Марша с соавторами, где демонстрируется, что работа приводит к росту девиантного поведения среди подростков [Marsh 1991]. Происходит это ввиду накапливающихся негативных эффектов усталости и стресса для подростка, а также постепенной утраты интереса к образованию. Эти выводы значительно расходятся с приводимыми результатами отечественных работ (см.: [Багулина, Андрианова, Минаева 2007; Багирова, Южакова 2019; Гальченко 2019; Харьковская et al. 2019; Рахматулина 2022]), а также вступают в противоречие с традицией трудовой реабилитации девиантных подростков в России.

Данное противоречие предполагает существование двух противоположных по смыслу моделей связи гражданственности и трудовых практик. Первая из них (см. рис. 1) полагает между гражданственностью и трудовыми практиками строгую позитивную связь. Данная позиция является практически консенсусной для отечественной литературы. Вторая модель предполагает отрицательную связь между гражданственностью и трудовыми практиками; подтверждения этому изложены преимущественно учёными США (см. работы Д. Гребера, Дж. Мортимер, Г. Марша, В. Зелизер)⁵. Ситуация, при которой в одних исследованиях между категориями гражданственности и трудовых практик обозначается позитивная связь, а в других — отрицательная, явно указывает на существование модулирующей переменной между ними. Как показывает обзор литературы, эта переменная может выражать различие в ценностях, которое возникло и развилось на протяжении XX века. Для России речь идёт о наборе ценностей, проистекающих из цельной интерпретации трудов Маркса и системы институтов трудовой реабилитации подростков. В США система ценностей опирается на двухэтапную интерпретацию работ Маркса и систему институтов, ограждающих подростков от труда, о которой пишет Зелизер.

Воспитание учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений

В современной научной литературе подробно освещаются как тематика установок и личностных черт учащихся, так и меры воспитания и реабилитации, которые к ним применяются. Аксиологический компонент, включающий личностные установки, раскрыт в ряде работ: [Мануйлова, Максимов 2020; Ульянина et al. 2021; Бойкина et al. 2024] и др. Современные работы о воспитательных технологиях редко излагают обзорную перспективу проблематики, чаще концентрируются на отдельных примерах:

⁵ Идеи этих исследователей поддерживались и в других странах.

воспитание через художественное образование [Куликова, Катаева, Панина 2020], стартап-площадки [Максимовских 2018] и др. М. Паатова при рассмотрении комплексных программ воспитания приводит отдельные наиболее общие направления, которые согласуются с существующими стандартами в сфере образования: гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, физическое, эстетическое, трудовое, экологическое воспитание, ценность научного познания [Паатова 2021: 48]. Также Паатова даёт общую характеристику основных форм реализации патриотического воспитания: мероприятия, направленные на формирование гражданской идентичности; развитие чувства персональной ответственности за судьбу Родины; раскрытие содержания символов России (флаг, герб и др.), национального состава государства, изучение истории подвигов героев России и традиций национальных праздников; формирование мотивации для участия в них и иных патриотических мероприятиях [Паатова 2021: 50].

Устройство спортивного воспитания на примере учебно-воспитательного учреждения в Астрахани описывается в тексте Т. Кондыриной. Исследовательница и специалист-практик приводит два основных пути трактования спортивных мероприятий как элементов воспитательной работы: ценность поддержания здорового образа жизни и занятия спортом как элемент патриотических практик (этому последнему Кондырина уделяет большое внимание). Спорт видится общей платформой для сотрудничества с патриотическими организациями («Боевое братство» и др.), для подготовки к патриотическим мероприятиям (выезды «Георгий Победоносец») и к службе в армии [Кондырина 2022: 39]. Относительно трудового воспитания Л. Мануйлова и А. Максимов пишут, что речь идёт в первую очередь об интеграции общественно полезного производительного труда [Мануйлова, Максимов 2020: 124]. Трудовая реабилитация в работе Мануйловой и Максимова представлена разнообразными тестами профессиональной ориентации, беседами с представителями профессий, воспитательными играми («Отель Омск», «Бункер»), написанием эссе, рассмотрением общественной пользы работы и личной ответственности человека перед обществом в выполнении своего профессионального долга.

Несмотря на разнообразие мероприятий и воспитательных технологий, можно заметить, что отечественные авторы (см.: [Мануйлова, Максимов 2020; Кондырина 2022] и др.) неизменно закладывают социально-гражданственный эффект в производимые воспитательные действия, рассматривают их применение как инструмент для развития протективных и конструктивных установок ответственного гражданина, в том числе трудовых. Другими словами, данные воспитательные меры воздействуют на формирование ценностей подростка, выражаемых в конкретных установках. Однако нельзя однозначно утверждать, что разные воспитательные направления формируют одинаковые ценности или делают это одинаково эффективно. Применительно к тематике исследования связи социально-гражданской активности и трудовых установок учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений будет справедливым рассмотреть проблему о существовании различного эффекта разных направлений социально-гражданской воспитательной активности на трудовые установки и практики, а не единого линейного, какой описывается практически консенсусно в отечественных работах. Ключевой исследовательской вопрос, соответственно, видится следующим образом: какие из основных направлений социально-гражданской воспитательной активности, реализуемой в специальных учебно-воспитательных учреждениях, позволяют наиболее эффективно сформировать конструктивные трудовые установки и практики?

Методология и обоснование выбранных для анализа переменных

Объектом настоящего исследования выступала социально-гражданская активность учащихся специальных учебно-воспитательных учреждений. Предметом исследования является связь данной активности с трудовыми установками и практиками учащихся. Опираясь на аргументы, приведённые в обзоре литературы, и учитывая отсутствие однозначных оценок влияния социально-гражданской активности на трудовые установки и практики, были сделаны несколько теоретических допущений, требующих эмпирической проверки. Их можно сформулировать в виде статистической гипотезы:

Гипотеза 1 (H 1): Знак и сила связи между социально-гражданской активностью, а также трудовыми практиками и установками обусловлены уникальным набором ценностей, транслируемым конкретной формой социально-гражданской активности. Отсюда даже значительная вовлечённость в некоторые формы социально-гражданской активности может иметь очень ограниченный эффект на приверженность конструктивным трудовым установкам и практикам, если подростками были выбраны не те формы активности.

Инструментарий исследования разрабатывался с учётом данных, полученных в 15 экспертных интервью со специалистами в сфере трудовой реабилитации подростков в конфликте с законом. В выборочную совокупность экспертов вошли следующие сотрудники специальных учебно-воспитательных учреждений: четыре директора; четыре заместителя директора; два социальных педагога; один преподаватель специальных дисциплин; один старший мастер. Также были взяты интервью у двух директоров некоммерческих организаций, занимающихся социальной реабилитацией подростков, находящихся в конфликте с законом, и у одного уполномоченного по правам ребёнка. Четыре интервью были взяты в Кировской области, семь интервью в Санкт-Петербурге, два интервью в Тульской области, по одному интервью в Калининградской области, Пермском крае и Вологодской области. Интервью были посвящены основным практикам социальной реабилитации подростков в конфликте с законом, оценке вовлечённости в них подростков, трудностям, с которыми специалисты и подростки сталкиваются в рамках реабилитации, перспективам данной области.

Первичный анализ интервью позволил установить, что в специальных учебно-воспитательных учреждениях социально-гражданская активность учащихся большей частью реализуется через участие во внеучебных секциях и кружках: речь идёт о подготовке социально-гражданских мероприятий (праздников, памятных дат и т. д.), об участии в акциях военно-патриотических кружков, подготовке социально-спортивных мероприятий (благотворительные соревнования, спортивные парады, представления и др.) на спортивных кружках, изготовлении товаров для нужд Вооружённых сил России и благоустройстве объектов социальной инфраструктуры в трудовых бригадах. При этом каждая из форм активности сопряжена с разными социально-гражданскими ценностями, как показано в ряде работ (см.: [Мануйлова, Максимов 2020; Паатова 2021; Кондырина 2022]).

Было важно оценить вовлечённость подростков в данную деятельность, для чего им задавался вопрос о полезности и интересности участия в секциях: «Как бы ты оценил(-а) участие в следующих направлениях внеучебной деятельности в учреждении для себя?» Для удобства интерпретации ответов переменные были инвертированы (см. табл. 1).

Таблица 1

Переменные оценки социально-гражданской активности

Секции	Переменная	Шкала измерения
Спортивные	Интерес	1 — Нравится
		2 — Скорее нравится, чем не нравится
		3 — Скорее не нравится, чем нравится
		4 — Не нравится
		5 — Не участвую
Военно-патриотические	Польза	1 — Полезно
		2 — Скорее полезно
		3 — Скорее бесполезно
Трудовые		4 — Бесполезно
		5 — Не участвую

Чтобы прояснить, чем подростки занимались в рамках этих секций, им был заданы открытые вопросы в следующей формулировке:

Что именно ты посещаешь из военно-патриотических кружков, спортивных секций, трудовых секций?

Ключевой категорией данной работы является трудовая установка. Под ней понималось конкретное высказывание, выражающее отношение к предмету установки — к труду. Совокупность установок формируют ценность — абстрактную предельную цель, в соответствии с которой человек организует свою жизнь.

Для оценки трудовых установок и практик были использованы авторские формулировки, отражавшие разные утверждения о труде, а также вопросы о практиках получения работы и трудоустройства. Процесс разработки данных утверждений включал несколько этапов. Первоначально были заимствованы утверждения, разработанные для анализа трудовых установок и практик другой девиантной группы — лиц, употребляющих наркотические вещества [Русакова 2002]. На втором шаге утверждения были адаптированы для работы с подростками в конфликте с законом. На третьем шаге формулировки были уточнены в интервью с экспертами. Также для оценки интереса к участию во внеучебной деятельности задавался соответствующий вопрос. Формулировки приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Переменные оценки трудовых установок и практик, интереса к ним

Переменная	Формулировка вопроса	Шкала измерения
Учёба	Как бы ты описал(-а) свою успеваемость сейчас?	1 — Все или почти все пятёрки
		2 — В основном пятёрки и четвёрки
Профориентация	Принимал(-а) ли ты когда-либо участие в профориентации?	3 — В основном четвёрки
		4 — В основном четвёрки и тройки
Обучение профессии	Проходишь ли ты обучение по какой-либо профессии в настоящий момент?	5 — В основном тройки
		6 — В основном тройки и часто двойки
Миграция	Рассматриваешь ли ты для себя поездку в другой крупный город на заработки для построения будущей карьеры?	7 — Не аттестован(-а)
		1 — Да, принимал(-а)
Польза работы	Согласен ли ты с утверждением: хорошая работа для меня будет та, где я смогу принести больше пользы?	2 — Нет, не принимал(-а)
		1 — Да
Работа по специальности	Нужна ли тебе информация о том, как найти работу по выбранной специальности?	2 — Нет
		1 — Определённо да
Интерес	Как бы ты оценил(-а) степень своего участия во внеучебной деятельности в этом учреждении?	2 — Скорее да, чем нет
		3 — Скорее нет, чем да
		4 — Определённо нет
		1 — Полностью согласен (согласна)
		2 — Скорее согласен (согласна)
		3 — Скорее не согласен (согласна)
		4 — Полностью не согласен (согласна)
		1 — Всячески стараюсь не участвовать в этом; приходится, только если заставляют
		2 — Участвую в обязательных мероприятиях, сам(-а) редко проявляю инициативу
		3 — Активно участвую в мероприятиях по направлениям, связанным с моими профессиональными интересами
		4 — Участвую во всех активностях, которые проводятся

Кроме вопросов, приведённых в таблице 2, респондентов также спрашивали о причинах, пользе и интересе посещения тех или иных секций:

Почему ты считаешь занятия в военно-патриотических, трудовых, спортивных секциях такими [как ты их оценил в предыдущих вопросах об их пользе и интересности]?

Цель исследования — проанализировать, как ценности, передаваемые в разной социально-гражданской активности, влияют на приверженность конструктивным трудовым установкам и трудовым практикам.

Достижение цели было операционализировано в следующих задачах:

- выявить основные виды деятельности и мотивацию посещения различных форм социально-гражданской активности;
- выделить устойчивые группы, различающиеся в своём уровне приверженности разным формам социально-гражданской активности;
- проанализировать характеристики трудовых установок и практик респондентов в получившихся группах;
- установить степень искренности вовлечённости подростков разных групп во внеучебную социально-гражданскую активность.

Сбор данных и выборочная совокупность

Выборочная совокупность составила 116 человек — учащиеся специальных учебно-воспитательных учреждений в возрасте 14–18 лет (среднее значение: 15,39 года; статистическое отклонение: 1,27 года), из трёх регионов России — Санкт-Петербурга (59 человек), Кировской области (32 человека) и Калининградской области (25 человек). В среднем учащиеся провели в учреждении 12,67 месяца (статистическое отклонение: 9,65 месяца). Учащимися специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа были 15 человек; оставшиеся 91 человек — учащиеся специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа. Среди учащихся 109 человек выросли в родительской семье, два человека — в семье бабушки и дедушки, по одному человеку — в приёмной семье и в семье других родственников, а три человека — в государственном учреждении. Уголовное преступление совершили 78 подростков, административное правонарушение — пять человек; 11 человек попали в специальное учебно-воспитательное учреждение за плохое поведение или неуспеваемость. Остальные респонденты отказались объяснять причины попадания в специальные учебно-воспитательные учреждения. В трёх закрытых учреждениях Санкт-Петербурга, Кировской и Калининградской областей были опрошены все учащиеся в возрасте 14–18 лет. В одном открытом учреждении в Санкт-Петербурге в выборочную совокупность не попали учащиеся, занятия которых уже закончились на момент сбора данных. Сбор данных осуществлялся в виде структурированных очных интервью по разработанной авторской анкете. Данные были собраны 17 февраля — 23 мая 2025 г.

Процедура анализа

Для решения первой задачи — выявление основных видов деятельности и мотивации посещения различных форм социально-гражданской активности — были закодированы открытые вопросы респондентов о содержании активности и её мотивации. Для обнаружения структуры и выделения социальных групп с разным уровнем и характером социально-гражданской активности в рамках решения второй задачи — выделение устойчивых групп, различающихся в уровне приверженности разным формам социально-гражданской активности — использовалась кластеризация методом k -средних.

Оценка эффективности кластеризации проводилась при помощи силуэтной меры. Оптимальное количество кластеров определялось при помощи метода локтя. Нормализация не проводилась, поскольку шкалы переменных были сопоставимы. Нормальность распределения проверялась при помощи теста Колмогорова—Смирнова. Поскольку все распределения были непараметрическими, значимость статистических различий распределений проверялась при помощи теста Краскела—Уоллиса. Связь принадлежности к обнаруженным кластерам и трудовым практикам и установкам (решение третьей задачи исследования — проанализировать характеристики трудовых установок и практик респондентов в получившихся группах), а также связь с переменной интереса к внеучебной деятельности (решение четвертой задачи — установить степень искренности вовлечённости подростков разных групп во внеучебную социально-гражданскую активность) проверялась при помощи теста корреляции Спирмена. Для этого переменная с номером кластера была преобразована в дихотомическую для каждого из кластеров. Влияние интереса к внеучебной деятельности на медиацию связи трудовых установок, практик и внеучебной активности измерялось при помощи оценки эффекта медиации для построенных регрессионных моделей методом наименьших квадратов.

Результаты исследования

Рассмотрим основные мотивы для посещения обозначенных секций, а также содержание занятий. По итогам кодирования выделены наиболее частые варианты, они проиллюстрированы типичными цитатами. Среди основных мотивов посещения военно-патриотических секций респонденты называли помощь участникам специальной военной операции (СВО), подготовку для собственной службы в армии⁶:

В армии пригодится (15 лет, Калининградская область);

Когда в армию пойду, буду там уметь чего-нибудь (14 лет, Кировская область);

Пригодится в армии, может, буду проходить службу по контракту (18 лет, Кировская область);

Помогаем нашим на СВО (18 лет, Калининградская область).

Содержание занятий включает чаще всего три основных вида деятельности: (1) военная подготовка, которая состоит из строевой подготовки, обучения обращению с оружием и управлению дронами; (2) подготовка к военно-патриотическим праздничным мероприятиям; изготовление сетей и иных изделий для специальной военной операции; (3) возложение цветов в местах боевой славы:

Плетём сетки, дронами учимся управлять, проходим физическую подготовку (16 лет, Санкт-Петербург);

Тир, ездили в армию, два раза в год — маршировка (14 лет, Санкт-Петербург);

Маршировка есть, сборка автомата, скоро будем дроны собирать, может быть, в жизни пригодится (14 лет, Санкт-Петербург);

[Подготовка праздника] 23 февраля, конкурсы строя и песни. Три отряда [участвуют]. Учился управлять беспилотником (15 лет, Санкт-Петербург);

⁶ Все участники исследования были мужского пола.

Патриотические мероприятия в рамках «Движения первых», боевые действия — бегаем в снаряжении, военно-патриотические выступления, ходим строем (16 лет, Кировская область).

Мотивы для посещения спортивных секций назывались подростками чаще всего следующие: возможность построения карьеры, связанной со спортом; поддержание физической формы и здорового образа жизни; возможность постоять за себя.

Хочу стать физруком (17 лет, Калининградская область);

Хотел бы связать с этим [со спортом] свою карьеру (15 лет, Кировская область);

Поддерживаю свою форму (17 лет, Кировская область);

Нужно чему-то учиться, не дать себя в обиду (15 лет, Санкт-Петербург).

Подростки называли самые разные виды спорта, среди которых — футбол, хоккей, единоборства, настольный теннис и др.:

Футбол, настольный теннис, самбо (15 лет, Калининградская область);

ОФП [общая физическая подготовка]: качалка, иногда самбо (17 лет, Калининградская область);

Борьба (16 лет, Санкт-Петербург).

Мотивация посещения секций, в рамках которых проходила трудовая реабилитация, чаще была следующей: понимание труда как нравственной реабилитации; возможность использовать полученные навыки в будущем; возможность занять время. Некоторые подростки указывали, что, работая в трудовой секции, они помогают своим товарищам.

Пригодится в жизни (18 лет, Кировская область);

Ходишь, работаешь... Время идёт (18 лет, Калининградская область);

Труд делает человека (15 лет, Калининградская область);

Помогаешь (14 лет, Санкт-Петербург).

Деятельность в трудовых секциях заключалась обычно в строительно-отделочных, автослесарных работах, уборке территории:

Красил инструменты, косили, убирали (17 лет, Калининградская область);

Автослесарное [дело]: меняем колеса на автобусе (17 лет, Санкт-Петербург);

Делали фундамент для зданий (17 лет, Кировская область);

Штукатурим, красим (15 лет, Калининградская область).

Для получения представлений о существовании различий в участии подростков в социально-гражданской активности был проведён кластерный анализ. Силуэтная мера получившихся кластеров составила 0,526, что указывает на высокое качество кластеризации. Рассмотрим подробно получившиеся кластеры групп гражданско-трудовой активности (см. табл. 3).

Таблица 3

Средние значения переменных для соответствующих секций

Переменная	Выборочная совокупность	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Количество	116	53	43	20
Социально-демографические характеристики				
Возраст, лет	15,40	15,49	15,50	15,21
Время в учреждении, мес.	12,67	13,98*	14,18*	10,17*
Наличие опыта работы, %	88	88	81	90
Переменные кластеризации				
Спортивные: интерес	3,04	3,68**	0**	3,85**
Спортивные: польза	3,03	3,62**	0**	3,88**
Военно-патриотические: интерес	1,66	3,53**	0,18**	0,05**
Военно-патриотические: польза	1,79	3,77**	0,18**	0,1**
Трудовые: интерес	2,10	2,92**	0,73**	1,78**
Трудовые: польза	2,16	2,98**	0,68**	1,9**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,001$; тест Краскела—Уоллиса.

Учащиеся в кластерах не различаются ни по возрасту, ни по наличию опыта работы, но значимо отличаются по времени, проведённому в учреждении. Значимые различия также наблюдаются по всем выбранным переменным кластеризации. В кластере 1 (53 человека) находятся учащиеся, глубоко вовлечённые во все представленные секции и, соответственно, формы социально-гражданской активности. Они их находят как интересными (средние значения: спортивные секции — 3,68; военное-патриотические секции — 3,53; трудовые бригады — 2,92), так и полезными (средние значения: спортивные секции — 3,62; военное-патриотические секции — 3,77; трудовые бригады — 2,98). В кластере 2 (43 человека), напротив, не считают участие в секциях ни интересным (средние значения: спортивные секции — 0; военное-патриотические секции — 0,18; трудовые бригады — 0,73), ни полезными (средние значения: спортивные секции — 0; военное-патриотические секции — 0,18; трудовые бригады — 0,68). Участники кластера 3 (20 человек) проявляют активность во всех секциях, кроме военно-патриотических, но оценивают трудовые секции несколько ниже, чем подростки первого кластера (средние значения интереса: спортивные секции — 3,85; военное-патриотические секции — 0,05; трудовые бригады — 1,78; средние значения пользы: спортивные секции — 3,88; военное-патриотические секции — 0,1; трудовые бригады — 1,9). Можно заключить, что участники кластера 1 вовлечены во все формы предложенной социально-гражданской активности. Участники кластера 3, будучи также внеучебно активными, более расположены к спортивной активности и в некоторой степени к трудовой. Респонденты в кластере 2 стараются занимать абсентеистскую позицию.

Далее рассмотрим связи данных кластеров с трудовыми практиками и установками (см. табл. 4).

Таблица 4

Результаты профилирования кластеров

Переменная	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Трудовые практики			
Учеба	- 0,26**	0,18*	0,13
Профориентация	- 0,29**	0,32**	0,04
Обучение профессии	- 0,41**	0,56**	- 0,03
Трудовые установки			
Миграция	0,15	0,09	- 0,22**
Польза работы	- 0,30*	0,18*	0,17
Работа по специальности	- 0,07	0,21*	- 0,09

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; корреляция Спирмена.

Результаты демонстрируют, что учащиеся в первом кластере стараются получить хорошее среднее общее образование (уделяют время и старания учёбе и получают высокие оценки), участвуют в мероприятии по профориентации и получают в настоящий момент дополнительное образование по выбранной профессии. Также они полагают, что работа должна быть общественно полезной. Респонденты во втором кластере, напротив, имеют хуже успеваемость и не получают какую-либо профессию. Также они не заинтересованы в том, чтобы их работа приносила пользу, и не интересуются информацией по выбранной ими специальности. Респонденты третьего кластера значимо не отличаются ни по каким из приведённых переменных в сравнении с остальными учащимися, но имеют более выраженные миграционные установки. Поскольку ключевым отличием между первым и третьим кластерами является вовлечённость подростков в военно-патриотические мероприятия, вопрос влияния таких мероприятий на трудовые установки и практики требует более детального изучения — важно разграничить искренний интерес учащихся к внеучебной деятельности и их вовлечение по просьбе или принуждению. Общие распределения по этому параметру выглядят следующим образом: 35 человек участвуют во всей доступной внеучебной активности; 51 человек — в той, которая им интересна; 19 — только в той активности, в которой их попросят; 11 человек стараются избегать любую внеучебную активность. Для определения связи личного интереса и принадлежности к кластеру был проведён корреляционный анализ. Его результаты приведены в таблице 5.

Таблица 5

Значения корреляции Спирмена между переменными:
принадлежность к кластеру; интерес к внеучебной деятельности

Кластер	Значение корреляции	p -значение
1	0,2	0,03
2	- 0,19	0,04
3	- 0,02	0,83

Результаты показывают, что учащиеся кластера 1 оказываются вовлечены в организуемую внеучебную деятельность более искренне.

Анализ корреляции Спирмена позволяет также показать, что подростки, отмечающие патриотические секции как полезные и интересные, более склонны указывать, что они участвуют во внеучебной деятельности исходя из собственного интереса: корреляции составляют - 0,21 (p -значение 0,02) и - 0,15 (p -значение 0,1) соответственно. В то же время искренняя вовлечённость во внеучебную деятельность не связана с трудовыми установками и практиками напрямую. Результаты корреляционного анализа для данных показателей приведены в таблице 6.

Таблица 6

**Значения корреляции Спирмена между переменными:
трудовые установки и практики; интерес к внеучебной деятельности**

Переменная	Значение корреляции	<i>p</i> -значение
Учёба	0,05	0,55
Профориентация	0,1	0,26
Обучение профессии	0,23	0,01
Миграция	0,06	0,51
Польза работы	0,03	0,76
Работа по специальности	0,01	0,91

Результаты показывают, что личный искренний интерес связан только с обучением профессии. Такие же выводы можно получить, если провести анализ медиации, где медиаторной переменной выступает интерес, независимой — польза от патриотических кружков, а зависимой — трудовые практики и установки. Значимая непрямая связь наблюдается только для обучения профессии (коэффициент: 0,014, статистическое отклонение: 0,01; *p*-значение: 0,03). Прямые эффекты между пользой и интересом участия в военно-патриотических секциях наблюдается практически для всех переменных (см. табл. 7), кроме работы по специальности и миграции.

Таблица 7

**Значения корреляции Спирмена между переменными:
трудовые установки и практики; интерес и польза участия в военно-патриотических секциях**

Переменная	Интерес	Польза
Учёба	0,21*	0,27*
Профориентация	0,22*	0,26*
Обучение профессии	0,38*	0,41*
Миграция	– 0,09	– 0,11
Польза работы	0,26*	0,25*
Работа по специальности	0,05	0,07

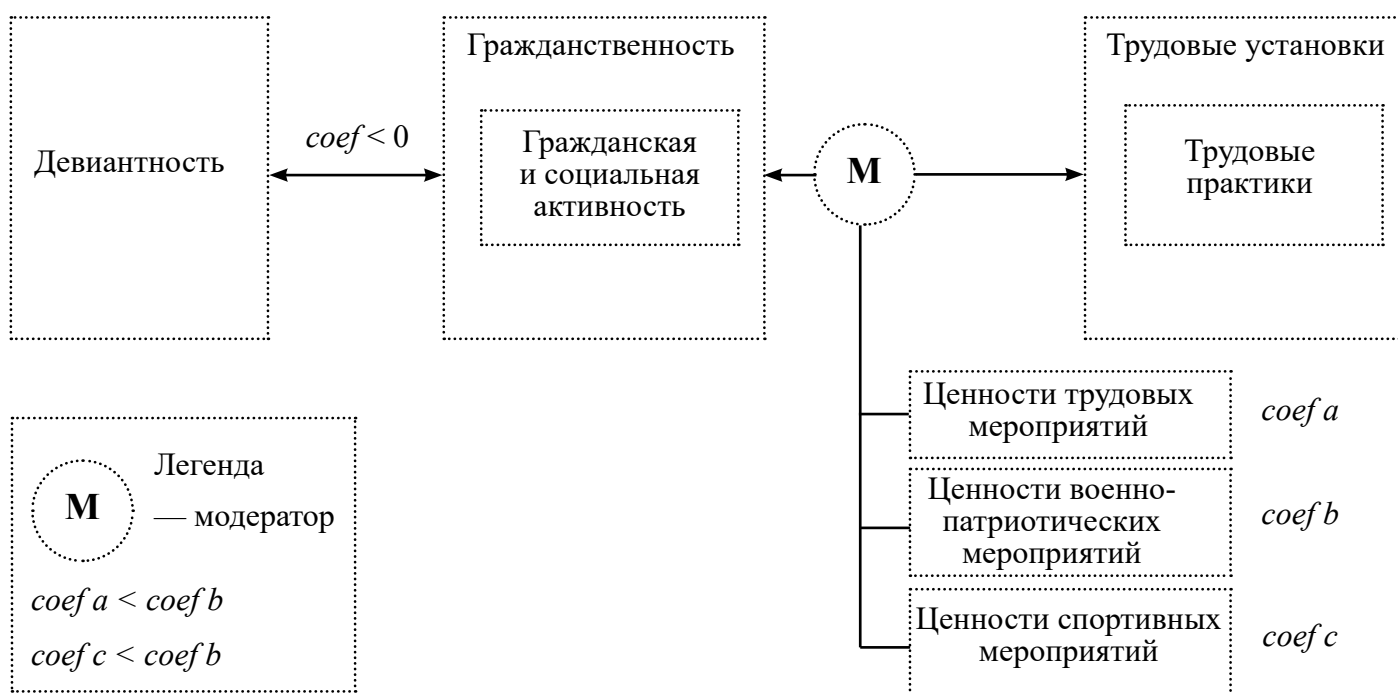
Примечание: * $p < 0,05$.

Выводы и обсуждение

Проведённое исследование показывает, что связь социально-гражданской активности и трудовых установок не прямая. Если учащийся активно вовлекается во внеучебную деятельность, но эта деятельность не связана с военно-патриотической тематикой, это не влияет как-либо существенно на его трудовые установки или практики получения профессии и трудоустройства в сравнении со всей выборочной совокупностью. Для тех внеучебно активных учащихся, кто занимается, находит полезной и интересной организуемую администрацией военно-патриотическую активность, такая зависимость наблюдается в отношении всех выбранных переменных, кроме установок в отношении эмиграции (учёба, профориентация, получение профессии, польза труда, работа по специальности). Подростки, проявляющие абсентеизм в социально-гражданской активности, выражают тот же абсентеизм и в отношении практик, направленных на трудоустройство (получение профессии, образования и т. д.). Также они меньше заинтересованы в том, чтобы приносить пользу обществу через выбранную профессию, и в целом слабо заинтересованы в информации о том, как устроиться на работу по выбранной ими специальности⁷. Итог проверки гипотезы 1 может быть отражён в скор-

⁷ Большинство подростков, даже тех, кто не проходит обучение по специальности, знают, кем они хотят работать в будущем. Затруднились с ответом на вопрос «Кем и где бы ты хотел(-а) работать?» всего 13 человек.

ректированной теоретической модели связи социально-гражданской активности, трудовых практик и установок (см. рис. 2).

Рис. 2. Теоретическая модель связи девиантности, гражданственности и трудовых установок с учётом модулирующего эффекта ценностей

Максимизировать эффективность социально-гражданской активности для развития конструктивных трудовых установок и практик, согласно модели, представленной на рисунке 2, можно, если уделять ключевое внимание военно-патриотическому воспитанию.

Полученные результаты следует сдержанно относить как к поднимаемой в этой работе дискуссии о возможном консенсусе отечественного научного сообщества о положительной связи социально-гражданской активности и трудовых установок и практик, так и к дискуссии о ценностных различиях отечественных и зарубежных практик трудоустройства подростков. Необходимо указать, что и спортивные, и трудовые мероприятия позитивно сказываются на трудовых установках. Но речь идёт именно об относительном, хотя и значительном преимуществе вовлечённости в военно-патриотические мероприятия.

Как было показано в обзоре литературы, уверенность отечественных авторов в эффективности трудовой реабилитации может быть обусловлена в первую очередь опорой на высокую эффективность такой реабилитации в советское время. Отсюда возможно полагать преимущество ценностных моделей, транслируемых в современном военно-патриотическом воспитании, и советских ценностных моделей. В отечественной научной литературе существует большой корпус текстов, поддерживающих данный тезис (см.: [Гуров 2019; Буянов 2017] и др.). Однако мы полагаем, что к такому выводу следует относиться осторожно, поскольку для его подтверждения необходимо более тщательное исследование воспринимаемых ценностей участниками военно-патриотических мероприятий и ценностей участников советских программ трудовой реабилитации. Мы также полагаем, что подростки воспринимают определённый набор ценностей, но вопросы непосредственно о том, какие это ценности, в нашем исследовании не задавались. То же справедливо и для вывода о том, что неэффективность зарубежных проектов трудоустройства подростков может быть обусловлена ценностными различиями. Данная работа, скорее, задаёт вектор для дальнейших исследований по этой теме.

Говоря об искренней вовлечённости в участие во внеучебной деятельности и влиянии этой переменной на трудовые практики и установки, следует отметить: анализ показывает отсутствие значимой медиации. Этот результат может быть по-разному интерпретирован. С одной стороны, такой результат кажется логичным в соответствии с позиционированием внеучебных патриотических мероприятий: для участия в них приглашаются все подростки, вне зависимости от их искреннего интереса, а позитивная динамика в реабилитации отмечается специалистами в отношении всех участвующих подростков □ как изначально искренне заинтересованных, так и нет. Сторонники подобного подхода в методической литературе используют понятие «принудительное воспитательное воздействие» [Тазетдинов 2019]. С другой стороны, отсутствие статистической значимости может быть обусловлено небольшим объёмом выборочной совокупности, что предполагается компенсировать в будущих исследованиях.

Также проведённый анализ позволяет подтвердить, что учащиеся по-разному вовлечены в социально-гражданскую активность, проводимую администрацией в специальных учебно-воспитательных учреждениях. На это указывают полученные в результате анализа кластеры. Некоторые учащиеся занимают абсентеистскую позицию (41 респондент), остальные — проактивную. Однако только 53 человека из 116 опрошенных глубоко вовлечены во все формы организуемой администрацией социально-гражданской активности, а 22 участвуют лишь в некоторых формах.

Полученные выводы могут быть отнесены к двум научным дискуссиям в данном предметном поле. Первая из них — уже описанная выше дискуссия о связи социально-гражданской активности и трудовых установок. Видимо, не любая социально-гражданская активность влияет на трудовые установки и практики, а лишь некоторые её формы. В конкретном исследовании ключевым отличием между кластером 1 и остальными была вовлечённость в военно-патриотические кружки. О позитивном влиянии военно-патриотических кружков на трудовые установки упоминается во множестве отечественных исследований (см.: [Асташова 2009; Бажин, Симонова, Ходырева 2014; Самраилова, Вашаломидзе 2015; Темиров 2020]), однако авторы полагают, что для объяснения механизма такой связи необходимо провести дополнительные исследования; при этом релевантным видится дизайн лонгитюдного исследования. На возможность изменений со временем установок указывает статистически значимое отличие между учащимися кластеров 1 и 3 в проведённом в учреждении времени: учащиеся кластера 1 провели в учреждении почти на четыре месяца дольше, чем учащиеся кластера 3.

Ещё одну интерпретацию дают А. Джил-Лакруз с соавторами, которые, опираясь на исследование Р. Десжардинса и Т. Шуллера [Desjardins, Schuller 2006], указывают, что если положительная связь между социально-гражданской активностью и трудовыми установками и существует, то она обусловлена влиянием переменной-конфаундером — уровнем образования, который воздействует и на трудовые установки и практики, и на социально-гражданскую активность [Gil-Lacruz et al. 2023: 8]. В нашем исследовании не было возможности использовать фактор уровня образования в качестве контрольной переменной, поскольку все респонденты были школьниками. Это дополнительно поднимает вопрос о необходимости в рамках дальнейшей работы лонгитюдных панельных исследований с учащимися для выявления устойчивости обнаруживаемых зависимостей, а также влияния уровня образования и финансового благополучия на них.

Ограничения исследования

Ограничения накладываются количественным дизайном исследования, который не предполагает глубокого изучения мотивов посещения социально-гражданской активности и содержания такой активности.

Также ограничением является метод операционализации ключевых категорий исследования. Авторы выбрали нетипичный подход для операционализации и подбора концептов третьего и далее порядков.

Концепты отбирались с опорой на проведённые экспертные интервью. Это ограничивает в дискуссии возможность сопоставления полученных результатов, позволяя их сопоставлять преимущественно только на уровне концептов первого и второго порядков, поскольку именно они отбирались с опорой на актуальные научные источники, а потому могут быть атрибутированы в соответствующей научной дискуссии. Валидация полученных результатов, но с иной операционализацией, видится авторам направлением для дальнейших исследований.

Также важно упомянуть, что данные собирались с помощью очных интервью, что могло привести к искажениям ответов в пользу более социально уместных. Информанты при этом по-разному интерпретировали, какую позицию им следует занять: некоторые стеснялись и отказывались отвечать на вопросы, если они касались нелегальной деятельности и могли выставить их в негативном свете; другие, напротив, наполняли описания гиперболизированными и сюрреалистичными подробностями. Иерархия «исследователь — информант» и происходящее из этого давление, как стоит ожидать, будут более явными для учащихся закрытых учреждений, где подростки большей частью встречаются с ограниченным кругом людей, а потому пришедшие извне учреждения новые для них люди (исследователи) воспринимаются как причина для волнения, подкрепляемого визуальными кодами иерархии (лучше считываемыми, соответственно, в очном интервью), такими как свободная причёска, одежда, движения и проч. Учитывая эти сложности, исследовательская группа старалась создать доверительную атмосферу при проведении интервью. В рамках информированного согласия отмечалось, что результаты будут представляться только в анонимизированном и обобщённом виде.

В выборочной совокупности присутствуют 11 человек, которые не совершали уголовное или административное правонарушение, а также 19, которые отказались называть причины своего нахождения в учреждении. Поскольку выборочная совокупность построена на основании опроса в трёх регионах России, следует с осторожностью интерпретировать полученные результаты. Так, респонденты в выборочной совокупности оказываются в среднем моложе, чем в генеральной: средний возраст осуждённых составлял 16-17 лет на протяжении длительного времени. Также в выборочной совокупности больше респондентов, воспитанных в родительской семье [Гнедова 2018].

Литература

- Администрация Яйского муниципального округа. 2020. *Трудовое воспитание осуждённых*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://adm-yaya.ru/news/trudovoe-vospitanie-osuzhdennykh/> (дата обращения 11 марта 2026).
- Асташова Н. А. 2009. Аксиологические основы патриотического воспитания школьников. *Вестник Брянского государственного университета*. 1: 17–23.
- Багирова А. П., Южакова Э. В. 2019. Родительский труд как механизм передачи компонентов социального капитала между поколениями (на примере гражданской активности). В кн.: *Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики*: Материалы XVI международной научно-практической конференции молодых учёных, Екатеринбург, 12–13 марта 2019 года. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН; 215–217.
- Багулина Т., Андрианова Л., Минаева Л. 2007. Краеведческие профильные лагеря: десять трудовых лет. *Народное образование*. 3: 230–233.
- Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А. 2014. Состояние и перспективы патриотического воспитания молодежи в современной России. *Концепт*. 12: 136–140.

- Бахитов С. Б. 2013. Отчуждение труда и развитие образования в США XIX века в свете марксистской и веберовской концепций. *Вестник ТГПУ*. 137 (9): 297–303.
- Бойкина Е. Э. et al. 2024. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право*. 14 (4): 1–14.
- Буянов В. С. 2017. Идеологические основы духовной безопасности России. *Этносоциум и международная культура*. 7: 40–51.
- Веблен Т. 2021. *Теория праздного класса*. М.: АСТ.
- Винсент Д. 2022. *История одиночества*. М.: НЛО.
- Галстян Д. А., Иванов Р. М. 2023. Трудоустройство несовершеннолетних как фактор снижения девиантного поведения среди них. *Вопросы российской юстиции*. 25: 280–287. Электронный ресурс. [режим доступа]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54229348> (дата обращения 11 марта 2026).
- Гальченко А. С. 2019. Особенности мотивационной структуры гражданской активности подростков с разным статусом гражданской идентичности. *Вестник Мининского университета*. 7 (3): 8. doi: 10.26795/2307-1281-2019-7-3-8
- Гергилов Р. Е. 2007. Проблема индивидуализации в социологии М. Вебера и Н. Элиаса: сравнительный анализ. *Социологический журнал*. 3: 108–123.
- Гнедова Н. П. 2018. Социально-демографическая характеристика личности осуждённых, отбывающих наказание в воспитательных колониях. В кн.: *Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, Рязань, 28–29 ноября 2018 года*. Т. 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; 157–162.
- Гребер Д. 2020. *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: ADMarginem
- Гуров В. А. 2019. Современные исторические реалии военно-патриотического воспитания молодежи. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 13 (7): 90–97.
- Иллич И. 2006. *Освобождение от школ*. М.: Просвещение.
- Исаков В. М. 2000. *Исправительно-трудовые лагеря в СССР (1929–1956 гг.)*. М.: Юридический институт МВД России.
- Кавджарадзе М. Г. 2021. О трудовой реабилитации бывших осуждённых. *Совет Федерации*. 17 июня. Электронный ресурс [режим доступа]: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/127819/> (дата обращения: 8 марта 2026).
- Кашуба Ю. А. 2012. Эксперимент по созданию новой модели воспитательно-трудовой колонии в СССР. *Уголовно-исполнительное право*. 2: 53–57.
- Коваль Т. Б. 1994. Православная этика труда. *Мир России. Социология. Этнология*. 3 (2): 54–98.

- Кондырина Т. Г. 2022. Научись понимать людей или воспитание с пониманием. В кн.: *Сборник материалов Всероссийского научно-практического форума «Инновации в учебно-воспитательной и реабилитационной среде: инструменты, технологии и методы работы с детьми и подростками»*. Астрахань: Издательство АГТУ; 37–39.
- Куликова Н. В., Катаева А. В., Панина О. А. 2020. Актуальные вопросы организации воспитательной среды СУВУ в аспекте коррекции девиаций подростков средствами художественного образования и культуры (на примере Неманского СУВУ). *Педагогика искусства*. 4: 107–115. Электронный ресурс [режим доступа]: https://web.archive.org/web/20201219135227id_/http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/kulikova_kataeva_panina_107-115.pdf (дата обращения: 8 марта 2026). doi: 10.34897/y4297-9677-5993-w
- Лыгин С. А., Денисова К. С. 2014. Трудовое воспитание в педагогической системе А. С. Макаренко. В кн.: *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. Сборник статей по материалам XLII международной научно-практической конференции*. Вып. 7 (42). Новосибирск: Изд. «СибАК»; 46–50.
- Максимовских Г. С. 2018. Социальный проект «Старт-ап площадка профессиональных проб как пространство трудовой социализации воспитанников СУВУ». В кн.: *Теоретические и прикладные аспекты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: материалы Всероссийской научно-практической конференции*, Шадринск, 25 сентября 2018 года. Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет; 54–60.
- Мамина О. Н. 1984. Понятия «negotium» и «otium» в сочинениях Сидония Аполлинария. В кн. *Античная древность и средние века*. 21: *Античная и средневековая идеология*, Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького: 66–79.
- Мануйлова Л. М., Максимов А. С. 2020. Социально-педагогическое сопровождение обучающихся специального учебно-воспитательного учреждения. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 4 (3): 123–130.
- Нарский И. С. 1983. *Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса*. М.: Мысль.
- Оськина А. С., Груздова О. Г. 2021. Исследование гражданской идентичности подростков. В кн.: *Проблемы войны и мира в современном социально-гуманитарном знании социально-гуманитарном знании. Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции «XX Социологические чтения»*. Пенза: Изд-во ПГУ; 80–84.
- Паатова М. Э. 2021. Разработка воспитательных программ в специальных учебно-воспитательных учреждениях в условиях реализации ФГОС. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 3 (283): 46–54.
- Рабочий путь. 2024. *Как в Смоленской области «перевоспитывают» заключённых*. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.rabochy-put.ru/society/188006-kak-v-smolenskoy-oblasti-perevospyuyayut-zaklyuchennykh.html> (дата обращения: 8 марта 2026).
- Рахматулина Б. Р. 2022. Добровольческая (волонтерская) трудовая бригада-новые возможности в формировании гражданственности современного школьника. В кн.: *Современные проблемы профес-*

сионального образования: тенденции и перспективы развития. Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Калуга, 12 ноября 2021 года. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»; 452–456.

Русакова М. М. 2002. *Молодёжный наркотизм в условиях крупного города: социологический анализ*. Диссертация ... кандидата социологических наук: специальность 22.00.04. Санкт-Петербург.

Самраилова Е. К., Вашаломидзе Е. В. 2015. Социально-трудовые и нравственные аспекты патриотического воспитания молодёжи в современном российском обществе. *Вестник евразийской науки*. 7 (5): 86. doi: [10.15862/110EVN515](https://doi.org/10.15862/110EVN515)

Тазетдинов Р. Р. 2019. О применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних. *Проблемы правоохранительной деятельности*. 4: 25–28.

Темиров У. Х. 2020. Принципы военно-патриотического образования. *Вестник науки и образования*. 22 (100). Ч. 2: 49–51. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/100/VNO-22-100-II-.pdf> (дата обращения: 8 марта 2026).

Тугаринов В. П. 1966. *Коммунизм и личность*. Л.: Наука.

Ульянина О. А., Зинатуллина А. М., Любка Е. И. 2021. *Воспитанники специальных учебно-воспитательных учреждений: психологический анализ эмоциональных и личностных проблем: методические рекомендации*. М.: РИОР.

Харьковская Е. В. et al. Формирование гражданской активности молодёжи в процессе волонёрского движения. *Современные наукоёмкие технологии*. 7: 230–234.

Чермит К. Д., Рахматулина Б. Р. 2021. Изменение приоритетных показателей гражданственности подростков в условиях добровольческих (волонёрских) трудовых бригад. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2 (278): 90–99.

Althusser L. 2005. *For Marx*. London; New York: Verso.

Brigden S. 1982. Youth and the English Reformation. *Past & Present*. 95: 37-38.

Desjardins R., Schuller T. 2006. *Measuring the Effects of Education on Health and Civic Engagement*. Paris: OECD Centre for Educational Research and Innovation.

Gil-Lacruz A. I. et al. 2023. Labour Attitudes towards Gender Equity in Spain: The Role of Education Throughout an Economic Cycle. *Gender in Management: An International Journal*. 38 (8): 1172-1190.

Graeber D. 2007. Manners, Deference, and Private Property: Or, Elements for a General Theory of Hierarchy. In: Graeber D. *Possibilities: Essays on Hierarchy, Rebellion, and Desire*. Oakland, CA: AK Press; 13–56.

Levinson D. J. 1977. The Mid-Life Transition: A Period in Adult Psychosocial Development. *Psychiatry*. 40 (2): 99-112.

Levinson D. J. 1986. A Conception of Adult Development. *American Psychologist*. 41 (1): 3-13.

- Marsh H. W. 1991. Employment during High School: Character Builder or a Subversion of Academic Goals? *Sociology of Education*. 64 (3): 172-189.
- Mortimer J. T. 2010. The Benefits and Risks of Adolescent Employment. *The Prevention Researcher*. 17 (2): 8-11.
- Mortimer J. T., Staff J. 2004. Early Work as a Source of Developmental Discontinuity during the Transition to Adulthood. *Development and Psychopathology*. 16 (4): 1047-1070.
- Thomas K. 1976. Age and Authority in Early Modern England. In: *Proceedings of the British Academy*. 62. London: British Academy; 205-248.
- Zelizer V. A. 1994. *Pricing The Priceless Child: The Changing Social Value of Children*. Princeton: Princeton University Press.

Maya Rusakova, Anastasiya Alexandrova, Anna Zharikova, Sergey Tkach

The Influence of Civic and Social Activity on the Work Attitudes of Students in Special Educational Institutions

RUSAKOVA, Maya—

Candidate of Sociological Sciences, Director, Center for Applied Sociology, St. Petersburg State University. Address: 1/3 Smolnogo str., Entrance 9, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: m.rusakova@spbu.ru

ALEXANDROVA,

Anastasia — Center for Applied Sociology, Deputy Director, St. Petersburg State University. Address: 1/3 Smolnogo str., Entrance 9, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: a.a.alexandrova@spbu.ru

ZHARIKOVA, Anna —

Leading Sociologist, Center for Applied Sociology, St. Petersburg State University. Address: 1/3 Smolnogo str., Entrance 9, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: a.zharikova@spbu.ru

TKACH, Sergey — Leading Sociologist, Center for Applied Sociology, St. Petersburg State University. Address: 1/3 Smolnogo str., Entrance 9, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: s.tkach@spbu.ru

Abstract

The article analyzes the relationship between illegal activity, civic engagement, and labor, with theoretical conclusions supported by empirical data analysis. Social sciences offer established views on this relationship. Domestic studies predominantly show a positive relationship between these categories, while foreign research— such as works by D. Graeber, T. Veblen, and S. Bridgen—indicates it is mediated by social traditions of labor as an educational practice, ranging from strictly negative to positive. For adolescents, V. Zelizer notes labor as a marginal practice unlinked to law-abidingness. Domestic consensus may stem from the Soviet Marxist school, which integrates Marx's early and late ideas, fostering a tradition of labor rehabilitation for law-conflicting adolescents. The study's relevance lies in explaining Russian sociology's theoretical consensus and empirically testing its underlying model. The authors draw on a synthesis of Russian scholars (K. Chermitt, B. Rakhmatulina, T. Bagulina, L. Andrianova, L. Minaeva) and D. Greber's ideas on how social traditions condition links between civic activity, labor, and law-abidingness. The analysis demonstrates that socio-civic activity positively impacts adolescents' shared labor attitudes and professional practices when thematically related to military-patriotic activities. These results refine debates on law-abidingness and labor, informing programs for labor rehabilitation of law-inconflictin adolescents.

Keywords: social and civic activity; work attitudes; work rehabilitation; tertiary social rehabilitation; special educational institutions; adolescents in conflict with the law.

Acknowledgments

The study was supported by grant No. 24-28-01563 from the Russian Science Foundation. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01563/> (accessed 11 March 2026) (in Russian).

References

Administration of the Yaya Municipal District. (2020) *Trudovoe vospitanie osuzhdennykh* [Labor Education of convicts]. Available at: <https://adm-yaya.ru/news/trudovoe-vospitanie-osuzhdennykh/> (accessed 11 March 2026) (in Russian).

Althusser L. (2005) *For Marx*, London; New-York: Verso.

- Astashova N. A. (2009) Aksiologicheskie osnovy patrioticheskogo vospitaniya shkolnikov [Axiological Foundations of Patriotic Education of Schoolchildren]. *The Bryansk State University Herald = Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1, pp. 17-23 (in Russian).
- Bagirova A. P., Yuzhakova E. V. (2019) Roditelskiy trud kak mekhanizm peredachi komponentov sotsialnogo kapitala mezhdru pokoleniyami (na primere grazhdanskoj aktivnosti) [Parental Labor as a Mechanism for Transferring Social Capital Components between Generations (Using Civic Activism as an Example)]. *Razvitie territorialnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem: voprosy teorii i praktiki: Materialy XVI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii molodykh uchenykh, Ekaterinburg, 12-13 marta 2019 goda* [Development of Territorial Socio-Economic Systems: Issues of Theory and Practice: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Yekaterinburg, March 12-13, 2019], pp. 215-217 (in Russian).
- Bagulina T., Andrianova L., Minaeva L. (2007) Kraevedcheskie prophilnye lagerya: desyat trudovykh let [Local History Profile Camps: Ten Years of Labor]. *School Technologies = Narodnoe obrazovanie*, no 3, pp. 230-233 (in Russian).
- Bakhitov S. B. (2013) Otchuzhdenie truda i razvitie obrazovaniya v SShA XIX veka v svete marksistskoj i veberovskoj kontseptsij [Alienation of Labor and the Development of Education in the USA in the 19th Century in the Light of Marxist and Weberian Concepts]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin = Vestnik TGPU*, vol. 137, no 9, pp. 297-303 (in Russian).
- Bazhin K. S., Simonova G. I., Khodyreva E. A. (2014) Sostoyanie i perspektivy patrioticheskogo vospitaniya molodezhi v sovremennoy Rossii [State and Prospects of Patriotic Education of Youth in Modern Russia]. *Koncept = Koncept*, no 12, pp. 136-140 (in Russian).
- Boykina E. E., Gurina O. D., Kupriyanova E. A., Radchikov A. S., Shpagina E. M., Chirkina R. V. (2024) Psikhologicheskie prediktory deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh. CHast' 1. Portret vospitanika SUVU [Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student]. *Psychology and Law = Psikhologiya i pravo*, vol. 14, no 4, pp. 1-14 (in Russian).
- Brigden S. (1982) Youth and the English Reformation. *Past & Present*, no 95, pp. 37-38.
- Buyanov V. S. (2017) Ideologicheskiye osnovy dukhovnoy bezopasnosti Rossii [Ideological Foundations of Russia's Spiritual Security]. *Etnosocium = Etnosotsium*, no 7, pp. 40-51 (in Russian).
- Chermit K. D., Rakhmatulina B. R. (2021) Izmenenie prioritetykh pokazateley grazhdanstvennosti podrostkov v usloviyakh dobrovolcheskikh (volontyerskikh) trudovykh brigad. [Changes in Priority Indicators of Adolescent Citizenship in the Context of Volunteer (Volunteer) Work Brigades]. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology = Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologija*, no 2 (278), pp. 90-99 (in Russian).
- Desjardins R., Schuller T. (2006) *Measuring the Effects of Education on Health and Civic Engagement*, Paris: OECD Centre for Educational Research and Innovation.
- Galchenko A. S. (2019) Osobennosti motivacionnoj struktury grazhdanskoj aktivnosti podrostkov s raznym statusom grazhdanskoj identichnosti [Features of the Motivational Structure of Civil Activity of Teenag-

ers with Different Status of Civil Identity]. *Vestnik of Minin University = Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 7, no 3, art. 8. doi: [10.26795/2307-1281-2019-7-3-8](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-8) (in Russian).

Galstyan D. A., Ivanov R. M. (2023) Trudoustrojstvo nesovershennoletnih kak faktor snizhenija deviantnogo povedeniya sredi nih [Employment of Minors as a Factor in Reducing Deviant Behavior Among Them]. *Issues of Russian Justice = Voprosy rossijskoj justicii*, no 25, pp. 280-287 (in Russian). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54229348> (accessed 11 March 2026) (in Russian).

Gergilov R. E. (2007) Problema individualizatsii v sotsiologii M. Webera i N. Eliasa: sravnitelnyy analiz [The Problem of Individualization in the Sociology of M. Weber and N. Elias: A Comparative Analysis]. *Sociological Journal = Sociologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 108-123 (in Russian).

Gil-Lacruz A. I., Gil-Lacruz M., Bernal A. G., Flores-García M. (2023) Labour Attitudes Towards Gender Equity in Spain: The Role of Education Throughout an Economic Cycle. *Gender in Management: An International Journal*, vol. 38, no 8, pp. 1172-1190.

Gnedova N. P. (2018) Sotsialno-demographicheskaya kharakteristika lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniye v vospitatelnykh koloniyakh. [Socio-Demographic Characteristics of the Personality of Convicts Serving Sentences in Correctional Colonies]. *Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy razvitiya ugovolno-ispolnitelnoy sistemy v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom: sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 28–29 noyabrya 2018 goda* [Theoretical and Practical Problems of the Development of the Penal System in the Russian Federation and Abroad: A Collection of Abstracts of Speeches and Reports of Participants in the International Scientific and Practical Conference, Ryazan, November 28-29, 2018], vol. 2, Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, pp. 157-162 (in Russian).

Graeber D. (2007). Manners, Deference, and Private Property: Or, Elements for a General Theory of Hierarchy. *Possibilities: Essays on Hierarchy, Rebellion, and Desire*, Oakland, CA: AK Press, pp. 13–56.

Graeber D. (2020) *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Job. A Treatise on the Spread of Meaningless Labor], Moscow: ADMarginem (in Russian).

Gurov V. A. (2019) Sovremennyye istoricheskiye realii voyenno-patrioticheskogo vospitaniya molodezhi [Modern Historical Realities of Military-Patriotic Education of Youth]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, vol. 13, no 7, pp. 90–97 (in Russian).

Illich I. (2006) *Osvobozhdenie ot shkol* [Liberation from Schools], Moscow: Prosveshhenie (in Russian).

Isakov V. M. (2000) *Ispravitelno-trudovye lagerya v SSSR (1929-1956 gg.)* [Correctional Labor Camps in the USSR (1929-1956)], Moscow: Juridicheskij institut MVD Rossii (in Russian).

Kashuba Yu. A. (2012) Eksperiment po sozdaniyu novoy modeli vospitatelno-trudovoy kolonii v SSSR [An Experiment to Create a New Model of an Educational Labor Colony in the USSR]. *Penal Law = Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, no 2, pp. 53–57 (in Russian).

Kavdzharadze M. G. (2021) *O trudovoy rehabilitatsii byvshikh osuzhdennykh* [On Labor Rehabilitation of Former Convicts]. *council.gov.ru*. June 17. Available at: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/127819/> (accessed 8 March 2026) (in Russian).

- Kharkovskaya E. V., Beletskaya E. A., Posokhova N. V., Glamazda S. N. (2019) Phormirovanie grazhdanskoj aktivnosti molodezhi v protsesse volonterskogo dvizheniya [Formation of Civic Activity of Young People in the Process of the Volunteer Movement]. *Modern High Technologies = Sovremennye naukoemkie tehnologii*, no 7, pp. 230-234 (in Russian).
- Kondyrina T. G. (2022) Nauchis ponimat lyudey ili vospitaniye s ponimaniyem. [Learn to understand people or educate with understanding]. In: *Sbornik materialov Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo phoruma «Innovatsii v uchebno-vospitatelnoy i rehabilitatsionnoy srede: instrumenty, tekhnologii i metody raboty s detmi i podrostkami»* [A collection of materials from the All-Russian scientific and practical forum “Innovations in the educational and rehabilitation environment: tools, technologies, and methods of working with children and adolescents”]. Astrakhan: AGTU Press, pp. 37-39 (in Russian).
- Koval T. B. (1994) Pravoslavnaya etika truda [Orthodox Labor Ethics]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sociologija. Etnologija*, vol. 3, no 2, pp. 54–98 (in Russian).
- Kulikova N. V., Katayeva A. V., Panina O. A. (2020) Aktualnyye voprosy organizatsii vospitatelnoy sredy SUVU v aspekte korrektsii deviatyiy podrostkov sredstvami khudozhestvennogo obrazovaniya i kultury (na primere Nemanskogo SUVU) [Current issues of organizing the educational environment of SUVU in terms of correcting adolescent deviations by means of art education and culture (using the Neman SUVU as an example)]. *Art Education = Pedagogika iskusstva*, no 4, pp. 107-115. Available at: https://web.archive.org/web/20201219135227id_/http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/kulikova_kataeva_panina_107-115.pdf (accessed 8 March 2026) (in Russian).
- Levinson D. J. (1977) The Mid-Life Transition: A Period in Adult Psychosocial Development. *Psychiatry*, vol. 40, no 2, pp. 99-112.
- Levinson D. J. (1986) A Conception of Adult Development. *American Psychologist*, vol. 41, no 1, pp. 3-13.
- Lygin S. A., Denisova K. S. (2014) Trudovoe vospitanie v pedagogicheskoy sisteme A. S. Makarenko [Labor Education in the Pedagogical System A. S. Makarenko]. *Lichnost, semya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii. Sbornik statey po materialam XLII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii [Personality, Family, and Society: Issues of Pedagogy and Psychology. Collection of Articles Based on the Materials of the XLII International Scientific and Practical Conference]*, iss. 7 (42), Novosibirsk: SibAK Publisher, pp. 46–50 (in Russian).
- Maksimovskikh G. S. (2018) Sotsialnyy proyekt «Start-ap ploshchadka professionalnykh prob kak prostranstvo trudovoy sotsializatsii vospitannikov SUVU» [Social Project “Start-Up Platform for Professional Trials as a Space for Labor Socialization of Students of the SUVU.”]. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty prophilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii, Shadrinsk, 25 sentyabrya 2018 goda* [Theoretical and Applied Aspects of the Prevention of Deviant Behavior of Minors in Difficult Life Situations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Shadrinsk, September 25, 2018], Shadrinsk: Shadrinsk State Pedagogical University Press, pp. 54–60 (in Russian).
- Mamina O. N. (1984) Ponjatija “negotium” i “otium” v sochineniyakh Sidoniya Apollinariya Antichnaya drevnost i srednie veka [The Concepts of “Negotium” and “Otium” in the Works of Sidonius Apollinaris]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka. Vol. 21: Antichnaya i srednevekovaya ideologiya* [Ancient Antiquity and the Middle Ages, vol. 21: Ancient and Medieval Ideology], Sverdlovsk [Ekaterinburg]: Ural Federal University Press, pp. 66–79 (in Russian).

- Manuilova L. M., Maksimov A. S. (2020) Sotsialno-pedagogicheskoe soprovozhdenie obuchayush-chikhhsya spetsialnogo uchebno-vospitatelnogo uchrezhdeniya [Social and Pedagogical Support of Students at Special Education Educational Institutions]. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities = Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, vol. 14, no 3, pp. 123–130 (in Russian).
- Marsh H. W. (1991) Employment during High School: Character Builder or a Subversion of Academic Goals? *Sociology of Education*, vol. 64, no 3, pp. 172–189.
- Mortimer J. T. (2010) The Benefits and Risks of Adolescent Employment. *The Prevention Researcher*, vol. 17, no 2, pp. 8–11.
- Mortimer J. T., Staff J. (2004) Early Work as a Source of Developmental Discontinuity during the Transition to Adulthood. *Development and Psychopathology*, vol. 16, no 4, pp. 1047–1070.
- Narsky I. S. (1983) *Otchuzhdenie i trud: po stranitsam proizvedeniy K. Marksa* [Alienation and Labor: Based on the Works of K. Marx], Moscow: Mysl' (in Russian).
- Oskina A. S., Gruzdova O. G. (2021) Issledovanie grazhdanskoj identichnosti podrostkov. Problemy vojny i mira v sovremennom sotsialno-gumanitarnom znanii sotsialno-gumanitarnom znanii [Study of the Civic Identity of Adolescents]. *Problemy vojny i mira v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii sotsial'no-gumanitarnom znanii. Sbornik nauchnyh statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii "XX Sociologicheskie chtenija"* [Problems of War and Peace in Modern Social and Humanitarian Knowledge. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the Scientific and Practical Conference "XX Sociological Readings"], Penza: PSU Publisher, pp. 80–84 (in Russian).
- Paatova M. E. (2021) Razrabotka vospitatelnykh programm v spetsialnykh uchebno-vospitatelnykh uchrezhdeniyakh v usloviyakh realizatsii FGOS [Development of Programs for Educational Work in Special Educational Institutions in the Context of the Implementation of the Federal State Educational Standards]. *The Bulletin of Adyghe State University. Series "Pedagogy and Psychology" = Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, no 3 (283). pp. 46–54 (in Russian).
- Rabochy put [Working Way]. (2024) *Kak v Smolenskoj oblasti «perevospityvajut» zaklyuchennykh*. [How Prisoners are "Re-Educated" in the Smolensk Region]. Available at: <https://www.rabochy-put.ru/society/188006-kak-v-smolenskoj-oblasti-perevospityvajut-zaklyuchennykh.html> (accessed 9 March 2026) (in Russian).
- Rakhmatulina B. R. (2022) Dobrovolcheskaya (volonterskaya) trudovaya brigada-novye vozmozhnosti v phormirovanii grazhdanstvennosti sovremennogo shkolnika [Free-Will (Volunteer) Labor Brigade — New Opportunities in the Formation of Citizenship of a Modern Schoolchild]. *Sovremennye problemy professional'nogo obrazovaniya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnyh statej II Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konpherentsii, Kaluga, 12 noyabrya 2021 goda* [Modern Problems of Vocational Education: Trends and Development Prospects. Collection of Scientific Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Kaluga, November 12, 2021], Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski Press, pp. 452–456 (in Russian).
- Rusakova M. M. (2002) *Molodezhnyy narkotizm v usloviyakh krupnogo goroda (Sotsiologicheskij analiz)* [Youth Drug Addiction in a Large City (Sociological Analysis)]. Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences: specialty 22.00.04, St. Petersburg (in Russian).

- Samrailova E. K., Vashalomidze E. V. (2015) Socialno-trudovye i nravstvennye aspekty patrioticheskogo vospitaniya molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve [Social, Labor and Moral Aspects of Patriotic Education of Youth in Modern Russian Society]. *The Eurasian Scientific Journal = Vestnik evrazijskoj nauki*, vol. 7, no 5 (30), art. 86. doi: [10.15862/110EVN515](https://doi.org/10.15862/110EVN515) (in Russian).
- Tazetdinov R. R. (2019) O primeneniі prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya v otnosheniі nesovershennoletnykh [On the Application of Compulsory Educational Measures in Relation to Minors]. *Problems of Law-Enforcement Activity = Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*, no 4, pp. 25-28 (in Russian).
- Temirov U. Kh. (2020) Printsipy voenno-patrioticheskogo obrazovaniya [Principles of Military-Patriotic Education]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no 22 (100, part 2, pp. 49–51. Available at: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2020/100/VNO-22-100-II-.pdf> (accessed 8 March 2026) (in Russian).
- Thomas K. (1976) Age and Authority in Early Modern England. In: *Proceedings of the British Academy*, no 62, London: British Academy, pp. 205-248.
- Tugarinov V. P. (1966) *Kommunizm i lichnost* [Communism and Personality], Leningrad: Nauka (in Russian).
- Ulyanina O. A., Zinatullina A. M., Lyubka E. I. (2021) *Vospitanniki spetsialnykh uchebno- vospitatelnykh uchrezhdeniy: psikhologicheskiy analiz ehmotSIONalnykh i lichnostnykh problem: Metodicheskie rekomendatsii* [Pupils of Special Educational Institutions: Psychological Analysis of Eccentric and Personal Problems: Methodological Recommendations], Moscow: RIOR Publishing (in Russian).
- Veblen T. (2021) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class], Moscow: AST Publishers (in Russian).
- Vincent D. (2022) *Istoriya odinochestva* [A History of Solitude], Moscow: NLO Books (in Russian).
- Zelizer V. A. (1994) *Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children*, Princeton: Princeton University Press.

Received: July 31, 2025

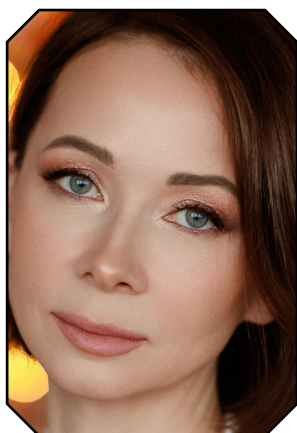
Citation: Rusakova M., Alexandrova A., Zharikova A., Tkach S. (2026) Svyaz sotsialno-grazhdanskoy aktivnosti i trudovykh ustanovok uchashhihsya spetsialnykh uchebno-vospitatelnykh uchrezhdeniy [The Influence of Civic and Social Activity on the Work Attitudes of Students in Special Educational Institutions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 83–110. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-83-110](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-83-110) (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Ж. Е. Ильина

Современная поведенческая экономика: поиск новой парадигмы

По мотивам ежегодной конференции общества по развитию поведенческой экономики (SABE), г. Тренто (Италия), 5–7 июня 2025 г.

ИЛЬИНА Жанна Евгеньевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: Россия, 199034, Россия, Санкт-Петербург Университетская набережная, 7–9.

Email: z.kaschina@lsg.spb.ru

Современные исследования и научные дискуссии в сфере поведенческой экономики сложились как ответ на критику экономической науки со стороны смежных дисциплин, таких как социология, психология, антропология, политология, упрекающих экономику в отсутствии реализма и избыточной формализованности. Как и многие другие направления социальных наук, исследования в области поведенческой экономики направлены на решение ключевых задач современной экономической науки, среди которых моделирование социально-экономических процессов, выявление их сущности и взаимообусловленности. В фокусе поведенческой экономики оказываются прежде всего следующие вопросы: рациональность поведения и принятия решений в условиях неопределённости, методы прогнозирования рисков, теория и эмпирика социальных взаимодействий, ожидания и социальные нормы, эволюция предпочтений и поведения в поведенческих играх, теоретические аспекты методологии экономических исследований. В рамках данной статьи эти вопросы рассматриваются на примере современных исследований, представленных на ежегодной конференции Общества по развитию поведенческой экономики (Society for the Advancement of Behavioral Economics, SABE), прошедшей в г. Тренто (Италия) в 2025 г. В настоящее время данная конференция является крупнейшей мировой дискуссионной площадкой в области поведенческой и экспериментальной экономики. Значительное внимание к конференции со стороны научного сообщества обусловлено тем, что поведенческая экономика благодаря своему гибкому инструментарию, включающему в том числе лабораторные эксперименты, всё чаще демонстрирует способность к объяснению природы многих экономических явлений и процессов. Перспективные исследования, представленные в статье, рассмотрены в том числе в контексте их возможного междисциплинарного и кросс-культурного применения.

Ключевые слова: поведенческая экономика; принятие решений; эвристики; методы исследования; экономические субъекты; психология риска; социальная среда.

Введение

В последние годы в арсенал экономической науки вошли новые области знания — поведенческая и экспериментальная экономика. Этот сдвиг на-

шёл отражение в тематике ведущих международных конгрессов, в публикациях самых престижных научных журналов, в появлении новых понятий и целых областей знаний (например, нейроэкономики). Рост популярности методов поведенческой и экспериментальной экономики в последние годы отнюдь не случаен, и причина этого не только в неспособности формальных теоретических подходов объяснить множество феноменов и фактов, не поддающихся естественному объяснению в рамках стандартной парадигмы неоклассической экономики [Ellison 2002; Hamermesh 2013; Angrist 2017]. По мнению профессора Стокгольмского университета и автора широко известной статьи «We're All Behavioral Economists Now» («Все мы теперь поведенческие экономисты») Эрика Ангнера, если неоклассическая экономика сталкивается с трудностью систематического учёта поведенческих аспектов в своих моделях, то поведенческая экономика вовсе не отвергает правомерность применения неоклассических подходов [Angner 2019]. Следовательно, как пишет Э. Ангнер, любой синтез, включающий неоклассическую теорию и поведенческие факторы, является поведенческим. Таким образом, постепенно сбывается предсказание профессора Чикагского университета Р. Талера о том, что современная экономика — это прежде всего экономика, основанная на доказательствах, и в будущем она будет настолько поведенческой, насколько того требует тема [Thaler 2016]. А. Белянин связывает этот процесс с перспективностью реального использования имеющихся знаний о человеке и его природе, что позволяет значительно раздвинуть горизонты научных исследований и создать обновлённую концептуально-методологическую основу экономического анализа [Белянин 2018].

Для понимания возможностей и потенциала приращения знания очень важно наличие соответствующих дискуссионных площадок. Одной из таких международных площадок являются ежегодные конференции Общество развития поведенческой экономики (Society for the Advancement of Behavioral Economics, SABE), которая в 2025 г. прошла в Университете города Тренто (Италия)¹. SABE — это международная ассоциация, целью которой является содействие продуктивному междисциплинарному сотрудничеству, обмену идеями и результатами исследований в области поведенческой экономики. Основанное в 1982 г. в Принстонском университете США², Общество уже более 40 лет объединяет ведущих учёных со всего мира. Важной особенностью конференции является то, что она проводится только в очном (оффлайн) формате³. На конференции в 2025 г. были представлены практически все ключевые направления поведенческой экономики: исследования в области индивидуального и коллективного поведения, поведенческой теории игр, поведенческих финансов, государственной политики, методологии экспериментов, концептуальных основ поведенческой экономики в целом. Большинство вопросов, обсуждаемых на конференции, обычно имеет междисциплинарный характер, что делает обсуждаемые в данной статье исследования потенциально интересными для широкого круга специалистов.

Специфика поведенческого подхода

Появление таких научных направлений, как поведенческая и экспериментальная экономика, — значимое событие в экономической науке последних десятилетий. Сформировавшиеся на пересечении экономики и психологии, данные области экономической науки стали, по сути, вызовом традиционной неоклассической экономической теории.

Как и для любой другой научной дисциплины, для поведенческой экономики характерны свои специфические подходы, приоритетные области применения, а также ограничения и допущения моделей, используемых для понимания природы человеческого поведения.

¹ См. подробнее о конференции на сайте SABE. Available at: <https://event.unitn.it/sabe2025> (accessed 7 March 2026).

² См. подробнее на сайте SABE. Available at: <https://sabeconomics.org/about/> (accessed 7 March 2026).

³ Исключением стал период пандемии COVID, когда в 2021 г. конференция проводилась в онлайн-формате на базе НИУ ВШЭ (Москва). См. подробнее: Электронный ресурс [код доступа]: <https://leef.hse.ru/news/480095298.html> (дата обращения: 7 марта 2026).

Специфика поведенческого подхода, используемого данными междисциплинарными областями научного знания, заключается в интеграции методологии экономической теории с достижениями современной когнитивной психологии и социологии, что расширяет границы изучения человеческого поведения и предлагает объяснения явлений, представляющихся аномалиями в контексте традиционной экономической парадигмы. Таким образом, идеи поведенческой экономики позволяют современным экономистам выйти за узкие рамки классических представлений о мотивах и целях экономического поведения человека и способах их реализации.

С содержательной точки зрения основным отличием поведенческой экономики является ослабление традиционного представления о рациональном поведении человека (*homo oeconomicus*), способного точно структурировать свои предпочтения, безошибочно выполнять любые вычислительные операции, живущего в мире информационно-эффективных рынков, находящего оптимальные решения в условиях неопределённости, не имеющего когнитивных искажений в восприятии реальности и не подверженного влиянию социальных норм. Именно на этих предпосылках долгое время строились как традиционные экономические модели, так и основанные на них решения в области экономической политики.

Главные проблемы конвенциональной модели рационального выбора поведенческие экономисты видят, во-первых, в том, что, используя традиционные экономические модели, мы полагаемся на одну теорию для достижения двух довольно разных целей, а именно для характеристики оптимального поведения и для прогнозирования фактического поведения [Thaler 2017]. Во-вторых, неявные допущения или факторы, которые традиционные модели относят к разряду несущественных (*nuisance parameters*), в реальности могут оказаться определяющими детерминантами экономического поведения.

С методологической точки зрения отличительной чертой поведенческой экономики является использование экспериментальных методов, как лабораторных, так и полевых [Калинин 2022]⁴. Экспериментальный подход в экономике основан прежде всего на очень конкретных предсказаниях, подчас даже фундаментальных для экономической науки, но таких, которые можно протестировать. Например, транзитивность — вполне оправданная характеристика как основа непротиворечивости предпочтений, однако экспериментальные исследования показали, что она нередко нарушается в самых широких контекстах поведения, которое сложно признать однозначно нерациональным [Поддьяков 2006; 2007]. Другим классическим примером можно назвать нарушения аксиомы независимости, проявляющиеся в форме парадоксов М. Алле и Д. Эллсберга [Allais 1953; Ellsberg 1961]. Признание подобных нарушений и их целенаправленные исследования стали отражением трудностей традиционной теории и её ограниченных прогностических возможностей, а также одним из основных предметов исследований в рамках поведенческой экономики, способствующих признанию и «легитимизации» психологических методов в экономике и проникновению поведенческих подходов в различные области экономической науки — от макроэкономики, государственной политики и финансов до изучения потребительского поведения и теории игр. К числу успехов этой науки можно отнести объяснение роста стоимости финансовых активов с нулевой стоимостью (например, «трампкоин»), долгосрочное существование рынка плацебо и ожидания (вера) рынка в определённый актив, приводящие к систематическому отклонению рыночной стоимости компании от стоимости её чистых активов.

Методы поведенческой экономики сегодня активно используются в разработке государственных программ, связанных с поведением граждан в области здравоохранения, экологии, налогов и индивидуальных сбережений [Thaler, Sunstein 2003].

⁴ Например, при изучении влияния социальных норм на экономическое поведение индивида экспериментальные методы, в отличие от опросов, лучше позволяют идентифицировать причинные связи в действиях людей; см.: [Калинин 2022].

Для описания концептуальной структуры рассматриваемой предметной области в теории поведенческой экономики можно выделить два основных направления:

- концепции, возникшие как альтернативы предпосылкам неоклассической экономики. К таким предпосылкам можно отнести субстанциальную рациональность, полную информированность и эгоистичность поведения индивидуума;
- концепции поведенческой экономики, дополняющие и уточняющие неоклассические теории [Управителей 2023]. Так, новое развитие получили теория ожидаемой полезности, выявленных предпочтений, эффективного рынка, рационального поведения и теория игр.

Далее в статье развитие указанных двух направлений поведенческой экономики проанализировано через рассмотрение современных исследований.

Как и многие другие области науки, поведенческая экономика имеет ряд допущений и ограничений в своих подходах. Одним из них является то, что, независимо от применяемых методов сбора данных и формулируемых гипотез, тестирование моделей в поведенческой и экспериментальной экономике сводится к эконометрическим методам оценки параметров модели, подчас в ущерб содержательному пониманию природы изучаемого явления и его контекста [Белянин 2017b]. Поведенческую экономику часто также критикуют за разрозненность концепций и отсутствие единой теории, а также за то, что исследователь никогда не может быть полностью уверен в том, что стоит за той или иной предполагаемой аномалией — действительные нарушения принципа рациональности или же какие-то особенности лабораторных процедур.

Ещё одним аргументом оппонентов поведенческой экономики является слабая внешняя валидность проводимых экспериментов, то есть значимость экспериментальных результатов с точки зрения понимания реальной экономики и экономических институтов. Одним из свидетельств важности внешней валидности служит значительный рост доли статей, представляющих результаты полевых экспериментов по сравнению с лабораторными в ведущих международных журналах. Подсчитано, что за 2000–2021 гг. в пяти ведущих экономических журналах («American Economic Review», «Econometrica», «Journal of Political Economy», «Quarterly Journal of Economics», «Review of Economic Studies») доля статей с лабораторными экспериментами упала примерно с 10 до 2,5%, тогда как доля полевых экспериментов возросла примерно в той же пропорции [Reuben et al. 2022]. С одной стороны, в начале XXI века экономическая наука в любом случае ушла от отрицания экспериментальных исследований и их результатов как «диссидентских» и «несущественных». С другой же стороны, значимость и устойчивость экспериментальных фактов, не вписывающихся в стандартную неоклассическую теорию, до сих пор подвергается сомнению. По мнению Р. Талера и К. Санстейна, основным аргументом критиков поведенческого подхода является предположение, что если «повышать ставки», то есть приближать стимулы в экспериментах к условиям реального принятия решений, то люди будут вести себя более рационально, и число решений, не вписывающихся в предсказания теории, будет исчезающе малым [Thaler, Sunstein 2008]. Кроме того, если дать людям возможность учиться на ошибках, они будут более рациональны в своих решениях. Отвечая на подобную критику, нобелевский лауреат Р. Талер писал, что *либо реальный мир в основном состоит из решений, требующих высоких ставок, либо он предлагает множество возможностей для обучения*. Талер также утверждал, что одновременно обе эти ситуации невозможны. Если среда полна высокорисковых решений, возможности для обучения ограничены, поскольку каждый неверный шаг имеет серьёзные последствия. И наоборот, если среда благоприятствует обучению, значит, ставки относительно низки, и обучение возможно именно потому, что ошибки допустимы [Thaler 2017].

При этом, важно отметить, что критика так или иначе сводится к стандартным недостаткам конкретных аналитических методов, а не к отрицанию значимости исследований реального поведения человека и несовершенства прогнозов неоклассической теории, подтверждающих недостатки традиционных моделей.

Индивидуальное поведение: рациональность, когнитивные искажения, эвристики

Пожалуй, ключевым аргументом для понимания парадигмы поведенческой экономики является философский вопрос о том, что считать нормой при оценке рационального или иррационального поведения. В середине XX века неоклассическая модель рациональности, включающая аксиомы транзитивности и согласованности, максимизации ожидаемой полезности и байесовской оценки вероятностей, стала краеугольным камнем экономики и других социальных наук. Развитием данной дискуссии стала концепция ограниченной рациональности (*bounded rationality*) Герберта Саймона [Simon 1955]. В 1970-х гг. теория ожидаемой полезности, равно как принятые традиционные представления о рациональности, подверглись критике со стороны теории перспектив. Авторы данной теории Дэниел Канеман и его коллега Амос Тверски заложили основу для современного понимания когнитивных искажений и эвристик, а также экспериментально доказали, что люди систематически отклоняются от идеальной рациональности, совершая типичные ошибки при принятии решений [Kahneman, Tversky 1979]. Данные отклонения в суждениях людей от норм рациональности выявляют, по мнению авторов теории перспектив, устойчивые когнитивные искажения, которые, в свою очередь, становятся причиной социальных проблем. Впоследствии попытки объяснить парадоксы рациональности привели к возникновению множественности конкурирующих концепций, объясняющих иррациональное поведение людей (на данный момент различными авторами сформулировано более 50 таких концепций)⁵.

Эвристики

В развитие данных идей 1990-х гг. появляется как альтернативная предложенная Гердом Гигеренцером «концепция экологической рациональности» [Gigerenzer 1998], которая выходила за узкие рамки логической рациональности и пыталась объяснить поведение людей и институтов в условиях неопределённости. Автор данной концепции полагает, что многие предполагаемые когнитивные искажения — это признаки адаптации (то есть эволюции интеллекта), а не иррациональности, и эвристика может быть весьма полезна, когда речь идёт о решениях, принимаемых в ситуации недостаточности информации и неопределённости. Страстные научные дебаты между вышеупомянутыми исследовательскими программами стали известны как войны рациональности. Наиболее яркий пример такой борьбы — многолетняя дискуссия Дэниела Канемана [Kahneman, Tversky 1996] и Герда Гигеренцера [Gigerenzer 1996]. Данная дискуссия стала отправной точкой для дальнейших обсуждений и научных споров. Принципиальное отличие «экологической концепции рациональности» Г. Гигеренцера состояло в том, что он не пытался объяснить причины иррационального поведения, а поднял вопрос о том, что в принципе можно считать нормой и насколько верно опираться в данном случае на теорию вероятности или статистические данные. Гигеренцер предложил концепцию, согласно которой человеческий мозг приспособлен к решению задач в естественной среде, где информация представлена в форме частот, а не абстрактных вероятностей. Его подход подчёркивает важность контекста и среды, в которой происходит принятие решений. Канеман и Тверски, отвечая на критику, писали, что человеческие решения часто подвержены когнитивным искажениям, которые ведут к ошибкам [Kahneman, Tversky 1996]. По их мнению, многие наши повседневные решения далеки от оптимальной рациональности именно потому, что мы ошибаемся, руководствуясь простыми эвристиками (то есть интуитивными решениями на основе опыта). Гигеренцер, наоборот, защищает роль интуиции и простых эвристических правил [Gigerenzer, Selten 2001; Gigerenzer 2025].

⁵ См. подробнее: [Управителей 2023].

В ходе своей лекции на конференции SABE 2025 «живой классик» Герд Гигеренцер привёл примеры ограниченной рациональности участников рынка и в очередной раз критически отнёсся к позиции сторонников традиционной экономики ввиду их избыточной веры в рациональность, понятую как оптимизирующее поведение для организующего принципа принятия решений. Гигеренцер в очередной раз напомнил аудитории о различии между риском и неопределённостью. Риск — это ситуация, где известны все возможные исходы и их вероятности (игра в рулетку). В реальной жизни число видов риска, поддающихся оценке, исключительно мало. Неопределённость же — это ситуация, где будущие события, их последствия и вероятности неизвестны (экономика, пандемии, инновации). Соответственно, традиционные подходы к прогнозированию и оценке, предложенные Ч. Доу, Г. Марковицем и др., применимы только к известному риску. В ситуации же неопределённости они могут привести к фатальным ошибкам. Вслед за Н. Н. Талебом профессор Гигеренцер говорит, что к чрезмерному оптимизму и самоуверенности в принятии экономических решений приводит недооценка возможных негативных событий на основе вероятностного подхода [Талеб 2024а]. Н. Талеб и М. Блит называют это «стратегией индюшки», планирующей жить вечно, поскольку её жизнь выглядит исключительно благополучно вплоть до самого Рождества (наивный вывод о стабильности делается на основе отсутствия изменений в прошлом) [Taleb, Blyth 2011]. В такой ситуации эвристики могут стать реальной альтернативой сложным моделям, поскольку простые правила эффективнее в ситуации ограниченных данных и неопределённости [Dosi et al. 2020]. В качестве иллюстрации Г. Гигеренцер приводит пример нобелевского лауреата Г. Марковица, который никогда не использовал свою оптимизационную модель при инвестировании собственных сбережений. По мнению профессора Гигеренцера, люди способны предсказать солнечное затмение и траекторию космического корабля, но не поведение фондового рынка или политические события. В такой ситуации главным становится не соответствие принимаемых решений формальной логике, а соответствие среде и контексту. В подтверждение своих взглядов профессор Гигеренцер приводит следующие примеры эффективности простых эвристических правил:

- анализ банковских рисков Банком Англии: модель «простого эвристического дерева» предсказывала банковские кризисы лучше, чем сложные регрессионные модели прогнозирования банкротства банков [Aikman et al. 2021];
- прогноз эпидемии гриппа: модель Google Flu Trends, основанная на больших массивах данных, была намного менее точна, чем статистика загруженности местных клиник;
- кредитный скоринг в Германии: вместо 250 признаков была создана прозрачная модель из 12 простых факторов, которую мог понять любой пользователь.

По мнению профессора Гигеренцера, оценка «правильности» принимаемого решения зависит от контекста, поэтому не существует единой рациональности, как не существует единого статистического метода вывода, наилучшего для всех задач, а следовательно, рациональность не всегда означает оптимизацию; при выборе моделей и методов исследования необходимо учитывать контекст, среду и адаптивность; эвристики — это инструменты эффективного поведения, а не признаки когнитивной лени; именно неопределённость двигает эволюцию и знание.

Как теория когнитивных искажений, так и теория эвристик находят своё подтверждение в современных научных экспериментах [Vranas 2000; Dosi et al. 2020; Konstantinos V. Katsikopoulos 2021]. Что касается практического применения научного знания, то точек соприкосновения между двумя направлениями явно больше, чем в области теоретических исследований [Samuels, Stephen, Bishop 2002]. Принципы, заложенные в работах Канемана и Тверски, прежде всего теория перспектив (1979), широко применяется в маркетинге, управлении рисками и государственной политике. Подход Гигеренцера, в свою оче-

редь, акцентирует внимание на применении эвристик в медицине, образовании и повседневной жизни, особенно когда решение необходимо принять незамедлительно.

Когнитивные искажения vs «переописанная» транзитивность

Развитию концепции рациональности также посвящены работы профессора Университета Нью-Йорка (США) Марио Риццо [Rizzo 2025; Rizzo, Viale 2025]. По его мнению, в классической и поведенческой экономике рациональность традиционно определяется через соответствие выбора индивида ряду аксиом, таких как полнота, транзитивность, независимость. Однако поведенческая экономика продемонстрировала, что данные аксиомы не всегда отражают реальное поведение людей. Тем не менее аксиомы часто продолжают рассматриваться как нормативные принципы, то есть предписывающие, каким должно быть поведение экономического агента (иначе говоря, если $B > A$, а $C > B$, то $C > A$). Однако, с точки зрения людей, принимающих решения, вариант C не всегда предпочтителен при сравнении с вариантом A . Многие случаи, по мнению М. Риццо, интерпретируемые как ошибки, обусловлены недостаточным пониманием ситуации, а не нарушением аксиом рациональности.

Анализ эволюции взглядов на аксиомы рациональности позволяет выделить несколько ключевых этапов:

- *период классиков* (Дж. Э. Кэрнс, Дж. Н. Кейнс): аксиомы рассматривались как реалистичные предпосылки экономического поведения;
- *концепция Лайонела Роббинса* (1930-е гг.): допущение возможности анализа экономического выбора без обязательного требования согласованности предпочтений [Robbins 1935]⁶;
- *математизация экономической теории* (Р. Фриш, Дж. фон Нейман): аксиомы стали важным инструментом построения математических моделей (например, функции полезности), утратив при этом нормативную нагрузку [Neumann, Morgenstern 1947];
- *современный подход* (Ж. Дебрё): аксиомы (экономические модели) воспринимаются как элемент абстрактного математического аппарата, а не как нормативные предписания [Debreu 1959].

По мнению профессора Риццо, аксиомы сами по себе не могут служить исчерпывающим критерием рациональности; необходимо учитывать контексты ситуаций, цели и мотивы человека. В качестве примера М. Риццо приводит концепцию Л. Витгенштейна, согласно которой понимание рациональности зависит от контекста и используемых языковых практик (*language-games*). Предложенный профессором Риццо метод переописания (*redescription*) позволяет представить практически любое поведение как рациональное путём изменения формулировки вариантов выбора. В этом суть так называемой концепции инклюзивной рациональности, утверждающей, что неотъемлемой частью рационалистической картины мира в сознании лица, принимающего решение, являются контекст ситуации и особенности восприятия задачи. Однако этот метод не решает нормативных вопросов, поскольку требует привлечения внешних критериев оценки. Так, попытки экономистов навязать собственные стандарты рациональности (например, через механизмы одобрения или неодобрения) всё чаще подвергаются критике, поскольку подменяют субъективные цели человека объективными критериями. Вместе с тем

⁶ Л. Роббинс (1898–1984) считал, что даже в тех случаях, когда предпочтения непоследовательны и, что важно, люди не осознают всех последствий своих действий, экономике есть что сказать. Ресурсы по-прежнему ограничены по сравнению с целями. Люди по-прежнему занимаются обменом и производством. В бизнесе по-прежнему случаются взлёты и падения. Очевидно, что такая экономика не сможет удовлетворить требования полной аналитической точности [Robbins 1935].

аргументы в пользу эвристических и инклюзивной рациональности наводят на мысль, что, каким бы ни было поведение, социолог или экономист всегда сможет найти способ его рационализировать (то есть оправдать) [Anand 1993: 103].

Новые смыслы понятия «рациональность»

Идеи инклюзивной рациональности развивают современные исследователи. Так, в работах профессора Центра экономики Университета Сорбонны Луи Леви-Гарбуа доказано: именно благодаря тому, что мы воспринимаем информацию последовательно, а не одновременно, даже при принятии быстрых (интуитивных) решений так или иначе на нас оказывают влияние наш прошлый опыт и наши убеждения. По мнению Леви-Гарбуа, люди априори склонны следовать логичным (рациональным) доводам, но только если они «видят» их в контексте своего опыта или убеждений. При помощи элегантных математических расчетов Леви-Гарбуа и его коллеги обосновывают связь между интуитивным и рациональным мышлением, а также аналитически описывают принципы формирования когнитивных искажений [Lévy-Garboua, Askari, Gazel 2018].

Современные исследования в области практического применения концепций рациональности, посвящены, в частности, проблемам оптимальных целевых показателей эффективности наёмных работников. Так, Луиджи Маренго оспаривает распространённое мнение о том, что перфекционизм сотрудников и высокие целевые показатели всегда оказывают положительное влияние на эффективность деятельности компании [Marengo 2025]. Он показал, что оптимальный выбор между средними, абсолютными или относительными целевыми показателями оценки работы сотрудника должен прежде всего зависеть от текущей конъюнктуры на рынке труда, социальных факторов, экономической ситуации в конкретной отрасли и специфики деятельности предприятия. Например, в ситуации кризиса или высокой неопределённости профессор Маренго рекомендует снижать показатели эффективности, указанные в абсолютных единицах, в то время как относительные целевые показатели (например, стремление превзойти определённое количество конкурентов) должны быть выше. В качестве обоснования такого подхода используется довод, что человек, скорее, оценивает уровень своего дохода в относительных величинах, чем в абсолютных [Управителей 2023], а перфекционизм сотрудников, если он требует существенных временных затрат, часто экономически себя не оправдывает.

В повседневной жизни, когда времени и информации недостаточно, нередко быстрое решение лучше, чем формально верное или оптимальное. Особенно это относится к открытым задачам, то есть к таким, с которыми люди встречаются наиболее часто. В связи с этим представляется интересным недавнее исследование, проведённое в Берлинском университете имени Гумбольдта. Данное исследование было посвящено влиянию психотипа человека на формирующиеся эвристики и возникающие на их основе убеждения [Baumann, Hong, Nielsen 2025]. Авторы эксперимента пытались объяснить, чем обусловлены различия между тем, как мы оцениваем события, произошедшие в прошлом, и как данные факторы влияют на принимаемые нами решения. Исследование, в частности, показало, что человек, имеющий низкую самооценку и переживший неудачу, значительно хуже воспринимает объективную позитивную информацию в настоящем и склонен пересматривать свои убеждения и драматизировать (преувеличивать) полученный в прошлом негативный результат. Закономерно, что экономические стратегии такие люди строят также на основе пессимистичных сценариев. Результаты данного исследования могут быть полезны при изучении социального взаимодействия (например, в таких областях, как образование и управление персоналом).

Экономическая наука начала XXI в. предлагает новые подходы к анализу поведения и даже создаёт новые смыслы понятия «рациональность» [Белянин 2017а]. В контексте поведенческой экономики проблема рациональности не утратила своей актуальности. Напротив, она эволюционирует, интегрируя

анализ когнитивных, эмоциональных и социальных факторов, и остаётся основой для анализа экономического поведения.

Подходы поведенческой и экспериментальной экономик расширяют границы понимания природы поведения человека, делая его изучение не только более сложным, но и значительно более содержательным и интересным с научной точки зрения.

Социальные нормы и поведенческая экономическая политика

Ещё одно важное направление исследований касается изучения социальных факторов экономического поведения. Так называемые модели социальных предпочтений противопоставляются предпосылкам традиционной экономической теории, а именно представлению об исключительной эгоистичности индивида, не склонного к социально-ориентированному поведению. Данные предпосылки неоклассической теории были опровергнуты результатами множества поведенческих экспериментов, сформировавших основу для разработки новых теоретических концепций (теории справедливого поведения (см.: [Rabin 1993; Fehr, Schmidt 1999; Gächter et al. 2025]) и стыда в случае уклонения от него (см.: [Battigalli, Duwfenberg 2007])). Предполагается, что человек по определению нетерпим к обману и неравенству, при этом любое максимально или минимально равновесное состояние будет восприниматься им как справедливое. Ещё одна группа моделей связана с взаимообразностью экономического поведения. Авторы данной концепции считают, что взаимообразное поведение, то есть сформулированный народной мудростью ответ «как аукнется, так и откликнется», является доминирующим поведенческим паттерном [Bolton, Ockenfels 2000; Falk, Fischbacher 2006]. При этом такое поведение бывает как альтруистичным, так и эгоистичным.

Неполная информированность

Группа теорий посвящена анализу социального поведения в условиях неполной информированности. Поведенческая экономика противопоставляет её удобному, но не работающему на практике неоклассическому принципу о полной информированности участников рынка. В качестве примера можно привести наблюдаемую в последние десятилетия аномалию на рынке труда, заключающуюся в росте неравенства [Piketty 2014] и, в частности, в непропорциональном росте соотношения заработных плат топ-менеджеров и работников средней квалификации (например, в США). Так, в 1965–2017 гг. этот показатель вырос с 20 раз в 1965 г. до 312 раз в 2017 г. (см. доклад американского Института экономической политики)⁷, причём это увеличение заработных плат директоров американских корпораций не было следствием резко возросшей производительности компаний, но отражало конкуренцию за квалифицированных менеджеров топового уровня. В такой ситуации двусторонние переговоры о заработной плате, вероятно, были бы более справедливым механизмом, чем аукцион зарплат, вызванный конкуренцией [Thaler, Sunstein, Balz 2014].

Социальное взаимодействие и эгоистичность поведения

Существует также группа теорий, касающихся смещённого представления о мнении других участников взаимодействия. Можно привести следующие примеры аномалий экономического поведения с точки зрения традиционной экономики: альтруистическое поведение, или феномен «конкурса красоты», восходящий ещё к Дж. М. Кейнсу [Nagel 1995]. Проявление этого феномена на фондовом рынке заключается в том, что инвесторы выбирают стратегию, якобы позволяющую им угадать действия других участников,

⁷ См. подробнее: Рождественская Я. 2018. Директора зарабатывают в 312 раз больше рядовых сотрудников: разрыв в вознаграждениях в США стремительно растёт. *Коммерсантъ*. 16 августа. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.kommersant.ru/doc/3714673> (дата обращения: 18 марта 2026).

то есть пытаются обыграть рынок и выбирают не самый ценный финансовый актив, а тот, который «нравится» большинству. В рамках данной концепции появляется все больше исследований, посвящённых социальной ответственности. Одно из таких исследований было представлено на конференции SABE 2025 профессором экономики Университета Эссекса (Великобритания) Фридерикой Менгель. Её исследование дополнило ряд работ, посвящённых социальному влиянию как фактору, связанному с готовностью людей принимать участие в программе декарбонизации. В ходе эксперимента было выявлено, что готовность к смягчению воздействия на окружающую среду (использование более экологичных видов транспорта, экономия электроэнергии и проч.) возросла примерно на 17% в том случае, если участникам сообщали, что другой участник будет наблюдать за их выбором перед тем, как сделать собственный. Кроме того, в ходе исследования были изучены убеждения участников относительно их влияния на решения других людей. Результаты показали, что в большинстве случаев участники склонны переоценивать степень своего влияния на окружающих [Mengel, Ganguli 2026]. Структура сетевых связей и позиция участника в данной социальной сети также были определены как значимые факторы.

Направление, занимающееся изучением влияния социальных норм, ведёт разработку политики, направленной на поощрение определённого просоциального поведения (например, благотворительность, донорство, волонтерство и т. п.). В частности, в недавнем исследовании Михаэля Хильвека-Вальдека (Мангеймский университет, Германия) изучалась эффективность налоговой льготы как инструмента стимулирования участия населения в благотворительных акциях и донорских программах⁸. В ходе исследования были выявлены две ключевые проблемы, препятствующие активному использованию населением налоговых льгот за участие в благотворительности. Одна из них — недостаточный уровень финансовой грамотности для понимания работы механизма налоговых вычетов. Вторая проблема заслуживает особого внимания, поскольку заключается в ошибочном восприятии социальных норм: респонденты ожидали, что окружающие осуждают отнесутся к использованию такой льготы, поскольку благотворительность и донорство по определению безвозмездны. Однако в процессе опроса выяснилось, что большинство респондентов положительно относятся к возможности получения налоговых вычетов за участие в благотворительной акции.

Говоря об ограничениях вышеприведённых моделей, следует отметить, что, несмотря на интуитивную очевидность их выводов, мы снова сталкиваемся с проблемой того, что считать нормой. Как измерить уровень несправедливости или удовлетворения от справедливости, если все эти меры коренятся глубоко в человеческой психике и сознании? Ещё одним примером смещённого рационального поведения является модель ошибочного представления о мнении оппонента, например, о степени его информированности или склонности к обману [Белянин 2017b]. В данном случае возникает так называемая петля обратной связи, когда каждый участник рынка принимает решение на основе ошибочного представления о стратегии другого, в результате чего проигрывают обе стороны.

Патернализм

Итак, в начале XXI в. сформировалось прикладное крыло поведенческой экономики — поведенческая (патерналистская) экономическая политика. Основным её инструментом является подталкивание (*nudging*), то есть мягкое направление к рациональному выбору путём вмешательства в процесс принятия решений без введения прямых указаний и (или) ограничений. Исторически сложились несколько концепций патернализма.

Концепция асимметричного патернализма, которую предложили К. Камерер и С. Иссахарофф, относится к варианту мягкого патернализма: государственные меры направлены главным образом на по-

⁸ См. препринт: Hilweg-Waldeck M., Aman A. 2024. *Why Don't You Deduct to Donate More? Behavioral Factors Undermining Tax Incentives for Deduction*. Available at: <https://mhilweg.github.io/publication/charity/> (accessed 14 March 2026).

мощь людям с искажённым восприятием реальности, имеющим проблемы с обучаемостью и самоконтролем. Однако личностные компетенции остальных граждан при этом никак не затрагиваются, и автономия их решений не нарушается [Camerer et al. 2003].

Концепция доброго патернализма в интерпретации Д. Бенджамина и Д. Лейбсона [Benjamin, Laibson 2003] предусматривает поощрение за рациональность.

Рекомендательный, или мягкий, патернализм, предложенный Дж. Лёвенштейном и Э. Хейсли, подразумевает активное просвещение и консультирование граждан [Loewenstein, Haisley 2006]. Так, в настоящее время набирают популярность различные программы повышения финансовой грамотности и юридической помощи населению.

Либертарианский патернализм является, пожалуй, самой известной патерналистской поведенческой концепцией [Thaler, Bernartzi 2004]. По сути, данная концепция тоже строится на предположениях о дефектах воли и когнитивных искажениях, но эти последние работают в данном случае на пользу иррационального индивида. Человек делегирует инвестиционному фонду право «по умолчанию» регулярно удерживать у него из заработной платы определённую сумму для пополнения пенсионных сбережений и не интересуется доходностью инвестируемых пенсионным фондом накоплений в течение длительного времени. Последние исследования показали, что большинство людей (53% респондентов) не следят за процентными ставками и уровнем доходов от пенсионных накоплений⁹. Либертарианский патернализм, с одной стороны, показал свою эффективность в стимулировании долгосрочных сбережений, но, с другой стороны, он, к сожалению, как и любая другая теория, бессилён решить вопрос об «истинных» предпочтениях индивидов. При этом сохраняется риск перерастания государства благосостояния в патерналистское государство с гораздо более широкими возможностями и полномочиями по надзору и контролю за частной деятельностью граждан [Капелюшников 2013]. Именно это обстоятельство является одной из основных причин критики концепций патернализма. Так, профессор Гигеренцер и его коллеги призывают не считать отклонения от логики и рационального поведения ошибками, поскольку они не доказывают, что так называемые нерациональные решения приводят к худшим результатам, чем решения, которые с чьей-то индивидуальной подачи стало принято считать рациональными [Arkes, Gigerenzer, Hertwig 2016].

Активное проникновение идей поведенческой экономики в различные сферы социально-экономической жизни в очередной раз подтверждает обоснованность применения поведенческого подхода в экономике.

Поведенческие финансы

В течение длительного времени в экономике было принято полагать, что финансовые рынки в силу своих внутренних свойств обладают наибольшей устойчивостью к иррациональному поведению. В число таких свойств включали относительно низкие транзакционные издержки, значительные цены ошибок («высокие ставки»), высокую конкуренцию (за исключением некоторых банковских секторов), возможность арбитража. В этих условиях, даже если множество инвесторов ошибаются, деятельность арбитражеров «умных денег» (то есть рациональных трейдеров) способна гарантировать, что рынки ведут себя эффективно.

⁹ См.: *Accenture Global Banking Consumer Study 2025*. Available at: <https://www.accenture.com/content/dam/accenture/final/industry/banking/document/Accenture-Global-Banking-Consumer-Study-2025-Report.pdf> (accessed 7 March 2026).

Информационно-эффективный рынок

Именно предпосылки о полной информированности участников рынка, их рациональности и эгоистичности были заложены в основу сформулированной американским экономистом и нобелевским лауреатом Юджином Фамой в 1960–1970-х гг. гипотезы эффективного рынка (Efficient Market Hypothesis, EMH) [Fama 1970]. Однако со временем формальные модели прогнозирования, построенные в рамках концепции эффективного рынка, показали свою несостоятельность. Стало очевидным, что они не смогли предсказать ни многочисленные финансовые кризисы, ни бум и крах на ипотечном рынке, ни банкротство крупнейших инвестиционных банков. Одно из подробнейших исследований отклонений финансового рынка в рамках поведенческой парадигмы было проведено лауреатом Нобелевской премии Р. Талером. Результаты его многолетних исследований, посвящённых выявлению систематически повторяющихся нарушений гипотезы эффективного рынка, публиковались в издании «Journal of Economic Perspectives» в 1987–2003 гг., в частности в рубрике «Anomalies» («Аномалии»). К аномалиям Талер относил, например, различия в стоимости «акций стоимости» и «акций роста»¹⁰, непрерывно растущую капитализацию технологических компаний в 1980–1990-х гг., жилищный бум в середине 2000-х гг. Наиболее ярким примером иррационального поведения инвесторов до сих пор считается «загадка премии за акции» (*equity premium puzzle*). Согласно логике моделей эффективного рынка, акции более рискованны, чем облигации, поэтому должны приносить более высокую доходность, что до определённого времени убедительно подтверждалось историческими данными. Но Р. Мехра и Э. Прескотт ещё в 1985 г. показали, что стандартная модель поведения инвестора, не склонного к риску, при классических значениях параметра этой несклонности не может объяснить исторически высокие рискованные премии за покупку акций, а не облигаций [Mehra, Prescott 1985]. Исторические рискованные премии за риск (превышение цен акций над ценами облигаций) в среднем составляли 6–8%, однако теоретические рискованные премии, рассчитанные на основе функций полезности с реалистичными параметрами несклонности к риску, должны были бы составлять всего 0,35% [Mehra, Prescott 1985]. Данная аномалия допускает ряд объяснений, среди которых одним из самых популярных является поведенческое — а именно близорукое — неприятие потерь (*myopic loss aversion*). Согласно этому объяснению, инвесторы испытывают существенно больший негативный шок в случае потерь, чем положительный шок в случае выигрышей. Этот феномен известен как неприятие потерь в терминах теории перспектив [Kahneman, Tversky 1979]. Кроме того, ограниченно рациональные инвесторы по природе своей склонны эмоционально реагировать на краткосрочные колебания курсов акций, игнорируя тот факт, что в средней и тем более долгосрочной перспективе текущие потери почти наверняка будут отыграны, и даже с прибылью (близорукость). При этом необходимо подчеркнуть, что большинство исследователей — как неоклассиков, так и поведенческих экономистов — сходятся во мнении, что в долгосрочной перспективе фондовый рынок остаётся эффективным, а в краткосрочной предсказать движение рынка капитала практически невозможно. Сочетание двух феноменов (близорукость и неприятие потерь) приводит к тому, что инвесторы очень сильно опасаются краткосрочных колебаний курсов акций и требуют завышенной компенсации за эти воспринимаемые дополнительные риски по сравнению с вложениями в низковолатильные и низкодоходные активы (облигации).

¹⁰ Акции стоимости (*value stocks*) — бумаги компаний, чья рыночная стоимость ниже реальной, то есть привлекательные для инвесторов, рассчитывающих на будущий рост цен и стабильный дивиденд. Акции роста (*growth stocks*) — акции быстро развивающихся фирм с высокими темпами роста доходов и прибыли, покупаемые инвесторами в ожидании повышения капитализации. Различия заключаются в стратегии инвесторов: первые выбирают гарантированный дивидендный доход; вторые ставят на быстрый рост акций. В долгосрочной перспективе доходности акций стоимости и акций роста практически равны.

Ожидания и поведение участников рынков капитала

Развивая идеи предшественников (см.: [Shefrin, Statman 1985; Bernartzi, Thaler 1995; Талеб 2024b]), современные исследователи продолжают изучение ценообразования стоимости активов и проблем прогнозирования в контексте поведенческого подхода. Так, недавние наблюдения за ценообразованием на рынке активов обнаруживают новые аномалии в связи между доходностью и риском. Профессор Университета Сан-Франциско Роберт Меффорд в исследовании, представленном на конференции SABE 2025, рассматривает потенциальную роль восприятия неопределённости как недостающего фактора, который мог бы прояснить эту связь. Напомним, что согласно базовой концепции традиционной экономической теории более рискованные вложения должны соответствовать более высокой доходности активов. В отличие от риска, который поддаётся количественной оценке, неопределённость часто воспринимается как неизмеримая категория, что затрудняет оценку её влияния на поведение участников рынка. Чтобы решить эту проблему, Меффорд вводит в качестве показателя неопределённости «индекс VVIX», который называют индексом страха, отражающим ожидаемую инвесторами волатильность S&P 500¹¹. Материалом исследования стали данные о доходности американских акций за 2007–2024 гг., в том числе в периоды мирового финансового кризиса и пандемии COVID-19. Следует отметить, что предварительные тесты на ретроспективных данных SPY¹² показывают, что индекс VVIX обладает достаточно высокой прогностической способностью в отношении доходности акций и — косвенно — поведения инвесторов. Результаты исследования также показали, что при одновременном росте безрисковой ставки и экзогенной неопределённости, вызванной внешнеэкономическими шоками, доля участников фондового рынка, склонных к риску, резко сокращается. Однако если оба показателя падают, то участники рынка проявляют большую готовность к риску. В ходе данного исследования был также получен ещё один интересный результат: в периоды кризисов, то есть когда индекс VVIX достигал экстремальных значений, фондовый рынок становился предсказуем в краткосрочной перспективе. Напомним, что согласно фундаментальной теории рынок акций по шкале неопределённости близок к уровню абсолютной непредсказуемости [Lo, Mueller 2010]. По мнению Р. Меффорда, данный феномен может быть связан именно с психологическими факторами (например, эффектом толпы) [Huberman, Regev 2001; Thaler 2017].

Особенно интересным для изучения с точки зрения поведенческого подхода представляются принципы формирования цены на активы с нулевой или неопределённой фундаментальной стоимостью (например, цифровые финансовые активы). Так, А. Хольцнехт с коллегами рассматривают прогностическую способность двух конкурирующих теорий оценки активов — традиционной теории внутренней (фундаментальной) стоимости и концепции спекулятивной торговли финансовыми активами (так называемой теории большего дурака (*greater fool theory*), или ходьбы наугад) [Holzknecht et al. 2026]. Для проверки этих теорий исследователи провели специальный лабораторный эксперимент, включающий несколько сценариев биржевых торгов: базовый сценарий, где токен (условный финансовый актив) при открытии торгов стоит 0 евро, и сценарий, когда начальная стоимость токена определялась случайным образом. Также исследователи попытались оценить влияние таких факторов, как убеждения участников относительно ценности актива, их ожидания относительно поведения других участников, а кроме того, субъективные когнитивные характеристики (рациональность, склонность к риску и др.).

Результаты исследования показали, что даже в базовом сценарии, где фундаментальная стоимость токена равна нулю, средняя цена последней сделки составляет 0,16 евро; в условиях случайной начальной цены на токены в конце торговой сессии цены, по которым торговался токен, также всегда были выше, чем в начале торгов (эксперимента).

¹¹ Индекс Standard & Poor's 500 включает крупнейшие по капитализации компании США, котируемые на биржах NYSE и NASDAQ.

¹² SPDR S & P 500 ETF Trust (тикер: SPY) — крупнейший в мире биржевой фонд, отслеживающий динамику индекса S & P 500.

Авторы исследования приходят к выводу, что на поведение участников влияют их убеждения о ценности токена, ожидания относительно поведения других участников, а также косвенно индивидуальная склонность к риску и уровень иррациональности. Таким образом, теория «большого дурака» успешно объясняет наблюдаемое поведение участников эксперимента: согласно этой теории участники торгов активами с неопределённой стоимостью априори убеждены, что найдут того, кто купит актив (токен) дороже, чем его текущая стоимость. Результаты описанного выше исследования подтверждают положения так называемой поведенческой теории игр, которая, в отличие от классической теории игр, учитывает, например, стремление участника избежать чувства вины, способность обучаться и менять стратегии поведения исходя из субъективного опыта и давности произошедших событий (модели обучения с подкреплением [Erev, Roth 1998]).

Прогнозирование поведения участников рынка

Оживлённую дискуссию на конференции SABE 2025 также вызвало выступление представителя Центрального банка Ирландии Даниша Ус-Салама. Его исследование было посвящено влиянию предупреждений о рисках — периодичности информации и её заметности — на поведение инвесторов в высокорисковые финансовые активы. В условиях растущего интереса к криптовалютам (в Ирландии доля владеющих криптовалютой инвесторов выросла с 13% в 2021 г. до 16% в 2023 г.) особую актуальность приобретает проблема недостаточной финансовой грамотности новых инвесторов, часто полагающихся на советы непрофессиональных консультантов, в том числе в социальных сетях. Цель данного исследования заключалась в разработке более эффективных мер информирования частных инвесторов о рисках инвестирования в высокорисковые финансовые активы.

В качестве теоретического обоснования авторы исследования опирались на положения концепции компетентности [Tversky 1991] и сравнительной неосведомлённости [Tversky 1995], предполагающие, что люди делают выбор исходя не из оценки вероятности наступления того или иного события, а из своей компетентности, доверия к определённому источнику информации или склонности выбирать тот вариант, который им кажется наиболее понятным или предсказуемым.

В рамках эксперимента Данишем Ус-Саламом была смоделирована ситуация выбора инвестором между акциями и криптовалютами [Us-Salam 2025]. Участникам (частным инвесторам) предоставляли информацию о рисках и доходности данных активов. Ключевые метрики исследования включали финансовую грамотность, склонность к риску, готовность рекомендовать криптовалюту другим участникам и склонность удерживать активы при изменении их стоимости. Результаты показали, что информирование повышает понимание криптовалютных рисков у финансово неграмотных и склонных к риску инвесторов (до 15–20%). При этом предупреждения о возможных негативных последствиях эффективнее размещать до сообщения о доходности. В ходе исследования наблюдался побочный эффект: информацию о том, что инвестирование в акции компании с низким рейтингом менее рискованное, чем в криптовалюты, инвесторы воспринимали как рекомендацию приобрести данные высокорисковые акции. Напротив, при сравнении альтернативных вариантов участники стали считать акции с высоким риском менее рискованными, чем криптовалюта, хотя предупреждения о риске акций не менялись. Результаты исследования в настоящее время используются Центральным банком Ирландии для регулирования крипторынка и могут быть полезны для разработки единых правил другими регуляторами в отношении высокорисковых финансовых активов, криптоактивов и их провайдеров.

Методы, модели и инструменты современных исследований в социальных науках

Для поведенческой экономики, как и для любой другой социальной науки, по-прежнему остаётся актуальной дискуссия о методах анализа данных, воспроизводимости исследований (внешняя валидность), а также о прогностической способности создаваемых теоретических моделей. Так, по мнению профессора Университета Инсбрука М. Кирхлера, в экономике не существует лучших и худших методов, которые сохраняли бы свои позиции на протяжении длительного времени. Более того, в исследованиях, где речь идёт о поведении человека, различия между методами исследования наиболее выражены, а интерпретация результатов исследований сильно контекстно зависима [Kirchler 2024].

На сегодняшний день в научной среде по-прежнему активно ведутся дискуссии о том, какие факторы оказывают большее влияние на экономическое поведение человека — внешние обстоятельства (среда) или внутренние предрасположенности (гены). Даже такое новое естественно-научное направление, как нейроэкономика, пока не обладает методологическим инструментарием точного описания механизмов принятия решений. Как писал профессор Стэнфордского университета Р. Сапольски, «*к сожалению, пока не существует способа изучить корреляцию между плотностью рецепторов или уровнем гормонов и преобладанием агрессии или симпатии, доверия или склонности к обману*» [Сапольски 2021: 1016].

Методы и модели

Несмотря на стремительное развитие методов машинного обучения, по-прежнему остаётся неразрешённой дилемма между точностью и интерпретируемостью результатов той или иной модели [Nazir 2023]. Как показывают последние исследования, иногда самые простые модели регрессии могут давать лучший результат, чем сложные ИИ-алгоритмы [Ji-An 2025]. При этом первостепенное значение приобретают прозрачность исходных данных и, как следствие, возможность верификации результатов через репликацию экспериментов. Тем более что современные технологии существенно упрощают процедуру кросс-моделирования и сопоставления эмпирического материала.

Тему границ современных методов иллюстрирует, в частности, исследование представителя Индийского технологического института в Дели Ахилла Аббуру, посвящённое предсказательной способности теории перспектив. Предложенный авторами теории перспектив (Д. Канеман, А. Тверски) коэффициент неприятия потерь количественно определяет, насколько люди переоценивают потери относительно эквивалентных выигрышей. Результаты исследования А. Аббуру показали, что в зависимости от применяемого метода оценки качества модели (MLE, Bias, GLM, DDM) в среднем в 30% случаев разные модели предсказывали диаметрально противоположные варианты развития событий [Abburu 2025]. Данное исследование подтверждает актуальность проблемы валидности как стабильного конструкта и указывает на различия в интерпретации одного и того же параметра в разных методах исследования. Подтверждая позицию М. Кирхлера, Ахилл Аббуру обращает внимание на необходимость тщательного обоснования выбора моделей, метрик их оценки, проверки устойчивости результатов и разработки стандартов для сравнений исследований.

Внешняя валидность

Ещё одним подтверждением актуальности проблемы внешней валидности в социальных науках является исследование, проведённое М. Кирхлером [Kirchler 2024], в ходе которого он совместно с группой независимых экспертов, используя различные (альтернативные) методы, попытался воспроизвести результаты четырёх известных исследований в области поведенческих финансов. Показательно, что

только три из 17 исходных результатов, заявленных как статистически значимые, были успешно воспроизведены повторными экспериментами. Проведённое исследование акцентирует внимание на значимой роли субъективности используемых методологических подходов и гетерогенности полученных эмпирических данных в формировании итоговых выводов научных исследований.

Псевдоэмпиризм, или смещение в сторону подтверждения наблюдений, приводящее к ложно-положительным выводам, — серьёзная проблема современной науки [Талеб 2024b]. При этом следует признать, что нередко не совсем уместное использование эконометрических методов объясняется простым отсутствием альтернативы, а не некомпетентностью исследователей.

В докладе на конференции SABE 2025 М. Кирхлер предложил следующие методологические подходы повышения качества научных исследований:

- *множественный анализ* (many-analysts approach): несколько команд независимо анализируют одни и те же данные, что позволяет оценить вариативность результатов и снизить субъективность;
- *предрегистрация гипотез*: предварительная публичная регистрация дизайна снижает вероятность манипулирования данными и повышает прозрачность исследования;
- *использование концепции «рынок предсказаний»* (prediction markets): участники «торгуют» акциями гипотез, что отражает коллективную оценку их достоверности;
- *стандартизация метрик* для сравнения методов исследования, а также развитие открытых платформ для проведения повторных экспериментов (по аналогии с PsyArXiv¹³ в психологии).

Несмотря на потенциал методологических инноваций, предлагаемых М. Кирхлером, существуют объективные ограничения и проблемы повышения валидности путём репликации экспериментов. В частности, многое зависит от качества используемых данных, консерватизма научных изданий, традиционно предпочитающих публикациям вторичных или мета-исследований первичные работы, а также от высокой стоимости повторных полевых экспериментов.

Искусственный интеллект

В последнее время исследователи в своих экспериментах всё чаще используют технологии искусственного интеллекта (ИИ) как симуляцию участника эксперимента, наблюдателя, посредника или ассистента [Maltese 2023]. Недавние исследования в этой области также были представлены на конференции SABE 2025.

Авантика Дев из Индийского технологического института в Дели представила исследование на тему «Распространяются ли социальные нормы на “искусственных” агентов (например, роботов или ИИ-агентов)?»¹⁴. В основе эксперимента — «игра в диктатора». В этой игре участник («диктатор») единолично распределяет ресурсы между собой и получателем, который не может повлиять на распреде-

¹³ Открытый онлайн-архив научных препринтов в области психологии и смежных наук, действующий под эгидой некоммерческой организации Center for Open Science (COS), разрабатывающей инструменты для науки. PsyArXiv позволяет учёным бесплатно публиковать свои исследования до официального рецензирования в журналах, обеспечивая быстрый обмен знаниями.

¹⁴ Результаты данного исследования были впервые представлены на конференции SABE 2025 и до настоящего времени не опубликованы.

ление. В первом случае получателями были люди, во втором — ИИ-агент. Результаты эмпирического исследования показали, что субъекты экспериментальной выборки экстраполируют социально-нормативные паттерны поведения на ИИ-агентов. По сути, А. Дев развила идею М. Кохера (см.: [Güth, Kocher 2014]) и предложила ещё одну модификацию «игры в диктатора».

Интересной, на наш взгляд, работой из области теории принятия решений и практики взаимодействия людей и ИИ-агентов является исследование, проведенное в Мичиганском университете (США) и посвященное феномену принятия участниками социальных сетей решений относительно добровольного предоставления персональных сведений. Согласно результатам этого исследования, субъекты демонстрируют устойчивую тенденцию к переоценке потенциальных преимуществ передачи собственных данных в контексте интерактивных сетевых взаимодействий, существенно недооценивая сопряженные риски. Авторами исследования были сформулированы рекомендации о необходимости внедрения цифровыми сервисами прозрачных механизмов уведомлений пользователей о рисках обработки их данных, особенно случайного раскрытия персональных данных третьих лиц (то есть родственников, близких, друзей)¹⁵.

Среди работ, посвящённых взаимодействию людей и ИИ-агентов, следует выделить лонгитюдное кросс-культурное эмпирическое исследование, начатое учёными из Принстонского университета США ещё в 2022 г. [McKee, Bai, Fiske 2024]. Цель данного исследования — выявление факторов, определяющих выбор пользователей между искусственными интеллектуальными помощниками и живыми специалистами при обращении за консультациями по вопросам финансов, права и т. п. Чтобы лучше понять факторы, формирующие субъективные предпочтения в сотрудничестве человека и агента, авторы обучали нейросеть, моделируя ситуации, характерные для социальной дилеммы. Исследование показало, что, во-первых, ИИ-агенты действительно воспринимаются как социальные акторы, аналогично людям. Во-вторых, контекст сильно влияет на то, какой фактор при выборе консультанта становится значимее — доброжелательность или компетентность. Авторы также обнаружили скрытое «анти-ИИ-смещение», то есть при одинаковых условиях эффективность консультации, данной ИИ-агентом, оценивалась строже, чем данной людьми. Кроме того, в ходе исследования было выявлено, что люди в большинстве случаев не могут отличить в процессе переписки «живого» собеседника от ИИ-агента, хотя большинство участников эксперимента до его начала были уверены, что им это точно удастся сделать.

При всех существующих (пока) ограничениях современные ИИ-агенты и в целом LLM (Large Language Model, то есть языковые модели), обучаемые на больших объёмах данных, являются незаменимым инструментом в современных социокультурных исследованиях. Даже несмотря на то, что LLM не имеют собственной «картины мира» и достаточно цензурированы, их способность к контекстному обучению, воспроизведению аналогии и абстракции всё больше напоминает человеческое мышление. Изучение того, насколько точно LLM могут воспроизводить (прогнозировать) человеческое поведение, представляет собой абсолютно новый «полигон» для междисциплинарных исследований (наука о данных, психология, экономика, социология). Более того, благодаря современным технологиям и, в частности, методам машинного обучения снимается значительное количество существовавших ранее методологических ограничений.

Заключение

Завершая данный обзор, следует отметить, что современные исследования показывают актуальную потребность в смене существующей теоретической парадигмы поведенческой экономики. Предпосыл-

¹⁵ Сведения об этом исследовании представлены на сайте SSRN eLibrary: Wang S. Q., Chen Y., Adar E. (2025). *Privacy with Information Externalities and Complexity*. doi: 10.2139/ssrn.5616490

ками для данных изменений становится синтез конвенциональной и поведенческой экономических моделей принятия решений в условиях неопределённости, а также пересмотр моделей нормативного экономического анализа и современных методов исследований. Особое внимание современные исследователи уделяют вопросам валидности результатов экспериментов, а также пересмотру существующих инструментов и практик в целях повышения качества исследований.

Отметим ключевые идеи современных исследований. В настоящее время остаётся актуальной дискуссия о жизнеспособности традиционных представлений о рациональности поведения акторов рынка. В ситуации неопределённости и низкой информированности элементарные эвристические правила способны служить гораздо более действенными средствами прогноза, нежели сложные математико-статистические модели. Соответственно, в контексте экономических исследований рациональность должна рассматриваться не как норматив, а прежде всего как набор разнообразных стратегий. При изучении принципов формирования индивидуальных и групповых экономических решений важнейшее значение имеет социальный контекст. Современные исследования подтверждают, что глубокое изучение действующих социальных норм и структур социальных сетей может способствовать принятию более эффективных политических и экономических решений. Кроме того, важным преимуществом поведенческих экономических моделей является то, что они позволяют производить кросс-культурные сопоставления. При этом остаётся актуальной проблема воспроизводимости результатов современных исследований. Её решение может состоять в стандартизации метрик моделей исследования, развитии открытых платформ для проведения повторных экспериментов, а также в предварительной регистрации исследований. Важный элемент предрегистрации — чёткая формулировка исследовательского вопроса и соответствующих гипотез. Такой подход должен устранить возможности манипулирования данными исследования, в частности — поиска новых значимых результатов в случае неудачи основной гипотезы, а также выборочного представления исключительно релевантных данных.

Анализ исследований, посвящённых влиянию ИИ-технологий на экономические процессы, выявляет новые паттерны поведения экономических агентов, что требует разработки соответствующих этических норм и методов обеспечения прозрачности обработки больших данных. Современные исследования в области поведенческих финансов подтверждают, что традиционные методы инвестиционного анализа явно недостаточны для понимания реальных процессов формирования стоимости финансовых активов, особенно в условиях возникновения новых финансовых инструментов, развития децентрализованных реестров и рынков криптовалют. Новейшие исследования в стремлении сделать экономическую науку как можно ближе к реальным потребностям участников экономических отношений также открывают перспективы внедрения современных поведенческих подходов в практику государственного регулирования и корпоративного управления.

Важным выводом проведённого комплексного анализа исследований в области поведенческой экономики стало признание ценности поведенческого подхода не только в контексте изучения проблем прогнозирования и анализа социально-экономических процессов, но и в контексте осмысления экономистами представления о современном человеке в целом.

Литература

- Белянин А. В. 2017а. Homo oeconomicus и Homo postoeconomicus. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 1 (33): 157–161. doi: 10.31737/2221-2264-2017-33-1-9
- Белянин А. В. 2017б. Лицом к человеку: достижения и вызовы поведенческой экономики. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2 (34): 166–175. doi: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-7

- Белянин А. В. 2018. Ричард Талер и поведенческая экономика. *Вопросы экономики*. 1: 5–25. doi: [10.32609/0042-8736-2018-1-5-25](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25)
- Дебре Ж. 2018. *Теория ценности. Аксиоматический анализ экономического равновесия*. М.: Дело.
- Калинин Р. Г. 2022. Метод виньеток в онлайн-исследовании: измерение восприятия справедливости. *Вестник Института социологии*. 13 (3): 162–178. doi: [10.19181/vis.2022.13.3.836](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.836)
- Капелюшников Р. И. 2013. *Поведенческая экономика и новый патернализм*. Препринт WP3/2013/03. Серия WP3: Проблемы рынка труда. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Пикетти Т. 2023. *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem.
- Поддьяков А. Н. 2006. Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 3 (3): 88–111.
- Поддьяков А. Н. 2007. Нетранзитивность превосходства при взаимодействиях: междисциплинарный анализ. В сб.: *Управление большими системами (УБС)*. 16. М.: ИПУ РАН; 171–182.
- Саймон Г. А. 1993. Рациональность как процесс и продукт мышления. *THESIS*. 3: 16–38.
- Сапольски Р. 2021. *Психология стресса*. Изд. 3-е. СПб.: Питер.
- Талев Н. 2024а. *Одуроченные случайностью*. М.: Колибри.
- Талев Н. 2024б. *Статистические последствия жирных хвостов: о новых вычислительных подходах к принятию решений*. М.: Колибри; Азбука-Аттикус.
- Талер Р., Санстейн К. 2017. *Nudge: архитектура выбора*. М.: МИФ.
- Управителей А. А. 2023. Неоклассические корни поведенческой экономики. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 1 (58): 110–140. doi: [10.31737/22212264_2023_1_110](https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_110)
- Abburu A., Agarwal S., Mukherjee S. 2025. Heterogeneity in Loss Aversion Estimates Across Modeling Approaches. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 47: 1116–1122. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/24w9p95m> (accessed 1 March 2026).
- Aikman D. et al. 2021. Taking Uncertainty Seriously: Simplicity Versus Complexity in Financial Regulation. *Industrial and Corporate Change*. 30 (2): 317–345. doi: [10.1093/icc/dtab008](https://doi.org/10.1093/icc/dtab008)
- Allais M. 1953. Le comportement de l'homme rationnel devant le risque: Critique des postulats et axiomes de l'école Américaine. *Econometrica*. 21 (4): 503–546. doi: [10.2307/1907921](https://doi.org/10.2307/1907921)
- Anand P. 1993. *Foundations of Rational Choice under Risk*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Angner E. 2019. We're All Behavioral Economists Now. *Journal of Economic Methodology*. 26 (3): 195–207. doi: [10.1080/1350178X.2019.1625210](https://doi.org/10.1080/1350178X.2019.1625210)
- Angrist J. P. 2017. Economic Research Evolves: Fields and Styles. *American Economic Review*. 107 (5): 293–297. doi: [10.1257/aer.p20171117](https://doi.org/10.1257/aer.p20171117)

- Arkes H. R., Gigerenzer G., Hertwig R. 2016. How Bad is Incoherence? *Decision*. 3 (1): 20–39. doi: 10.1037/dec0000043
- Battigalli P., Dufwenberg M. 2007. Guilt in Games. *American Economic Review*. 97 (2): 170–176. doi: 10.1257/aer.97.2.170
- Baumann J., Hong J. Y., Nielsen H. 2025. Biased Belief Updating and Memory: The Role of Confidence. *Working Paper*, November 17. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1dVn1PapeBgNJijBJ-igXGHnFEs9iJju/view> (accessed 6 March 2026).
- Benjamin D., Laibson D. 2003 (unpublished). *Good Policies for Bad Governments: Behavioral Political Economy*. Prepared for Federal Reserve Bank of Boston Behavioral Economics Conference, June 8–10, 2003. Available at: https://www.researchgate.net/publication/5027246_Good_policies_for_bad_governments_behavioral_political_economy (accessed 6 March 2026).
- Bernartzi S., Thaler R. 1995. Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle. *Quarterly Journal of Economics*. 110 (1): 73–92. doi: 10.2307/2118511
- Bolton G. E., Ockenfels A. 2000. ERC: A Theory of Equity, Reciprocity, and Competition. *American Economic Review*. 90 (1): 166–193. doi: 10.1257/aer.90.1.166
- Camerer C. et al. 2003. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for ‘Asymmetric Paternalism’. *University of Pennsylvania Law Review*. 151 (3): 1211–1254. doi: 10.2307/3312889
- Debreu G. 1959. *Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Dosi G. et al. 2020. Rational Heuristics? Expectations and Behaviors in Evolving Economies with Heterogeneous Interacting Agents. *Economic Inquiry*. 58 (3): 1487–1516. doi: 10.1111/ecin.12897
- Ellison G. 2002. The Slowdown of the Economics Publishing Process. *Journal of Political Economy*. 110 (5): 947–953. doi: 10.1086/341868
- Ellsberg D. 1961. Risk, Ambiguity, and the Savage Axioms. *Quarterly Journal of Economics*. 75 (4): 643–669. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1884324> (accessed 6 March 2026).
- Erev I., Roth A. E. 1998. Predicting How People Play Games: Reinforcement Learning in Experimental Games with Unique, Mixed Strategy Equilibria. *American Economic Review*. 88 (4): 848–881. Available at: https://www.researchgate.net/publication/4901434_Predicting_How_People_Play_Games_with_Unique_Mixed_Strategy_Equilibria (accessed 6 March 2026).
- Falk A., Fischbacher U. 2006. A Theory of Reciprocity. *Games and Economic Behavior*. 54 (2): 293–315. doi: 10.2139/ssrn.203115
- Fama E. F. 1970. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*. 25 (2): 383–417. Available at: <http://www.e-m-h.org/Fama70.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Fehr E., Schmidt K. 1999. A theory of Fairness, Competition, and Cooperation. *Quarterly Journal of Economics*. 114 (3): 817–868. Available at: <https://web.stanford.edu/~niederle/Fehr.Schmidt.1999.QJE.pdf> (accessed 6 March 2026).

- Frisch R. 1971 [1926]. On a Problem in Pure Economics. In: Chipman J. et al. (eds) *Preferences, Utility, and Demand: A Minnesota Symposium*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc.; 366–409.
- Fox C. R., Tversky A. 1995. Ambiguity Aversion and Comparative Ignorance. *Quarterly Journal of Economics*. 110 (3): 585–603. doi: [10.1017/CBO9780511803475.031](https://doi.org/10.1017/CBO9780511803475.031)
- Gächter S. et al. 2025. No rest for the weary: Pay Uncertainty Reduces Engagement in Recovery. *Journal of Applied Psychology*. November 13. doi: [10.1037/apl0001335](https://doi.org/10.1037/apl0001335)
- Gigerenzer G. 1996. On Narrow Norms and Vague Heuristics: A Reply to Kahneman and Tversky. *Psychological Review*. 103 (3): 592–596. doi: [10.1037/0033-295X.103.3.592](https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.3.592)
- Gigerenzer G. 1998. *Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies*. New York: Oxford University Press.
- Gigerenzer G. 2018. The Bias Bias in Behavioral Economics. *Review of Behavioral Economics*. 5 (3–4): 303–336. doi: [10.1561/105.00000092](https://doi.org/10.1561/105.00000092)
- Gigerenzer G. 2025. The Rationality Wars: A Personal Reflection. *Behavioural Public Policy*. 9 (3): 495–515. doi: [10.1017/bpp.2024.51](https://doi.org/10.1017/bpp.2024.51)
- Gigerenzer G., Selten R. 2001. *Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Güth W., Kocher M. G. 2014. More than Thirty Years of Ultimatum Bargaining Experiments: Motives, Variations, and a Survey of the Recent Literature. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 108: 396–409. doi: [10.1016/j.jebo.2014.06.006](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2014.06.006)
- Hamermesh D. S. 2013. Six Decades of Top Economics Publishing: Who and How? *Journal of Economic Literature*. 51 (1): 162–172. doi: [10.1257/jel.51.1.162](https://doi.org/10.1257/jel.51.1.162)
- Heath C., Tversky A. 1991. Preference and Belief: Ambiguity and Competence in Choice under Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 4: 5–28. Available at: <https://courses.washington.edu/pbafhall/514/514%20Readings/ambiguity%20and%20competence.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Holzknicht A., Bachler S., Huber J., Kirchler M. 2026. From Individual Choices to the Four-Eyes Principle: The Big Robber Game Revisited among Financial Professionals and Students. *Journal of Economic Psychology*. 113: 102885. doi: [10.1016/j.joep.2026.102885](https://doi.org/10.1016/j.joep.2026.102885).
- Huberman G., Regev T. 2001. Contagious Speculation and a Cure for Cancer: A Nonevent that Made Stock Prices Soar. *Journal of Finance*. 56 (1): 387–396. doi: [10.1111/0022-1082.00330](https://doi.org/10.1111/0022-1082.00330)
- Ji-An L. B. 2025. Discovering Cognitive Strategies with Tiny Recurrent Neural Networks. *Nature*. 644: 993–1001. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41586-025-09142-4> (accessed 6 March 2026).
- Kahneman D., Tversky A. 1979. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. 47 (2): 263–291. Available at: https://web.mit.edu/curhan/www/docs/Articles/15341_Readings/Behavioral_Decision_Theory/Kahneman_Tversky_1979_Prospect_theory.pdf (accessed 6 March 2026).

- Kahneman D., Tversky A. 1996. On the Reality of Cognitive Illusions: A Reply to Gigerenzer's Critique. *Psychological Review*. 103 (3): 582–591. Available at: <http://matt.colorado.edu/teaching/highcog/fall8/kt96.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Kirchler M. 2024. Do Experimental Asset Market Results Replicate? High-Powered Preregistered Replications of 17 Claims. *Working Papers*, 2024-12. Innsbruck: Faculty of Economics and Statistics, Universität Innsbruck. Available at: <https://ideas.repec.org/p/inn/wpaper/2024-12.html> (accessed 6 March 2026).
- Konstantinos V., Katsikopoulos Ö. Ş. 2021. *Classification in the Wild: The Science and Art of Transparent Decision-Making*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Lo A. W., Mueller M. 2010. Warning: Physics Envy May Be Hazardous to Your Wealth! *Journal of Investment and Management*. 8 (2): 13–63. doi: 10.48550/arXiv.1003.2688
- Loewenstein G., Haisley E. 2006. The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of Light Paternalism. In: Caplin A., Schotter A. (eds). *The Handbook of Economic Methodologies*. Vol. 1: *Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations*. Oxford, UK: Oxford University Press; 285–304.
- Lévy-Garboua L., Askari M., Gazel M. 2018. Confidence Biases and Learning among Intuitive Bayesians. *Theory and Decision*. 54: 453–482. doi: 10.1007/s11238-017-9612-1
- Maltese S. 2023. How Can Technologies Help Disclose New Insights into Collective Behaviors? *Journal of Behavioral Economics for Policy*. 7 (2): 21–32. Available at: https://sabeconomics.org/wordpress/wp-content/uploads/JBEP_7_2_2.pdf (accessed 6 March 2026).
- Marengo L. 2025. Absolute, Average-Based, and Rank-Based Aspirations. *Strategic Management Journal*. 46 (8): 1930–1946. doi: 10.1002/smj.3715
- McKee K. R., Bai X., Fiske S. 2024. Warmth and Competence in Human-Agent Cooperation. *Autonomous Agents and Multi-Agent Systems*. 38 (1): 23. doi: 10.1007/s10458-024-09649-6
- Mehra R., Prescott E. 1985. The Equity Premium. *Journal of Monetary Economics*. 15: 145–161. Available at: <https://academicwebpages.com/preview/mehra/pdf/The%20Equity%20Premium%20A%20Puzzle.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Mengel F., Ganguli J. 2026. Social Influence and Carbon Dioxide Mitigation. *Journal of Public Economics*. 253: 105558. doi: 10.1016/j.jpubeco.2025.105558
- Nagel R. 1995. Unraveling in Guessing Games: An Experimental Study. *American Economic Review*. 85 (5): 1313–1326. Available at: https://www.researchgate.net/publication/4725772_Unraveling_in_Guessing_Games_An_Experimental_Study (accessed 6 March 2026).
- Nazir S. D. 2023. Survey of Explainable Artificial Intelligence Techniques for Biomedical Imaging with Deep Neural Networks. *Computers in Biology and Medicine*. 156: 106668. doi: 10.1016/j.combiomed.2023.106668
- Neumann J. von, Morgenstern O. 1947. *Theory of Games and Economic Behavior*. 2nd edn. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Piketty T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Rabin M. 1993. Incorporating Fairness into Game Theory and Economics. *American Economic Review*. 83 (5): 1281–1302. Available at: <https://depeco.iseg.ulisboa.pt/summerschool2007/Rabin.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Reuben E., Li S. X., Suetens S., Svorenčík A., Turocy T., Kotsidis V. 2022. Trends in the Publication Of Experimental Economics Articles. *Journal of the Economic Science Association*. 8: 1–15. doi: [10.1007/s40881-022-00117-z](https://doi.org/10.1007/s40881-022-00117-z)
- Rizzo M. 2025. Normative Rationality after Behavioral Economics: What is left? *Behavioral Public Policy*. 1: 1–10. doi: [10.1017/bpp.2025.10019](https://doi.org/10.1017/bpp.2025.10019)
- Rizzo M., Viale R. 2025. Editorial: Behavioral Paternalism. *Mind & Society*. 24: 449–451. doi: [10.1007/s11299-025-00357-6](https://doi.org/10.1007/s11299-025-00357-6)
- Robbins L. 1935. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. 2nd edn. London, UK: Macmillan and Co.
- Samuels R., Stephen S., Bishop M. 2002. *Ending the Rationality Wars: How to Make Disputes About Human Rationality Disappear*. New York: Oxford University Press.
- Shefrin H., Statman M. 1985. The Disposition to Sell Winners too Early and Ride Losers too Long: Theory and Evidence. *Journal of Finance*. 40 (3): 777–790. Available at: <https://people.bath.ac.uk/mnsrf/Teaching%202011/Shefrin-Statman-85.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Simon H. 1955. A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*. 69 (1): 99–118. Available at: https://cooperative-individualism.org/simon-herbert_a-behavioral-model-of-rational-choice-1955-feb.pdf (accessed 6 March 2026).
- Taleb N. N., Blyth M. 2011. The Black Swan of Cairo. *Foreign Affairs* (online edition). Available at: <https://www.foreignaffairs.com> (accessed 6 March 2026).
- Thaler R. 2016. Behavioral Economics: Past, Present, and Future. *American Economic Review*. 106 (7): 1577–1600. doi: [10.1257/aer.106.7.1577](https://doi.org/10.1257/aer.106.7.1577)
- Thaler R. 2017. Behavioral Economics. *Journal of Political Economy*. 125 (6): 1799–1805. doi: [10.1086/694640](https://doi.org/10.1086/694640)
- Thaler R., Bernartzi S. 2004. Save More Tomorrow: Using Behavioral Economics to Increase Employee Savings. *Journal of Political Economy*. 112 (1): 164–187. doi: [10.1086/380085](https://doi.org/10.1086/380085)
- Thaler R., Sunstein C. 2003. Libertarian Paternalism. *American Economic Review*. 93 (2): 175–179. doi: [10.1257/000282803321947001](https://doi.org/10.1257/000282803321947001)
- Thaler R., Sunstein C. 2008. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press.
- Thaler R. H., Sunstein C. R., Balz J. P. 2014. *Choice Architecture*. In: Shafir E. (ed.) *The Behavioral Foundations of Public Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 3–33.

Us-Salam D. 2025. Mitigating Vulnerability: The Role of Risk Warnings, Information Order & Salience in Crypto Assets. *Research Technical Papers*. 9/RT/25. Central Bank of Ireland. Available at: <https://ideas.repec.org/p/cbi/wpaper/9-rt-25.html> (accessed 18 March 2026).

Vranas P. 2000. Gigerenzer's Normative Critique of Kahneman and Tversky. *Cognition*. 76 (3): 179–193. doi: [10.1016/S0010-0277\(99\)00084-0](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(99)00084-0)

PROFESSIONAL REVIEWS

Zhanna Ilina

Contemporary Behavioral Economics: Searching for a New Paradigm

Based on SABE Annual Conference, Trento, Italy, June 5–7, 2025

ILINA, Zhanna — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, St Petersburg State University. Address: 7–9 Universitetskaya Embankment, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

Email: z.kaschina@lsg.spb.ru

Abstract

Contemporary research and academic debate in behavioral economics emerged in response to criticism of economics from related disciplines such as sociology, psychology, anthropology, and political science, which accuse economics of lacking realism and excessive formalism. Like many other social science fields, behavioral economics research is primarily aimed at addressing key challenges in modern economics, including modeling socioeconomic processes, identifying their essence and interdependence, and understanding human behavior. Behavioral economics primarily focuses on issues such as the rationality of behavior and decision-making under uncertainty,

risk forecasting methods, the theory and empirical evidence of social interactions, expectations and social norms, the evolution of preferences and behavior in behavioral games, and theoretical aspects of economic research methodology. In this article, the author examines these issues using contemporary research presented at the annual conference of the Society for the Advancement of Behavioral Economics (SABE), held in Trento, Italy, in 2025. Currently, this conference is the largest global discussion platform in the field of behavioral and experimental economics. Its prominence stems from behavioral economics' flexible tools—laboratory experiments—which increasingly explain many economic phenomena and processes. The article also considers promising research in the context of its potential interdisciplinary and cross-cultural applications.

Keywords: behavioral economics; decision making; heuristics; research methods; economic entities; risk psychology; social environment.

References

- Abburu A., Agarwal S., Mukherjee S. (2025) Heterogeneity in Loss Aversion Estimates Across Modeling Approaches. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, vol. 47, pp. 1116–1122. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/24w9p95m> (accessed 1 March 2026).
- Aikman D., Galesic M., Gigerenzer G., Kapadia S., Katsikopoulos K., Kothiyal A., Murphy E., Neumann T. (2021) Taking Uncertainty Seriously: Simplicity Versus Complexity in Financial Regulation. *Industrial and Corporate Change*, vol. 30, no 2, pp. 317–345. doi: [10.1093/icc/dtab008](https://doi.org/10.1093/icc/dtab008)
- Allais M. (1953) Le comportement de l'homme rationnel devant le risque: Critique des postulats et axiomes de l'école Américaine. *Econometrica*, vol. 21, no 4, pp. 503–546. doi: [10.2307/1907921](https://doi.org/10.2307/1907921)
- Anand P. (1993) *Foundations of Rational Choice under Risk*, Oxford, UK: Clarendon Press.

- Angner E. (2019) We're All Behavioral Economists Now. *Journal of Economic Methodology*, vol. 26, no 3, pp. 195–207. doi: [10.1080/1350178X.2019.1625210](https://doi.org/10.1080/1350178X.2019.1625210)
- Angrist J. P. (2017) Economic Research Evolves: Fields and Styles. *American Economic Review*, vol. 107, no 5, pp. 293–97. doi: [10.1257/aer.p20171117](https://doi.org/10.1257/aer.p20171117)
- Arkes H. R., Gigerenzer G., Hertwig R. (2016) How Bad is Incoherence? *Decision*, vol. 3, no 1, pp. 20–39. doi: [10.1037/dec0000043](https://doi.org/10.1037/dec0000043)
- Battigalli P., Dufwenberg M. (2007) Guilt in Games. *American Economic Review*, vol. 97, no 2, pp. 170–176. doi: [10.1257/aer.97.2.170](https://doi.org/10.1257/aer.97.2.170)
- Baumann J., Hong J. Y., Nielsen H. (2025) *Biased Belief Updating and Memory: The Role of Confidence*. Paper presented at the Annual SABE, Trento, 5–7 June, 2025. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1dVn1PapeBgNJijBJ-igXGHnFEns9iJju/view> (accessed 6 March 2026).
- Belianin A. V. (2017a) Homoeconomicus i homopostoeconomicus [Homo Oeconomicus and Homo Postoeconomicus]. *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii*, no 1 (33), pp. 157–161. doi: [10.31737/2221-2264-2017-33-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-33-1-9) (in Russian).
- Belianin A. V. (2017b) Litsom k cheloveku: dostizheniya i vyzvyvy povedencheskoy ekonomiki [Face to Face to Human Being: Achievements and Challenges of Behavioral Economics]. *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii*, no 2 (34), pp. 166–175. doi: [10.31737/2221-2264-2017-34-2-7](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-34-2-7) (in Russian).
- Belianin A. V. (2018) Richard Thaler i povedencheskaya ekonomika [Richard Thaler and Behavioral Economics: From the Lab Experiments to the Practice of Nudging (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2017)]. *Voprosy ekonomiki*, no 1, pp. 5–25. doi: [10.32609/0042-8736-2018-1-5-25](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25) (in Russian).
- Benjamin D., Laibson D. (2003) *Good Policies for Bad Governments: Behavioral Political Economy*. Prepared for Federal Reserve Bank of Boston Behavioral Economics Conference, June 8–10, 2003. Available at: https://www.researchgate.net/publication/5027246_Good_policies_for_bad_governments_behavioral_political_economy (accessed 6 March 2026).
- Bernartzi S., Thaler R. (1995) Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 1, pp. 73–92. doi: [10.2307/2118511](https://doi.org/10.2307/2118511).
- Bolton G. E., Ockenfels A. (2000) ERC: A Theory of Equity, Reciprocity, and Competition. *American Economic Review*, vol. 90, no 1, pp. 166–193. doi: [10.1257/aer.90.1.166](https://doi.org/10.1257/aer.90.1.166)
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for 'Asymmetric Paternalism'. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 151, no 3, pp. 1211–1254. doi: [10.2307/3312889](https://doi.org/10.2307/3312889)
- Debreu G. (1959) *Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Debreu G. (2018) *Teoriya tsennosti. Aksiomaticheskii analiz ekonomicheskogo ravnovesiya* [Theory of Value. Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium], Moscow: Delo (in Russian).

- Dosi G., Napoletano M., Roventini A., Stiglitz J., Treibich T. (2020) Rational Heuristics? Expectations and Behaviors in Evolving Economies with Heterogeneous Interacting Agents. *Economic Inquiry*, vol. 58, no 3, pp. 1487–1516. doi: [10.1111/ecin.12897](https://doi.org/10.1111/ecin.12897)
- Ellison G. (2002) The Slowdown of the Economics Publishing Process. *Journal of Political Economy*, vol. 110, no 5, pp. 947–953. doi: [10.1086/341868](https://doi.org/10.1086/341868)
- Ellsberg D. (1961) Risk, Ambiguity, and the Savage Axioms. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 75, no 4, pp. 643–669. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1884324> (accessed 6 March 2026).
- Erev I., Roth A. E. (1998) Predicting How People Play Games: Reinforcement Learning in Experimental Games with Unique, Mixed Strategy Equilibria. *American Economic Review*, vol. 88, no 4, pp. 848–881. Available at: https://www.researchgate.net/publication/4901434_Predicting_How_People_Play_Games_with_Unique_Mixed_Strategy_Equilibria (accessed 6 March 2026).
- Falk A., Fischbacher U. (2006) A Theory of Reciprocity. *Games and Economic Behavior*, vol. 54, no 2, pp. 293–315. doi: [10.2139/ssrn.203115](https://doi.org/10.2139/ssrn.203115)
- Fama E. F. (1970) Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*, vol. 25, no 2, pp. 383–417. Available at: <http://www.e-m-h.org/Fama70.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Fehr E., Schmidt K. (1999) A theory of Fairness, Competition, and Cooperation. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no 3, pp. 817–868. Available at: <https://web.stanford.edu/~niederle/Fehr.Schmidt.1999.QJE.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Frisch R. (1971 [1926]) On a Problem in Pure Economics. *Proceedings of the Preferences, Utility, and Demand: A Minnesota Symposium* (eds. J. Chipman, L. Hurwicz, M. Richter, H. Sonnenschein), New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., pp. 366–409.
- Fox C. R., Tversky A. (1995) Ambiguity Aversion and Comparative Ignorance. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 3, pp. 585–603. doi: [10.1017/CBO9780511803475.031](https://doi.org/10.1017/CBO9780511803475.031)
- Gächter S., Corgnet B., Hernán-González R., Sayre G. M. (2025) No Rest for the Weary: Pay Uncertainty Reduces Engagement in Recovery. *Journal of Applied Psychology*, November 13. doi: [10.1037/apl0001335](https://doi.org/10.1037/apl0001335)
- Gigerenzer G. (1996) On Narrow Norms and Vague Heuristics: A Reply to Kahneman and Tversky. *Psychological Review*, vol. 103, no 3, pp. 592–596. doi: [10.1037/0033-295X.103.3.592](https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.3.592)
- Gigerenzer G. (1998) *Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies*, New York: Oxford University Press.
- Gigerenzer G. (2018) The Bias Bias in Behavioral Economics. *Review of Behavioral Economics*, vol. 5, no 3–4, pp. 303–336. doi: [10.1561/105.000000092](https://doi.org/10.1561/105.000000092)
- Gigerenzer G. (2025) The Rationality Wars: A Personal Reflection. *Behavioral Public Policy*, vol. 9, no 3, pp. 495–515. doi: [10.1017/bpp.2024.51](https://doi.org/10.1017/bpp.2024.51)
- Gigerenzer G., Selten R. (2001) *Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox*, Cambridge, MA: MIT Press.

- Güth W., Kocher M. G. (2014) More than Thirty Years of Ultimatum Bargaining Experiments: Motives, Variations, and a Survey of the Recent Literature. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 108, pp. 396–409. doi: [10.1016/j.jebo.2014.06.006](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2014.06.006)
- Hamermesh D. S. (2013) Six Decades of Top Economics Publishing: Who and How? *Journal of Economic Literature*, vol. 51, no 1, pp. 162–172. doi: [10.1257/jel.51.1.162](https://doi.org/10.1257/jel.51.1.162)
- Heath C., Tversky A. (1991) Preference and Belief: Ambiguity and Competence in Choice under Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, no 4, pp. 5–28. Available at: <https://courses.washington.edu/pbaf-hall/514/514%20Readings/ambiguity%20and%20competence.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Holzknicht A., Bachler S., Huber J., Kirchler M. (2026) From Individual Choices to the Four-Eyes Principle: The Big Robber Game Revisited among Financial Professionals and Students. *Journal of Economic Psychology*, vol. 113, art. 102885. doi: [10.1016/j.joep.2026.102885](https://doi.org/10.1016/j.joep.2026.102885)
- Huberman G., Regev T. (2001) Contagious Speculation and a Cure for Cancer: A Nonevent that Made Stock Prices Soar. *Journal of Finance*, vol. 56, no 1, pp. 387–396. doi: [10.1111/0022-1082.00330](https://doi.org/10.1111/0022-1082.00330)
- Ji-An L. B. (2025) Discovering Cognitive Strategies with Tiny Recurrent Neural Networks. *Nature*, vol. 644, pp. 993–1001. doi:[10.1038/s41586-025-09142-4](https://doi.org/10.1038/s41586-025-09142-4)
- Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, vol. 47, no 2, pp. 313–327. Available at: https://web.mit.edu/curhan/www/docs/Articles/15341_Readings/Behavioral_Decision_Theory/Kahneman_Tversky_1979_Prospect_theory.pdf (accessed 6 March 2026).
- Kahneman D., Tversky A. (1996) On the Reality of Cognitive Illusions: A Reply to Gigerenzer's Critique. *Psychological Review*, vol. 103, no 3, pp. 582–591. Available at: <http://matt.colorado.edu/teaching/high-cog/fall8/kt96.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Kalinin R. G. (2022) Metod vinyetok v onlain issledovanii: izmerenie vospriatiya spravedlivosti [The Method of Vignettes in Online Research: Measuring Perception of Justice]. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sociologii*, vol. 13, no 3, pp. 162–178. doi: [10.19181/vis.2022.13.3.836](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.836) (in Russian).
- Kapeliushnikov R. I. (2013) *Povedencheskaya ekonomika i novyy paternalizm* [Behavioral Economics and New Paternalism]. Working paper WP3/2013/03, Moscow: HSE Publishing House (Series WP3 “Labour Markets in Transition”) (in Russian).
- Kirchler M. (2024) *Do Experimental Asset Market Results Replicate? High-Powered Preregistered Replications of 17 Claims*. Working Papers 2024-12, Innsbruck: Faculty of Economics and Statistics, Universität Innsbruck. Available at: <https://ideas.repec.org/p/inn/wpaper/2024-12.html> (accessed 6 March 2026).
- Konstantinos V., Katsikopoulos Ö. Ş. (2021) *Classification in the Wild: The Science and Art of Transparent Decision-Making*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Lévy-Garboua L., Askari M., Gazel M. (2018) Confidence Biases and Learning among Intuitive Bayesians. *Theory and Decision*, vol. 54, pp. 453–482. doi: [10.1007/s11238-017-9612-1](https://doi.org/10.1007/s11238-017-9612-1)
- Lo A. W., Mueller M. (2010) Warning: Physics Envy May Be Hazardous to Your Wealth! *Journal of Investment and Management*, vol. 8, no 2, pp. 13–63. doi: [10.48550/arXiv.1003.2688](https://doi.org/10.48550/arXiv.1003.2688)

- Loewenstein G., Haisley E. (2006) The Economist As Therapist: Methodological Ramifications of Light Paternalism. Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations. *The Handbook of Economic Methodologies*, vol. 1: *Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations*, Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 285–304.
- Maltese S. (2023) How Can Technologies Help Disclose New Insights into Collective Behaviors? *Journal of Behavioral Economics for Policy*, vol. 7, no 2, pp. 21–32. Available at: https://sabeconomics.org/wordpress/wp-content/uploads/JBEP_7_2_2.pdf (accessed 6 March 2026).
- Marengo L. (2025) Absolute, Average-Based, and Rank-Based Aspirations. *Strategic Management Journal*, vol. 46, no 8, pp. 1930–1946. doi: [10.1002/smj.3715](https://doi.org/10.1002/smj.3715)
- McKee K.R., Bai X., Fiske S. (2024) Warmth and competence in human-agent cooperation. *Autonomous Agents and Multi-Agent Systems*, vol. 38, no 1, art. 23. doi: [10.1007/s10458-024-09649-6](https://doi.org/10.1007/s10458-024-09649-6)
- Mehra R., Prescott E. (1985) The Equity Premium. *Journal of Monetary Economics*, vol. 15, pp. 145–161. Available at: <https://academicwebpages.com/preview/mehra/pdf/The%20Equity%20Premium%20A%20Puzzle.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Mengel F., Ganguli J. (2026) Social Influence and Carbon Dioxide Mitigation. *Journal of Public Economics*, vol. 253, art. 105558. Available at: doi.org/10.1016/j.jpubeco.2025.105558 (accessed 16 March 2026).
- Nagel R. (1995) Unraveling in Guessing Games: An Experimental Study. *American Economic Review*, vol. 85, no 5, pp. 1313–1326. Available at: https://www.researchgate.net/publication/4725772_Unraveling_in_Guessing_Games_An_Experimental_Study (accessed 6 March 2026).
- Nazir S. D. (2023) Survey of Explainable Artificial Intelligence Techniques for Biomedical Imaging with Deep Neural Networks. *Computers in Biology and Medicine*, vol. 156, art. 106668. doi: [10.1016/j.compbiomed.2023.106668](https://doi.org/10.1016/j.compbiomed.2023.106668)
- Neumann J., von, Morgenstern O. (1947) *Theory of Games and Economic Behavior*, 2nd edn., Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century* (translated by Arthur Goldhammer), Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Piketty T. (2023) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century], Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Poddiyakov A. N. (2006) Neperekhodnost' (netrantzitivnost) otnosheniy prevoskhodstva i prinyatie resheniy [Non-Transitivity of Superiority Relations and Decision Making]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics = Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 3, no 3, pp. 88–111 (in Russian).
- Poddiyakov A. N. (2007) Netransitivnost prevoskhodstva pri vzaimodeystviyakh: mezhdistsiplinarnyy analiz [Non-Transitivity of Superiority in Interactions: Interdisciplinary Analysis]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Large-Scale Systems Control], vol. 16, Moscow: Institute of Control Sciences V. A. Trapeznikov Academy of Sciences, pp. 171–182 (in Russian).

- Rabin M. (1993) Incorporating Fairness into Game Theory and Economics. *American Economic Review*, vol. 83, no 5, pp. 1281–1302. Available at: <https://depeco.iseg.ulisboa.pt/summerschool2007/Rabin.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Reuben E., Li S. X., Suetens S., Svorenčik A., Turocy T., Kotsidis V. (2022) Trends in the Publication of Experimental Economics Articles. *Journal of the Economic Science Association*, vol. 8, pp. 1–15. doi: 10.1007/s40881-022-00117-z
- Rizzo M. (2025) Normative Rationality after Behavioral Economics: What is Left? *Behavioral Public Policy*, no 1, pp. 1–10. doi: 10.1017/bpp.2025.10019
- Rizzo M., Viale R. (2025) Editorial: Behavioral Paternalism. *Mind & Society*, vol. 24, pp. 449–451. doi:10.1007/s11299-025-00357-6
- Robbins L. (1935) *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, 2nd edn., London, UK: Macmillan and Co.
- Samuels R., Stephen S., Bishop M. (2002) *Ending the Rationality Wars: How to Make Disputes About Human Rationality Disappear*, New York: Oxford University Press.
- Sapolsky R. (2021) *Psikhologiya stressa* [Psychology of Stress], 3rd edn., St. Petersburg: Peter. (in Russian).
- Shefrin H., Statman M. (1985) The Disposition to Sell Winners too Early and Ride Losers too Long: Theory and Evidence. *Journal of Finance*, vol. 40, no 3, pp. 777–790. Available at: <https://people.bath.ac.uk/mn-srf/Teaching%202011/Shefrin-Statman-85.pdf> (accessed 6 March 2026).
- Simon H. (1993) Rationalnost kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as a Process and Product of Thinking]. *THESIS*, no 3, pp. 16–38 (in Russian).
- Simon H. (1955) A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 69, no 1, pp. 99–118. Available at: https://cooperative-individualism.org/simon-herbert_a-behavioral-model-of-rational-choice-1955-feb.pdf (accessed 6 March 2026).
- Taleb N. (2024a) *Odurachennye sluchaynostyu* [Fooled by Randomness], Moscow: Kolibri (in Russian).
- Taleb N. (2024b) *Statisticheskie posledstviya zhyrkikh khvostov: o novykh vychislitelnykh podkhodakh k priyatnyu resheniy* [Statistical Consequences of Fat Tails: Real World Pre-asymptotics, Epistemology, and Applications (Technical Incerto)], Moscow: Kolibri; Azbuka-Attikus (in Russian).
- Taleb N. N., Blyth M. (2011) The Black Swan of Cairo. *Foreign Affairs* (electronic journal). Available at: <https://www.foreignaffairs.com> (accessed 6 March 2026).
- Thaler R. (2016) Behavioral Economics: Past, Present, and Future. *American Economic Review*, vol. 106, no 7, pp. 1577–1600. doi: 10.1257/aer.106.7.1577
- Thaler R. (2017) Behavioral Economics. *Journal of Political Economy*, vol. 125, no 6, pp. 1799–1805. doi:10.1086/694640
- Thaler R., Bernartzi S. (2004) Save More Tomorrow: Using Behavioral Economics to Increase Employee Savings. *Journal of Political Economy*, vol. 112, no 1, pp. S164–S187. doi: 10.1086/380085

- Thaler R., Sunstein C. (2003) Libertarian Paternalism. *American Economic Review*, vol. 93, no 2, pp. 175–179. doi: [10.1257/000282803321947001](https://doi.org/10.1257/000282803321947001)
- Thaler R., Sunstein C. (2008) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*, New Haven: Yale University Press.
- Thaler R., Sunstein C. (2017) *Nudge: Arkhitektura vybora* [Nudge: The Subtle Art of Choice Architecture], Moscow: MIF (in Russian).
- Thaler R. H., Sunstein C. R., Balz J. P. (2014) Choice Architecture. *The Behavioral Foundations of Public Policy* (ed. E. Shafir), Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 3–33.
- Upravitelev A. A. (2023) Neoklassicheskie korni povedencheskoy ekonomiki [Neoclassical roots of behavioral economics]. *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, no 1 (58), pp. 110–140. doi: [10/31737/22212264_2023_1_110](https://doi.org/10/31737/22212264_2023_1_110) (in Russian).
- Us-Salam D. (2025) Mitigating Vulnerability: The Role of Risk Warnings, Information Order & Salience in Crypto Assets. *Research Technical Papers*, 9/RT/25, Central Bank of Ireland. Available at: <https://ideas.repec.org/p/cbi/wpaper/9-rt-25.html> (accessed 18 March 2026).
- Vranas P. (2000) Gigerenzer's Normative Critique of Kahneman and Tversky. *Cognition*, vol. 76, no 3, pp. 179–193. doi: [10.1016/S0010-0277\(99\)00084-0](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(99)00084-0)

Received: October 6, 2025

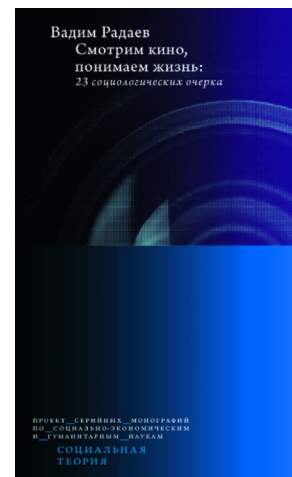
Citation: Ilina Zh. (2026) Sovremennaya povedencheskaya ekonomika: poisk novoy paradigmy [Contemporary Behavioral Economics: Searching for a New Paradigm]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 111–141. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-111-141](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-111-141) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

А. Г. Дейнеко

Право и кино: размышления правоведа над книгой В. В. Радаева «Смотрим кино, понимаем жизнь»

Рецензия на книгу: Радаев В. В. 2025. *Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка*. Изд. 3-е, доп. М.: Изд. дом ВШЭ (серия «Социальная теория»). 464 с.

ДЕЙНЕКО Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, профессор департамента права цифровых технологий и биоправа НИУ ВШЭ, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, государственный советник Российской Федерации 2-го класса. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: adeineko@hse.ru

Обзор посвящён книге доктора экономических наук, первого проректора НИУ ВШЭ Вадима Радаева «Смотрим кино, понимаем жизнь», впервые увидевшей свет в 2023 г. и дважды переизданной — в 2024 и 2025 гг. Эта книга стала результатом систематизации материалов уникального проекта по проведению на факультете социальных наук Высшей школы экономики Рождественских киносеминаров, которые длятся уже более 20 лет. Этот новаторский опыт стал одним из первых в своём роде и впоследствии был подхвачен многими университетами. Несмотря на то что материалы киносеминаров представлены в открытом доступе на сайте Высшей школы экономики, автор книги принял решение составить краткие эссе, резюмирующие ход и содержание дискуссий.

Обзор книги представляет взгляд правоведа на социальные проблемы и вызовы, отражённые в Радаевым в 23 эссе, включённых в третье издание сборника. Анализируются не все эссе, а только те из них, которые, по мнению автора рецензии, могут быть востребованы в образовательном процессе на факультете права. Рассматриваются как сугубо юридические вопросы, поставленные в фильмах и разобранные социологами (например, роль суда присяжных в современном обществе), так и применимость различных социологических концепций (например, теории поколений) к решению задач, стоящих перед юридической наукой. Показано, что многие правовые категории (такие, как правосознание, правовая культура, правовой нигилизм) имеют большой потенциал для изучения социологической наукой. Не обошлось и без влияния цифровых технологий на право и общество (данным вопросам посвящены три завершающих эссе книги).

Ключевые слова: правосознание; правовая культура; правовой нигилизм; теория поколений; образовательная политика; суд присяжных; цифровые технологии.

Введение

Писать критику на научный труд вышестоящего руководителя (пусть и опосредованного) — задача нетривиальная. Данная публикация меньше

всего стремится к формату положительной или отрицательной рецензии, но тяготеет к формату «размышлений, а не строго научного текста», как Вадим Радаев сам определяет свою книгу в предисловии к ней [Радаев 2025: 10].

В издании книги 2025 г., третьем и дополненном, представлено 23 эссе. Комментировать каждое из них было бы избыточно, поэтому выберем наиболее яркие из них и посмотрим на них глазами правоведа.

Эссе 1,2 и 9: изучая российский народ

Профессия социолога, как известно, заключается в изучении общества. Если же попытаться провести грань между понятиями «современное российское общество» и «народ», то анализ этого последнего кинематографом стоит начать с «бандитского» жанра.

Выбранные автором книги «Брат-2» (2000 г.) и «Бумер» (2003 г.) режиссёров А. Балабанова и П. Буслова и краткие обращения к сериалам «Бригада» (2002 г.) и «Бандитский Петербург» (2000 г.) режиссёров А. Сидорова и А. Константинова вполне репрезентативны, но всё же оставили ощущение недосказанности. Было бы интересно увидеть динамику, проследить, как менялось с годами творческое осмысление противостояния организованных преступных группировок и сил правопорядка. Эту динамику, в свою очередь, было бы интересно сопоставить с результатами социологических опросов последних десятилетий об отношении общества к преступности.

Ещё одно и более глубокое погружение автора рецензируемой книги в тему русского народа — деконструкция «русской национальной» охоты и рыбалки через одноимённые комедии А. Рогожкина. Отфильтровав юмор и лишние сюжетные ответвления, автор зрит в корень, рассматривая эти мужские занятия как особую коллективную медитацию. Этот блок киноматериала объединяет с первым то, что для кинорежиссёров носители «русского народного» живут не в столицах, а в провинции. На бескрайних просторах нашей страны человеку легче раскрывать свои душевные качества, чем в тесных клетках мегаполисов.

Для правоведа проблема обывательского правосознания и здесь выходит на первый план: герои кинокомедий не состоят в ОПГ, как в первом эссе, но систематически демонстрируют пренебрежение к нормам права — будь то неоднократные пересечения государственной границы, нарушение правил авиаперевозок и обращения с оружием, браконьерство и многие другие правонарушения. Окружающие относятся к действиям героев с пониманием и почти не пытаются их остановить. Похожее отношение «глубинного» народа мы видим и к бандитам в фильмах из первого эссе. Появляющиеся время от времени представители органов власти (пограничники, рыбнадзор, гаишники, военные и др.) быстро исчезают из кадра либо встраиваются в общий хаос сюжета. Причины глубокой укоренённости таких взглядов на власть и закон в народе — тема, в которой нам не помешала бы помощь социологов.

Эссе 3–5, 17 и 20: поколенческий анализ

Далее автор переходит ещё к одной важной для гуманитарных наук проблематике — к взаимоотношениям поколений. Этой теме посвящены и другие монографии автора, где он также подкрепляет свои размышления обширным объёмом данных [Радаев 2022; 2023]. В рецензируемой книге В. Радаев обращается к трём портретам киногероев из 1980-х, 1990-х и 2000-х годов. Несколько упрощая нарисованную автором картину, можно сказать, что типичный представитель поколения «X» болтался без дела на закате советского периода (юноша Иван в фильме «Курьер» режиссёра К. Шахназарова, 1986 г.), затем агрессивно ворвался в мир свободного рынка и передела собственности (хакер Иван средних лет в фильме «Лимита» режиссёра Д. Евстигнеева, 1994 г.), а с наступлением эпохи стабильности стал об-

ращаться к своим корням и искать «точку заземления» (глава семейства Иван в фильме «Возвращение» режиссёра А. Звягинцева, 2003 г.).

Автор книги вновь возвращается к поколенческой теме в эссе, посвящённом фильму «Кислота» режиссёра А. Горчилина (2018 г.). Обращает на себя внимание важное дополнение современной поколенческой теории: конфликт «отцов и детей» предполагает наличие между ними коммуникации. Современные же отношения поколений «X» и «Z», по мнению автора В. Радаева, характеризуются отсутствием коммуникации: «Сегодняшние дети конфликтуют с родителями значительно меньше или даже не конфликтуют вовсе, отношения между отцами и детьми заметно улучшились, это отмечают многие. Но из этого не следует, что между ними сохраняется понимание» [Радаев 2025: 315]. Вину за это автор мудро возлагает не на «зумеров», а на «иксов», многие из которых на рубеже столетий сами потеряли веру в правильность своих действий и перестали навязывать поведенческую линию «зумерам», у которых, в свою очередь, исчезла «опорная точка» для протеста.

«Трансляция ценностей» от старших поколений к младшим действительно сократилась, но критика осталась и даже усилилась. «Зумеры» являются, пожалуй, самым критикуемым поколением за то, что «живут в цифре», «не оправдывают ожиданий», «ничего не хотят» и тому подобное. Они, в свою очередь, критикуют «иксов» и «бумеров» за чрезмерное вмешательство в их личную жизнь и за то, что они «скупили всю недвижимость», а теперь требуют от них сопоставимых успехов. Наличие такой критики, с которой выступают не только члены семьи, но и нередко публичные политики разных уровней, свидетельствует о том, что конфликт «отцов и детей» в нашем обществе сохраняется, пусть и в изменённом виде.

Ещё более интересным видится приложение поколенческой теории к вопросам развития университетского образования на примере английского сериала «Кафедра» («The Chair») режиссёров Д. Бениоффа и Д. Б. Уайсса (премьера: 2021 г.). Эта тема глубоко нас волнует, но, не углубляясь в неё, отметим ключевые тезисы автора книги. Поколение нынешних студентов требовательнее к университету, активнее в защите своих прав, но вместе с тем и ранимее. Эти обстоятельства нужно учитывать преподавателям, но не ценой отказа от своих принципов и, как сказано в одном из фильмов, «превращения университета в супермаркет» (нам кажется более уместным термин «маркетплейс»). Отсюда следует, что руководству университетов не надо метаться между интересами студентов и преподавателей, оно должно выстраивать взаимоуважительный диалог и поддерживать академический дух.

Эссе 7 и 13: суд присяжных

Продолжая тематику высшего образования, стоит указать на проблему переизбытка образовательного контента разной степени качества и доступности. В рамках реализации учебных курсов по конституционному праву в различных университетах нами сформирован перечень из 35 фильмов, которые рекомендуются будущим юристам для самостоятельного просмотра с последующим обсуждением на семинарских занятиях. Одним из двух совпадений нашего списка с фильмами, рассмотренными в книге, является фильм «12» режиссёра Н. Михалкова (2007 г.). Его нельзя назвать учебным для юристов в строгом смысле слова, поскольку вопросы уголовного процесса в нём, по существу, не ставятся, и даже численность присяжных в России иная: 6–8 человек.

По версии автора, режиссёр ставит в фильме главный для всей социологии вопрос: «Как возникает социальный порядок?» [Радаев 2025: 118]. В отличие от американского прототипа, герои которого сходятся во мнении, что закон превыше всего, отечественные присяжные в итоге приходят к выводу, что милосердие выше закона. При этом, проявив милосердие, потратив своё время на то, чтобы разобраться в непростом уголовном деле, присяжные разбегаются по своим делам, не предприняв никаких

дальнейших действий. Режиссёр несколько девальвирует в лице старшины присяжных ценность этого гражданского института, показывая, что решения одного лидера важнее. Согласимся с мнением автора книги, что таким образом режиссёр через своего героя выражает личные общественно-политические взгляды.

Тема судов присяжных представляется нам исключительно важной областью исследований для социологии. Не секрет, что этот институт не пользуется в нашей стране большим доверием граждан, а их мотивация к участию в таких судебных процессах близка к нулю. Потенциал правовых мер по развитию данного института в нашей стране, по всей видимости, исчерпан. Если социологическая наука сможет составить портрет современного присяжного, понять глубинные причины позитивной и негативной мотивации граждан к участию в работе судов присяжных, то правоведы, в свою очередь, смогут предложить новые инструменты для укрепления этого института в нашей стране.

Обращение автора к социологии современного быта на примере Русского Севера на материале фильма «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» режиссёра А. Кончаловского (2014 г.), также возвращает нас к теме судов присяжных. Хрестоматийными контрпримерами эффективной работы судов присяжных обычно выступают национальные республики Кавказа и Поволжья, где родственные и клановые связи существенно осложняют формирование коллегий из граждан, не связанных с фигурантами конкретного дела. Однако и в случае с Архангельской областью, где происходит действие фильма Кончаловского, нам доводилось слышать жалобы на трудности формирования коллегий. Наряду с родственными связями в сельской местности с низкой плотностью населения проблема усугубляется алкоголизацией и нередко наличием судимости у части жителей. Но главным препятствием является то, что суд присяжных не укоренился в картине мира сельских жителей как полезный социальный институт. В анализе и решении этой проблемы нам тоже должна помочь социологическая наука.

Несмотря на то что автор книги в 13-м — символическом? — очерке выносит суровый приговор всей гуманитарной науке, говоря о том, что «на нашей почве более успешно развиваются науки, построенные на формальной (математической) логике, и значительно хуже обстоят дела с науками, основой развития которых является рефлексивность, обращённая на самое себя, способность постоянно подвергать критике собственные основания, аксиоматику» [Радаев 2025: 243], мы не теряем оптимизма и верим в перспективы отечественных общественных наук.

Эссе 14: советские следователи

Второе из совпадений авторского «списка 23» с нашим «списком 35» — позднесоветская драма «Остановился поезд» режиссёра В. Абдрашитова. Эту работу 1982 г. нельзя отнести ни к учебным фильмам об уголовном процессе, ни к фильмам о «хорошем следователе», каких в СССР было достаточно. Режиссёр подчёркивает двойственность, антиномичность позднесоветского общества, правосознание которого остаётся, на наш взгляд, недостаточно изученным. Это не было общество людей, разочаровавшихся в коммунизме, но и обществом строителей коммунизма оно тоже не было. Это общество по-прежнему настороженно относилось к диссидентам, но и с иронией смотрело на ярых сторонников «мировой революции». Вот и в фильме единственный последователь принципа законности (следователь прокуратуры) сталкивается с коллективным противостоянием общества — от простых работяг до местных руководителей — и оттого оказывается чужим, почти пришельцем. Причина тому — его неприятие укоренившихся правил поведения: не нарушай по-крупному, иначе сядешь в тюрьму, но делать всё строго по правилам вообще невозможно, иначе всё развалится.

Эссе 21–23: технологический блок

Последние по хронологии эссе посвящены кинофильмам, в той или иной мере связанным с технологическими проблемами роботизации, этическими пределами применения искусственного интеллекта (ИИ) и, в частности, повсеместной практики «подталкивания» (*nudge*) граждан к избыточному потреблению. В названии предпоследнего эссе — «Можно ли полюбить искусственный интеллект («Она», 2013 г.) — слышится вопрос. Наш ответ на этот вопрос будет, к сожалению, положительным. Современные алгоритмы ИИ, взаимодействующие с человеком, намеренно проектируются так, чтобы вызывать чувство доверия, комфорта и защищённости, это абсолютно не означает, что они не могут быть использованы против нас. Степень влияния таких технологий на наше поведение постоянно возрастает, и коренным образом меняет суть социальных взаимодействий.

Запрещать подобные технологии уже, по-видимому, поздно, но установить для них современное и человекоориентированное правовое регулирование — первоочередная задача развитых стран. Вот и автор, отвечая на вопрос «Что делать?», пишет: «Пора переносить фокус на самого человека» [Радаев 2025: 419]. А ведь это и есть гуманизм (лат. *humanus*) в его исходном, неиспорченном понимании.

Заключение

Книга поставленными в ней вопросами, которые имеют ярко выраженный междисциплинарный характер, претендует на выход за пределы социологического научного сообщества. Это создаёт у читателя впечатление, что она гораздо ближе к проблемам реальной жизни, чем академические исследования сугубо теоретического характера. Художественное кино — прекрасный иллюстративный материал для изучения общества. Для правоведа кинематографическое произведение — не просто «зафиксированная серия связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком)», как его определяет ч. 1 ст. 1263 части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, но ещё и значимое культурное явление, хранилище национального культурного кода, инструмент трансляции или деконструкции определённых ценностей и, не в последнюю очередь, акт реализации конституционного права личности на свободу творчества.

Книга изобилует афористичными мыслями, природа которых не всегда понятна — это результат то ли жизненного опыта автора, то ли его профессиональной эрудиции. Возможно, то и другое. Хочется порадоваться за автора, которому удалось систематизировать и представить свои научные взгляды на российское общество в столь оригинальном формате. В нашей стране не так много книг такого рода, но именно они отражают то, что действительно волнует общество. Учёный, не связанный формальными критериями публикационной активности, выражает себя намного интереснее, и книга В. В. Радаева — хорошее тому доказательство.

Литература

- Радаев В. В. 2022. *Преподавание в кризисе*. М.: Изд. дом ВШЭ (серия «Библиотека журнала “Вопросы образования” »).
- Радаев В. В. 2023. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Изд. 3-е, перер. и доп. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Радаев В. В. 2025. *Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка*. Изд. 3-е, доп. М.: Изд. дом ВШЭ (серия «Социальная теория»).

NEW BOOKS

Aleksei Deineko

Law & Movie: Reflections of a Lawyer on V. Radaev's Book *Watching Movies, Understanding Life*

Book Review: Radaev V. V. (2025) *Smotrim kino, ponimaem zhizn* [Watching Movies, Understanding Life: 23 Sociological Essays], 3rd edn., Moscow: HSE Publishing House. 464 p. (in Russian).

DEINEKO, Aleksei —

Candidate of Legal Sciences, Professor, School of Digital Law and Bio-Law; Associate member, the HSE UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights, HSE University; State Councilor of the Russian Federation, 2nd class. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: adeineko@hse.ru

Abstract

The review is dedicated to the book by Vadim Radaev, Doctor of Economics and First Vice-Rector of the HSE University, *Watching Movies, Understanding Life*, first published in 2023 and republished in 2024 and 2025. This book results from a unique project at HSE University's Faculty of Social Sciences, running for over 20 years. This pioneering experience was among the first of its kind in Russia and has since been adopted by many universities. Despite the fact that the materials of the film seminars are publicly available on the HSE University website, the author compiled brief essays summarizing the course and content of the discussions.

The review presents a legal scholar's perspective on the social issues and challenges reflected in the 23 essays of the book's third edition. The review does not analyze all essays but focuses on those the author deems relevant to the educational process at HSE University's Faculty of Law. The article examines purely legal issues raised in the films and discussed by sociologists (for example, the role of the jury system in modern society), as well as the applicability of so-

ciological concepts (such as generation theory) to legal science challenges. It demonstrates that many legal categories—such as legal consciousness, legal culture, and legal nihilism—hold great potential for sociological study. The book also discusses the impact of digital technologies on law and society in its three final essays.

Keywords: legal awareness; legal culture; legal nihilism; generational theory; educational policy; jury trial; digital technologies.

References

Radaev V. V. (2022) *Prepodavanie v krizise* [Teaching in Crisis], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Radaev V. V. 2023. *Millenialy: kak menyaetsja rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing], 3rd edn., Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Radaev V. V. (2025) *Smotrim kino, ponimaem zhizn* [Watching Movies, Understanding Life: 23 Sociological Essays], 3rd edn., Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

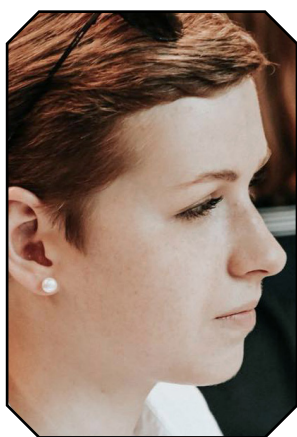
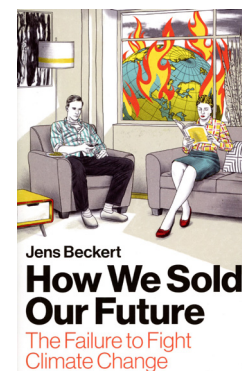
Received: November 7, 2025

Citation: Deineko A. (2026) Pravo i kino: razmyshleniya pravoveda nad knigoy V. V. Radaeva «Smotrim kino, ponimaem zhizn» [Law & Movie: Reflections of a Lawyer on V. Radaev's Book *Watching Movies, Understanding Life*. Radaev V. V. (2025) *Smotrim kino, ponimaem zhizn* [Watching Movies, Understanding Life: 23 Sociological Essays], 3rd edn., Moscow: HSE Publishing House]. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 142–148. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-142-148](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-142-148) (in Russian).

Д. Р. Лебедева

Климатический кризис как экономсоциологическая проблема¹

Рецензия на книгу: Beckert J. 2024. *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*. Cambridge: Polity Press (translated by Ray Cunningham). 227 p.

ЛЕБЕДЕВА Дарья Руслановна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), преподаватель кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dlebedeva@hse.ru

В последние десятилетия антропогенное изменение климата как результат деятельности человека с промышленной революции, связанный с ускоренным сжиганием ископаемого топлива, выбросами парниковых газов, изменением землепользования и вырубкой лесов, достигло своего предела и было названо климатическим кризисом. С позиции социальных наук климатический кризис — это не только и не столько геофизическое явление, сколько социально-экономический и политический провал, неизбежный продукт структур капиталистического модерна.

Книга Йенса Беккерта, профессора социологии и директора Института Макса Планка по изучению обществ, «Как мы продали наше будущее. Неудача в борьбе с изменением климата», изданная в 2024 г., предлагает системный анализ причин неспособности современных обществ адекватно реагировать на климатический кризис. Автор предлагает структурный анализ системного тупика, объясняя, почему давление парадигмы экономического роста в рамках современного капитализма слишком сильно для своевременной реакции на климатический кризис. Строя своё рассуждение вокруг понятия «капиталистическая современность», автор демонстрирует, каким образом сплав экономических институтов (ориентация на прибыль, конкуренция, кредит), политических структур (государство, уровни власти, лобби) и культурных паттернов (индивидуализм, вера в прогресс, природа как ресурс) блокирует необходимые изменения. Беккерт последовательно демонстрирует, как логика краткосрочной выгоды определяет поведение ключевых акторов — нефтяных корпораций, использующих «политику неопределённости» и «политику ожиданий», государств, попавших в ловушку политических циклов и зависимости от бизнеса, а также потребителей, чья идентичность укоренена в культуре безграничного потребления. Отдельное внимание уделяется критике парадигмы «зелёного роста», которая, по мнению автора, является опасной иллюзией, не меняющей структур капиталистической современности. При разработке мер климатической политики, придерживаясь «взвешенного реализма», автор делает ставку на низовые гражданские инициативы и поиск политически достижимых мер, учитывающих интересы государства, экономики и общества. Книга вносит значимый вклад в экономическую социологию,

¹ В работе использованы результаты проекта «Динамика потребительского, финансового и трудового поведения российского населения в новой геополитической ситуации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

предлагая концептуальную рамку для понимания климатического кризиса как провала не только рынка, но и государства и культуры.

Ключевые слова: климатический кризис; поликризис; капиталистическая современность; «зелёный рост»; климатическая политика; провал рынка; гражданское общество.

Введение: взвешенный реализм вместо безрадостного будущего

В настоящее время в общественных науках всё чаще звучит концепция поликризиса (*polycrisis*), описывающая взаимную связь и усиление множественных системных кризисов — климатического, экономического, геополитического, стратификационного. Как отмечал немецкий социолог Йенс Беккерт, климатический кризис выступает центральным узлом этого переплетения, поскольку обнажает глубинные противоречия современных социально-экономических моделей [Лебедева 2024].

Под климатическим кризисом понимается совокупность изменений в погодных условиях планеты, которые действуют и усугубляются на протяжении последних десятилетий, угрожая стабильности экосистемы Земли. В этом смысле климатический кризис становится пиковой точкой в антропогенном изменении климата², когда экстремальные погодные явления имеют значительное и даже катастрофическое влияние на жизнь на Земле из-за экономической зависимости общества от ископаемого топлива [Gabric 2023]. Научный консенсус относительно климатического кризиса фиксируется в отчётах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC). Антропогенное воздействие на климат началось с Промышленной революции, однако публичная история осознания проблемы насчитывает около 40–50 лет, а переломным моментом в терминологии можно считать 2019 г., когда на площадке ООН стали всё чаще звучать тезисы о том, что изменение климата происходит быстрее, чем предсказывали ведущие мировые учёные, и «борьба с этим — это борьба за наши жизни» [United Nations 2019]. Беккерт рассматривает кризис в более долгосрочной перспективе и полагает, что изменение климата — это неизбежный продукт структур капиталистического модерна, которые развивались на протяжении последних 500 лет истории.

Акцент на взаимосвязи экономики, политики, окружающей среды и климата становится одним из центральных трендов в современной экономической социологии [Engels 2020; Wansleben 2024]. В частности, дискуссии об изменении климата и экологизации экономики через трансформации институтов, системы власти и культурных паттернов уже несколько лет ведутся на пересечении экономической и инвайронментальной социологии, фокусируясь на роли финансовых рынков, корпораций, государства и потребительских практик³. В эту актуальную и теоретически насыщенную дискуссию весомый вклад вносит новая книга директора Института Макса Планка по изучению обществ (Max Planck Institute for the Study of Societies, MPIfG) Йенса Беккерта «How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change» («Как мы продали наше будущее. Неудача в борьбе с изменением климата»).

Книга посвящена системному анализу причин неспособности современных обществ, несмотря на наличие научного консенсуса и технологических решений, адекватно реагировать на климатическую угрозу. Отказываясь от алармизма и поиска простых рецептов, Беккерт ставит перед собой задачу социологического объяснения этого тупика и опирается на обширный корпус социально-научных исследований, используя статистические и отраслевые данные, кейс-стади и исторические примеры. Работа

² В частности, 2024 г. стал самым тёплым за всю историю наблюдений с повышением глобальной средней температуры на 1,6°C [Kampmann 2026]; растут частота и интенсивность экстремальных погодных явлений, ассоциированных с изменением климата.

³ См. подробнее выпуски электронной новостной рассылки: *Economic Sociology. Perspectives and Conversations*. Available at: <https://econsoc.mpifg.de/> (accessed 4 March 2026).

Беккерта — это социально-философское эссе, построенное на вторичном анализе данных и синтезирующее существующие теории и исследования, а также макроэкономические статистики, используемые для доказательства теоретических тезисов.

Книга начинается с ряда зарисовок опустошённых природных ландшафтов и экосистем Аляски, Пакистана, Калифорнии, Германии. Автор прямо заявляет: несмотря на почти полувековой научный консенсус о катастрофичности антропогенного изменения климата и наличие технических решений для него, глобальные общества демонстрируют устойчивую неспособность предпринять адекватные меры для снижения его темпов и совладания с последствиями. Проблематика книги строится вокруг следующего вопроса: «Если мы знаем, что и как делать, почему общества бездействуют?» (р. 3). Такая постановка вопроса переводит дискуссию о климатических изменениях из плоскости естественных наук в домен социологического анализа властных отношений, культурных паттернов и институциональных механизмов. Автор проблематизирует самого агента изменений, спрашивая: «Кто эти “мы”?» (р. 5), — и тем самым акцентируя, что изменение требует действий конкретных акторов, обладающих ресурсами и властью.

По мнению автора, доминирующие социальные структуры современности поощряют ориентацию всех акторов на краткосрочную выгоду (квартальная прибыль, электоральные циклы, импульсивное потребление), тогда как результаты дорогостоящих климатических действий отложены и достанутся будущим поколениям, что создаёт системное дисконтирование будущего. Также Беккерт вводит этический аргумент: природа не может защитить себя, потому что у неё нет собственного голоса (р. 11). Таким образом, климатический кризис становится манифестацией противоречий между принципами капиталистической современности и сохранением природных основ жизни. Признавая важность существующего климатического регулирования (прежде всего Парижского соглашения), автор книги утверждает, что предпринимаемые меры несопоставимы масштабу угрозы. Он подкрепляет это утверждение эмпирическими данными, апеллируя, например, к выводам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) о «великом ускорении» (*the great acceleration*) роста температуры атмосферы и к показателям разрыва между целями Парижского соглашения и прогнозами на основе текущей политики (р. 7).

Впрочем, Беккерт отказывается от алармистской риторики, называя свой взгляд «взвешенно реалистичным» (*considered realism*). Через эту оптику, парафразируя Вальтера Беньямина, призывает «организовать пессимизм» [Benjamin 1999], возникающий при наблюдении климатических изменений, то есть придать ему концептуальную структуру (р. 9). Не стремясь предложить конкретные шаги (Беккерт считает это невыполнимым, называя климатический кризис злой проблемой (*wicked problems*), не имеющей простых технических решений), автор книги стремится показать, как именно экономические, политические и социальные механизмы препятствуют адекватному реагированию общества на климатический кризис.

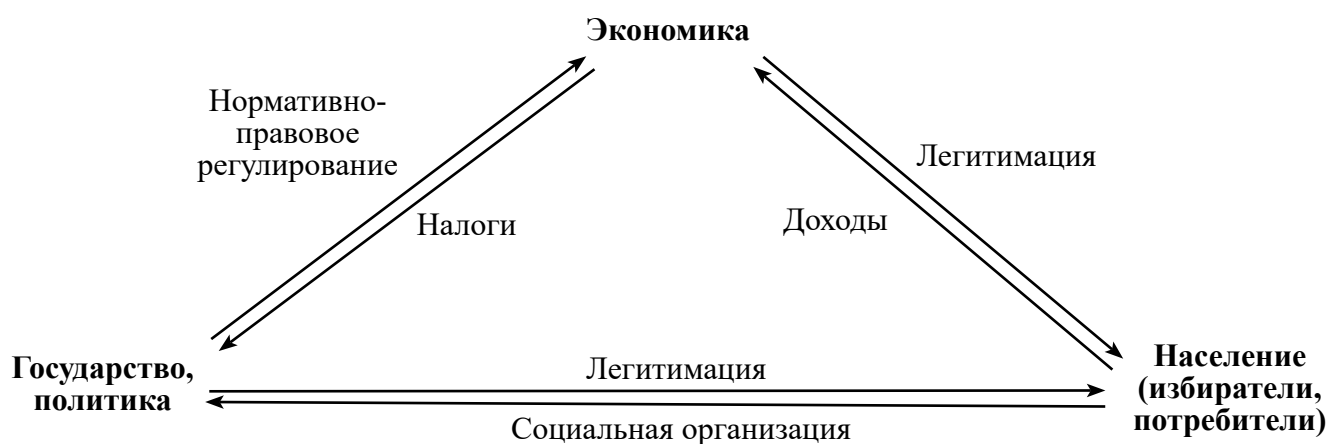
Книга состоит из девяти глав, и первая глава выполняет роль введения, формулируя проблему книги. Далее, в главе 2, описаны институциональные и культурные механизмы капиталистической современности, определяющие действия компаний, государств, граждан и потребителей в условиях климатического кризиса. В главах 3–6 показано, как эти механизмы трансформируются в конкретное экономическое, государственное и потребительское поведение, кумулятивно ведущее к неадекватной реакции общества на изменение климата. Затем, в главах 7 и 8, рассматривается и критикуется парадигма «зелёного роста» (*green growth*) как варианта решения климатического кризиса. И наконец, в заключительной главе 9 автор формулирует возможные варианты действий на социетальном уровне.

Капиталистическая современность: экономические и культурные механизмы, лежащие в основе климатических изменений

В главе 2 Беккерт подробно объясняет, что он имеет в виду под ключевым для всей книги понятием «капиталистическая современность» (*capitalist modernity*). Это модель общества, которая характеризуется рыночными и ориентированными на прибыль экономическими структурами, а также тесно переплетёнными с ними политическими и культурными паттернами, такими как стремление к индивидуализму и вера в прогресс (р. 15). Именно через призму этих двух аспектов Беккерт предлагает анализировать причины неэффективной реакции общества на климатический кризис.

Автор книги показывает, как в течение последних 500 лет складывался социальный порядок, определяющий наше взаимодействие с природой. В экономической сфере сформировались ключевые институты капитализма (частная собственность, наёмный труд, конкуренция, кредит), чему активно способствовало государство. Принцип бесконечного капиталистического роста, который Беккерт, следуя за Й. Шумпетером, называет созидательным разрушением (*creative destruction*), иллюстрируется данными об увеличении потребления угля, нефти и газа с 1900 г. в 14 раз [Martin-Amouroux 2022]. Окружающая среда в этой парадигме рассматривается как источник ресурсов, а её разрушение — как экстерналия. «Изменение климата — это крупнейший провал рынка (*market failure*) всех времён», — цитирует Беккерт эксперта в области финансовых рынков Мартина Хокка [Hock 2023] (р. 21).

В мире капиталистической современности доминирует экономическая система, поскольку именно она создаёт материальные блага и богатство на микро- и макро- (глобальном) уровнях. И всё же, по мнению автора, капиталистическая современность шире просто рыночной экономической системы, для её понимания необходимо учитывать взаимоотношения между экономикой, государством и обществом, которые Беккерт визуализирует схемой, представленной на рисунке 1.

Источник: [Beckert 2024: 25]. Перевод с английского автора рецензии.

Рис. 1. Взаимосвязь между экономикой, государством и обществом

Логика Беккерта такова: государство нуждается в налоговых поступлениях и легитимности, экономика — в регулировании и спросе. При этом экономическая система обладает структурной властью благодаря своей роли в создании богатства. В результате, ни у одного из социальных акторов нет достаточных стимулов брать на себя издержки по реализации дорогостоящих и непопулярных климатических мер: компании выступают против роста издержек, государство избегает решений, замедляющих экономику, а граждане сопротивляются ограничениям потребления. Политическое вмешательство ни-

когда не было достаточным и, по сути, лишь откладывало решение проблемы, поэтому климатический кризис является величайшим государственным провалом всех времён (р. 25).

Далее автор показывает, как экономическая сфера подкрепляется «культурной идентичностью капиталистической современности» (р. 28), выделяя три ключевых сдвига: (1) восприятие природы как внешнего объекта для эксплуатации (для этого тезиса Беккерт ссылается на экономических антропологов (см.: [Daston 1995; Descola 2013; Chakrabarty 2021; Nickel 2021]) и мыслителей Просвещения, прежде всего на Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта); (2) идея линейного прогресса и открытого будущего [Koselleck 2004], заложившая культурную основу для ориентации на рост и приведшая человечество в эпоху антропоцена⁴ [Moore 2015] (р. 28–30); (3) возвышение морали индивидуализма, при котором социальный статус стал определяться потреблением (р. 30–32).

Глава 2 завершается неутешительным выводом Беккерта о том, что именно мощная и экономически эффективная комбинация экономических институтов — рынков, инвестиций и кредита — с социально-культурными ценностями современности препятствует адекватному ответу на разворачивающееся экологическое разрушение. «Ни в одной отрасли это не проявляется так очевидно, как в индустрии ископаемого топлива», — заключает автор (р. 33), переходя в следующей главе к анализу крупных нефтяных корпораций (Big Oil).

Как институты приводят к нынешней неадекватной реакции на изменение климата

В третьей главе — «Большая нефть» («Big Oil») — речь идёт о формировании структурами капиталистической современности стратегий нефтедобывающих компаний, которые Беккерт характеризует как «паразитическое поведение по отношению к общественным благам природы» (р. 34). С конца 1980-х гг. эти корпорации вносили вклад в распространение сомнений в климатических изменениях, чтобы отсрочить их политическое регулирование. Через лоббирование, замалчивание «неудобного» знания и PR-кампании они пытались уклониться от ответственности, защищая легитимность отрасли и препятствуя эффективному регулированию (р. 36–39).

Основной тезис главы заключается в том, что действия нефтяных корпораций — классический пример «политики неопределённости» и «политики ожиданий», схожей с действиями табачной индустрии [Brandt 2012], когда научные данные систематически оспариваются не ради истины, а ради политической борьбы, в которую включены и собственно бизнес, и государство, и инвестиционный сектор (как банки, так и частные инвесторы), и даже потребители (р. 45–46).

В качестве яркого эмпирического примера Беккерт апеллирует к внутренним документам компании ExxonMobil, в которых корпоративные учёные эксплицировали риски глобального потепления от сжигания ископаемого топлива (р. 39) и вместе с тем поддерживали многомиллионными суммами аналитические центры (*think tanks*), вовлечённые в климатическое отрицание, а также проводили различные PR-кампании с использованием рекламы, направленной на распространение среди общественности скептицизма относительно причин изменения климата. Подобные практики использовали и другие корпорации, такие как Koch Industries, Shell или British Petroleum.

Ещё одна, уже ставшая нарицательной, иллюстрация роли нефтяных корпораций в изменении климатической истории — введение в 2004 г. компанией British Petroleum (BP) концепции углеродного

⁴ Термин «антропоцен» широко используется для описания того факта, что влияние человека на биологические, геологические и климатические процессы планеты Земля сегодня стало настолько значительным, что можно говорить об отдельной геохронологической эпохе [Chakrabarty 2009].

следа (*carbon footprint*), с помощью которой каждый индивид может рассчитать выбросы, связанные с личным потреблением. Существует множество приложений для расчёта углеродного следа, и индивид может «искупить свои грехи» (р. 41), сделав пожертвования для компенсации выбросов.

В заключении главы автор объясняет сохраняющуюся мощь нефтяных компаний. По его мнению, ключевым фактором является эффект зависимости от предыдущего пути (*path dependance*): глобальная экономика и инфраструктура выстроены вокруг ископаемого топлива, и эта система воспроизводится концентрацией капитала и политического влияния у энергетических гигантов, а также страхом индивидов перед потерей рабочих мест. Кроме того, переход на «зелёную» энергию рассчитан на долгосрочную окупаемость, что малопривлекательно для инвесторов, ориентированных на быструю отдачу. Таким образом, власть корпораций проистекает из их глубокой интеграции в ткань общества, которое, по словам Н. Лумана, «понимает только “язык цен”; всё остальное — просто “шум”» [Luhmann 1989: 62] (р. 50). Несмотря на это, завершает Беккерт, государство и гражданское общество способны сыграть решающую роль в совладании с климатическим кризисом.

В следующей главе — «Нерешительное государство» («The Hesitant State») — Беккерт анализирует роль национальных государств как важных, но инертных акторов в борьбе с изменением климата (р. 52). Обладая исчерпывающими формальными полномочиями для регулирования вопросов климата, страны десятилетиями демонстрировали неэффективность принимаемых мер, поскольку оказались в ловушке краткосрочных политических циклов, партийных противоречий и тесных связей с экономикой. Эти связи выражаются как в прямом лоббировании (р. 53–55), так и в структурном давлении бизнеса. Беккерт отмечает: «Правительство, даже если бы захотело, не может просто отдавать компаниям распоряжения даже по таким экзистенциальным вопросам, как защита климата. Политики это знают. А если забывают, им об этом напоминают» (р. 53). Такой «кумовской капитализм», подчёркивает автор, наблюдается не только в авторитарных режимах, но и в парламентских демократиях, в США и Германии, где климатический вопрос стал частью «масштабной культурной войны» (р. 54–66).

Опираясь на концепции Вольфганга Штрека о «нерешительности» государства [Streeck 2014], Беккерт показывает, что государство вынуждено искать баланс между требованиями граждан (то есть своей легитимностью) и капитала. В этой дилемме краткосрочные экономические цели (такие как рост благосостояния и стабильность бюджета) практически всегда одерживают верх над долгосрочными экологическими императивами (р. 56). Климатическая политика воспринимается как угроза экономическому росту и налоговой базе государства, и граждане, чей образ жизни укоренён в идеологии безграничного роста, также сопротивляются радикальным изменениям (р. 67–68). Кроме того, важно помнить, что государство не монолитно: разные его уровни попадают в ловушки совместного принятия решений (*joint-decision traps*) [Scharpf 2001] из-за сложных бюрократических процедур и недостаточной координации (р. 70).

Беккерт заключает, что сочетание политической зависимости от экономических интересов и граждан, сложность планирования и административные ограничения парализуют политиков и препятствуют принятию эффективных климатических мер (р. 72–73).

Пятая глава — «Глобальное процветание» («Global Prosperity») — посвящена анализу фундаментального противоречия между проектом всеобщего экономического роста, обещанным капиталистической современностью, и экологическими пределами Земли. Беккерт показывает, как стремление стран Глобального Юга преодолеть бедность и «включиться в восходящую спираль роста» (р. 75) делает невозможным решение климатического кризиса в глобальном масштабе.

Отвечая на вопрос, почему на мировом уровне реакция на изменение климата остаётся неадекватной, Беккерт обращается к положению стран Глобального Юга. Их право на развитие неоспоримо

(например, 600 млн жителей Африки не имеют доступа к электричеству), но достижение ими уровня потребления развитых стран приведёт к увеличению глобальных выбросов углерода в четыре раза (р. 76–77). Кроме того, эксплуатация природных ресурсов зачастую является для них единственным способом получения доходов. Так, неравномерная структура мировой экономической системы заставляет бедные страны выбирать между развитием и сохранением климата.

Беккерт приводит яркие кейсы того, как «природа приносится в жертву на алтаре экономического роста» (р. 79), на примере Конго, Эквадора, Танзании, Египта и других стран Африки, а также Китая и Индии. Существующая мировая система работает против климатических целей через международное разделение труда, в рамках которого Юг поставляет сырьё, а страны глобального Севера становятся конечными бенефициарами (р. 81–89).

Тезис о связи климатического кризиса с геополитическими структурами власти Беккерт обсуждает и в шестой главе — «Безграничное потребление» («Consumption without Limits»), — фокусируясь на зависимости⁵ современного образа жизни от беспрецедентного в истории уровня потребления энергии. Беккерт демонстрирует, что в современности потребление превратилось в центральный социальный институт. Он ссылается на послевоенный период «тридцати славных лет» (*the trente glorieuses, the 'thirty glorious' years*) в Европе и США, когда массовое потребление стало основой экономического роста, процветания среднего класса и повышения качества жизни (р. 96–97). Кроме того, потребление в капиталистической современности стало способом реализации индивидуальной свободы и демонстрации социального статуса (р. 97–102). Всё это усиливается государством и компаниями, стимулирующими потребление ради прибыли, налогов и «успокаивающего эффекта растущего благосостояния» (р. 98, 102–103). Автор также указывает на мощную идеологическую защиту этой системы через концепцию «суверенного потребителя», которую неолиберальные мыслители, прежде всего Ф. Хайек и М. Фридмен, напрямую связывали с индивидуальностью свободой [Charbonnier 2021]. Руководители корпораций и лобби от отрасли неоднократно прибегают к этому аргументу, когда речь заходит о воздействии их продукции на окружающую среду, заявляя, что спрос определяет предложение, а ограничение спроса — это посягательство на свободу индивидов (р. 98–100).

С экологической перспективы эти тенденции, по мнению Беккерта, выглядят совсем иначе. Богатство и связанный с ним потребительский образ жизни привели к резкому росту потребления энергии и природных ресурсов, что усилило негативное воздействие на окружающую среду, указывая на напряжение между природой и механизмами капиталистической современности (р. 97–100). Вся повседневность организована вокруг энергоёмких цепочек создания стоимости, на которые индивид не может повлиять [Slater 1997; Reckwitz 2020] (р. 100–101). Рассматривая практикуемые способы климатического регулирования, Беккерт показывает, что прогрессивное налогообложение нежелательных форм потребления политически нереализуемо, так как бьёт по низшим и средним слоям (р. 103–105). Морализация рынков [Stehr, Henning, Weiler 2006] через продвижение «зелёного» потребления, снижение отходов, повышение долговечности и ремонтпригодности (*durability and reparability*) товаров на практике противоречит логике прибыли и потребительства, порождая недобросовестный экологический маркетинг (гринвошинг) и новые способы конструирования социального статуса (р. 115).

Завершая пятую главу, автор приходит к выводу, что экологически ответственное потребление становится новым полем социального неравенства и культурного раскола, на котором «бизнес и политика сосредотачиваются на стратегии обещаний (*a strategy of promises*), а потребители — на символических действиях (*symbolic surrogate actions*)» (р. 109). Таким образом, с точки зрения климата и окружающей

⁵ Снова вводя сильную метафору, Беккерт пишет: «Over the course of the past two centuries, we have become energy junkies» («За последние два столетия мы превратились в энергетических наркоманов») (р. 95).

среды парадигма потребления в капиталистической современности заходит в идеологический и практический тупик, из которого нет выхода в рамках сохранения прежней логики (р. 110–113).

Развенчивание мифа о «зелёном росте» как панацеи от климатических изменений

Пытаясь найти решение системного тупика, в котором оказалась капиталистическая современность, в седьмой и восьмой главах — «Зелёный рост» («Green Growth») и «Планетарные границы» («Planetary Boundaries») — Беккерт обращается к критическому анализу парадигмы «зелёного роста». Эта доминирующая на сегодняшний день концепция обещает преодолеть климатический кризис путём технологической декарбонизации без отказа от экономического роста и привычного образа и качества жизни (р. 117).

Автор начинает с чёткого разграничения двух базовых позиций в климатических дебатах — отрицательного роста (*degrowth*), требующего сокращения объёмов потребления и темпов производства, и «зелёного роста», нацеленного на переориентацию экономической активности путём радикального технологического поворота. Беккерт скептически относится к первой идее радикального сжатия экономики и отказа от экономического роста, поскольку считает эту программу политически невозможной в рамках капиталистической современности, так как «императив роста является структурной частью системы, основанной на конкуренции и частной собственности», а для останова этого процесса «потребовалось бы <...> поставить точку в капитализме» (р. 119). Кроме того, как уже было отмечено, отсутствие роста сопряжено с целенаправленным снижением уровня жизни в промышленно развитых странах и отказом от права на экономическое развитие в странах Глобального Юга, что неминуемо вызовет всплеск социальных конфликтов (р. 119–120).

Однако парадигма «зелёного роста», предполагающая сохранение принципа экономического роста через технологическую декарбонизацию (р. 121), также проблематична. Беккерт критикует её как попытку формирования нового социально-экономического режима (*socio-economic regime*) [Boyer 2018], который перенаправит инвестиции под нарративом декарбонизации. Его привлекательность для бизнеса заключается не в спасении природы, а в открытии новых рынков и инвестиционных потоков (р. 124–126).

Беккерт подробно анализирует два основных инструмента декарбонизации экономики, призванных воплотить этот режим в жизнь, и демонстрирует их системную несостоятельность. Сперва он рассматривает налогообложение выбросов углерода и, в частности, европейскую систему торговли квотами на выбросы — Emissions Trading System (ETS). Он показывает, что результаты этих программ довольно скромные, а сами меры грубые (*blunt*). Их эффективность подрывается низкими ценами на квоты, их избытком и спекулятивными накоплениями компаниями, а также сопротивлением со стороны потребителей из-за соответствующего роста стоимости жизни (р. 125–129). В итоге ценообразование на выбросы углерода Беккерт видит как недостаточный «кнут» для «озеленения» капитализма, поскольку рыночная модель ориентирована на политически осуществимые, а не экологически необходимые цели (р. 128–131).

Беккерт поэтому обращается ко второму возможному инструменту воплощения в жизнь парадигмы «зелёного роста», который мог бы стать «морковкой» для компаний, — «зелёным» инвестициям и ESG-финансам⁶ (р. 130). Анализ текущего рынка ESG-инвестиций показывает его не только слабую эффективность, но и обманчивость: рейтинги развития и классификации вроде европейской таксономии «экономических активностей, отвечающих целям устойчивого развития» («EU Taxonomy for

⁶ Финансовые инструменты и подходы к инвестированию, учитывающие экологические (Environmental), социальные (Social) и управленческие (Governance) факторы.

Sustainable Activities») произвольны, непрозрачны и определяются самими финансовыми игроками (р. 132–134). Таким образом, констатирует Беккерт, концепция ESG оказывается для инвесторов «фиговым листком легитимности» (р. 134), тогда как природа по-прежнему отходит на второй план. Кроме того, «зелёный рост» сталкивается с непреодолимыми политическими барьерами, когда дискуссия о климате становится инструментом властной и партийной борьбы. К этому добавляются прагматические проблемы энергосетей, накопления и сохранения энергии, логистики, нехватки сырья и специалистов. Этот аспект Беккерт демонстрирует на данных США и Германии, хотя, по уточнению самого автора, не менее показательной могла быть иллюстрация, взятая из другой страны (р. 134–136).

В дополнение технологии улавливания и хранения углерода также критикуются Беккертом как чрезмерно оптимистичная «прометеевская воля к преобразованию природы» (р. 139). Сегодняшние мощности по удалению CO₂ из воздуха пока крайне малы, а планы по их масштабированию к 2050 г. значительно превышают достижимый уровень и не подкреплены технологиями или финансированием (р. 141–142). Ставка на такие технологии в будущем, по мнению Беккерта, является «очень рискованной авантюрой» (р. 142). «Технологизм — это форма магического мышления, часть “машины обещаний”, маскирующая необходимость болезненных решений, которая объявляет даже изменение климата частью “мифа о бесконечном прогрессе”», — заключает Беккерт, солидаризируясь с исследованием А. Аппадурай и Н. Александер (р. 143) [Appadurai, Alexander 2020]. Кроме того, энергетическая трансформация запускает новый виток разрушения окружающей среды, поскольку требует огромного количества природных ресурсов (например, для производства солнечных панелей, ветряков, электромобилей), добыча которых создаёт «зоны экологических жертвоприношений» (*environmental sacrifice zones*) и генерирует огромное количество токсичных отходов. Издержки при этом концентрируются преимущественно в странах Глобального Юга (р. 147–150), а вторичное использование ценных материалов остаётся, по данным Международного энергетического агентства (International Energy Agency, IEA), на уровне 12%. По мнению Беккерта, «зелёная» экономика воспроизводит колониальные социальные структуры и не становится панацеей от поликризиса.

Общий вывод двух глав заключается в том, что парадигма «зелёного роста» — это опасная иллюзия. При «зелёной» трансформации структуры капиталистической современности остаются неизменными и планетарные границы продолжают нарушаться, поскольку сохраняется лозунг безграничного роста. Высвободившиеся ресурсы инвестируются в увеличение производства, а повышение энергоэффективности не приводит к реальной экономии энергии и достижению климатических целей. Этот феномен климатологи называют эффектом отскока (*rebound effect*), когда, например, улучшение транспортной инфраструктуры делает автомобиль ещё более привлекательным средством передвижения для большего числа людей, что, в свою очередь, приводит к увеличению транспортного потока (р. 152–153). «Климат и окружающая среда отходят на второй план, — заключает Беккерт, — для реального изменения должно произойти то, что невозможно в рамках существующих структур: спад экономической активности» (р. 154). Этот вывод ставит фундаментальный вопрос ко всей логике капиталистической современности и перспективам регулирования климатических изменений, подводя читателя к финальным размышлениям автора о будущем системы и нас в ней.

Критика утопии и поиск реалистичного пути: осторожные предложения

В заключительной девятой главе — «Что дальше?» («What Next?») — Беккерт переходит от анализа причин климатического кризиса к рассмотрению возможных путей действий в рамках существующих социально-экономических систем. Основной тезис заключается в том, что, хотя радикальная системная трансформация желательна, она неосуществима в краткосрочной перспективе, диктуемой темпами климатических изменений, поэтому необходимо сосредоточиться на реалистичных, политически достижимых мерах, которые помогут выиграть время для адаптации и смягчения последствий (р. 158).

Прежде всего автор отвергает утопические стратегии, критикуя призывы к немедленному упразднению капитализма со стороны теоретиков построста (см.: [Hickel 2020; Fraser 2022]) за то, что их фантазии лишены конкретного политического плана (р. 158–159). Автор напоминает, что климатический кризис не имеет простых решений, это гордиев узел, нуждающийся в наборе частных и адаптивных решений (р. 160). По мнению Беккерта, климатическая политика должна развиваться по трём направлениям: (1) помощь обществам в адаптации к неизбежным последствиям изменения климата; (2) ускорение декарбонизации энергетики; (3) сдерживание роста потребления ресурсов (р. 161). Предлагая инструмент для разработки климатических конкретных мер по этим направлениям, автор возвращается к аналитической модели, представленной ранее в главе 2 (см. рис. 1), выделяя три взаимозависимые сферы: экономика, политика и народ (граждане и потребители). Согласно его гипотезе, успешная климатическая политика должна учитывать логику каждой из этих сфер и использовать каналы взаимного влияния между ними (р. 163). В рамках этой модели Беккертом предложены отправные точки для реализации климатического регулирования:

- в сфере экономики, поскольку компании движимы прибылью, перемены должны происходить через изменение стимулов с помощью «финансовых пряников» (*financial carrots*) и «регуляторных кнутов» (*regulatory sticks*), включающих субсидирование экологических бизнес-моделей и введение строгих финансовых санкций за выбросы. Политика конкуренции при этом должна способствовать укреплению позиций претендентов (р. 164);
- в государственной сфере действия правительств должны быть направлены на инвестиции в защиту климата и адаптацию к его изменениям. Важную роль может сыграть правовая система, защищающая будущие поколения. Тогда ключевой задачей политиков станет «работать с избирателями для решения проблем, а не диктовать решения сверху или добиваться голосов, делая вид, что перемены не нужны» (р. 165);
- наконец, для реализации климатической политики в общественной сфере автор предлагает сосредоточиться на тех мерах адаптации, которые были бы восприняты индивидами как улучшение повседневной жизни, а также на повышении осведомлённости людей о проблеме климата. При этом климатическая политика должна быть социально дифференцированной и учитывать интересы разных социальных групп — от городского среднего класса до менее обеспеченных слоёв, для которых важнее базовые общественные блага. Ещё одним важным шагом для повышения общественной поддержки является обеспечение справедливого распределения бремени, связанного с реализацией климатической политики (р. 165–167).

Предлагая комплексную стратегию климатической политики, Беккерт, разумеется, не обходит стороной важные для него условия успеха. Во-первых, обращает внимание на то, что коммуникация климатической политики должна избегать риторики морального превосходства и снисходительного тона. При этом важно компенсировать финансовое бремя климатических мер, особенно для среднего класса и бедных слоёв населения (р. 167–168). Во-вторых, автор критикует доминировавшую в последние десятилетия неолиберальную политику в области климата, приведшую к недостаточному финансированию «зелёной» общественной инфраструктуры. Для создания необходимых условий важно расширение фискальной и монетарной политики, включая повышение налогов для наиболее богатых слоёв населения, увеличение государственного долга, введение дифференцированных процентных ставок и увеличение общих налоговых поступлений (р. 168–169). В-третьих, необходимы изменения в поведении и этике граждан: нужно усиливать ориентацию людей на общее благо, поскольку климат — это залог коллективного благополучия. Ресурсы для этого возникают в гражданском обществе; например, в локальных инициативах, климатических движениях, социальных сетях, где люди действуют не только из личной выгоды, но и из ценностных убеждений. Политика в области защиты климата должна

опираться на непосредственный жизненный опыт людей, активно вовлекать граждан в принятие решений, акцентировать важность местного самоуправления, несмотря на то что изменение климата имеет глобальный характер (р. 169–172).

Таким образом, Беккерт делает ставку на низовые общественные инициативы, способные положительно влиять на нормы и ценности общества в отношении климата (р. 171–174). Эти локальные инициативы могли бы стать «реальными утопиями» [Wright 2010], лабораториями новых моделей организации социальной жизни. Участие граждан в смягчении последствий изменения климата и адаптации к ним — это не только рациональный шаг, но и моральный долг, даже если государственная политика и поведение корпораций по-прежнему будут подчинены принципам прибыли и сохранения власти. Даже частичное замедление катастрофы станет важным достижением, которое определит, «как будут жить наши дети и внуки, и как они будут судить нас» (р. 174).

Заключение

Книга Йенса Беккерта предлагает комплексное объяснение парадокса климатического бездействия современного общества. Через призму понятия «капиталистическая современность», обозначающего сплав экономики беспредельного экономического роста, культуры потребления и индивидуализма, автор последовательно демонстрирует, как логика прибыли, краткосрочных политических циклов и потребительской идентичности блокирует необходимую трансформацию. Его анализ конфликтных отношений между тремя взаимозависимыми сферами — экономикой, государством и обществом — призван расширить наше понимание того, как (даже если идеального решения не существует) «возможно действовать мудро и ответственно в этих запутанных и сбивающих с толку обстоятельствах» (р. 11).

Междисциплинарный взгляд автора вносит значимый вклад в социологическую проблематизацию климатического и экологического кризиса, заполняя лауну между экономическими и естественнонаучными объяснительными моделями и прогнозами. Беккерт мастерски соединяет макроанализ с изучением конкретных социальных акторов, подробно размечая властные отношения, лежащие в основе климатических проблем. Для этого он привлекает концепции «политики неопределённости», «политики ожиданий» и «воображаемых сценариев будущего», раскрытые в его более ранних работах [Beckert 2016; Beckert, Bronk 2018].

Вместе с тем, важно отметить ряд уязвимостей в работе. Во-первых, несмотря на заявленную Беккертом позицию взвешенного реализма и отказ от создания очередного утопического манифеста, книга изобилует алармистскими высказываниями, которые, вплоть до заключительной главы, порой доминируют над строгим анализом. На это указывает и то, что книга богата яркими и эмоциональными метафорами, повышающими градус напряжения. В целом, на наш взгляд, в работе есть проблема с доказательностью и генерализацией, поскольку Беккерт склонен к излишним обобщениям и часто прибегает к неподкреплённым утверждениям (например, в главе о роли нефтяных компаний). Однозначность его выводов, особенно в части причин и следствий, оставляет мало места для развёрнутой дискуссии и не позволяет критически осмыслить существующие убеждения. В сведении проблемы исключительно к структурам капитализма просматривается недооценка хаотичности реальных экономических процессов и множества других культурных, технологических, географических факторов. В частности, вне анализа остались такие аспекты, как кризис экспертных систем, роль медиа или межпоколенческие различия в комплексе климатических мер.

Во-вторых, предложенная Беккертом схема практических действий для совладания с климатическим кризисом, сфокусированная на взаимодействии ответственного государства, изменений экономики и низовых гражданских инициативах, имеет выраженный демократический уклон и не учитывает ре-

алии авторитарных или гибридных режимов. Предложения автора предполагают в качестве базовой предпосылки существование независимого гражданского общества, способного оказывать давление на другие сферы, и политиков, зависящих от электоральной поддержки (р. 165). Однако экологическая повестка может использоваться для укрепления государственного контроля и легитимации существующего режима через нарратив о связке климата и безопасности [Matejová, Parker, Dauvergne 2018; Wu, Martus 2020; Allan, Lewis, Oatley 2021; Щербак, Зубарев, Семушкина 2024; Tysiachniouk et al. 2025]. Гражданские инициативы в таких условиях маргинализируются или подавляются, а механизмы предложенного Беккертом «регуляторного кнута» работают в интересах правящих элит. Таким образом, применимость выдвинутых автором рекомендаций оказывается под сомнением и требует контекстуализации, в том числе учёта не только политического режима, но и культурных особенностей [Few et al. 2020; Bremer et al. 2021]. Для этого кажется важным и интересным сфокусироваться на анализе конкретных альтернативных практик «снизу».

В целом именно в этом, на наш взгляд, заключается ключевая слабость работы. Заключительная глава книги, призванная дать читателю и обществу надежду, оказывается непропорциональна всему предыдущему нарративу. После блестящего и бескомпромиссного анализа причин бездействия предложения Беккерта сводятся к скромным мерам адаптации и подготовки к будущим ещё большим потрясениям.

Автор предлагает сосредоточиться на адаптации, а не на предотвращении катастрофы, что расходится с позицией значительной части научного сообщества и ставит самого автора в тупик. С одной стороны, он констатирует необратимость катастрофы и показывает, каким образом из-за краткосрочных интересов корпораций, избирателей и государств будущее продаётся ради настоящего. С другой стороны, в своих предложениях Беккерт ограничивается частичными действиями, обосновывая это тем, что катастрофу уже не удастся предотвратить. Тем самым Беккерт, по сути, легитимирует ту самую политику откладывания, которую сам же блестяще критикует. Объявляя попытки комплексной социальной трансформации тщетными, он оставляет читателей, потребителей, граждан один на один с катастрофой, побуждая их из соображений морального долга совершать заведомо неэффективные (по его собственному признанию) действия. Это не только не позволяет сформулировать систему действенных мер в отношении изменений климата, но и ведёт к целостному пессимизму относительно поликризиса и отказу от поиска ответов на современные вызовы. Более того, взгляд Беккерта на общество как на самовоспроизводящуюся систему подрывает потенциал коллективного политического действия, которое и могло бы бросить вызов капиталистическому порядку, и запустить радикальные социальные трансформации [Kampmann 2026].

Наконец, нельзя обойти вниманием и издательские недоработки в тексте: работа порой выглядит неаккуратно и теряет в убедительности, поскольку не все эмпирические данные и тезисы подтверждены ссылками, а для некоторых академических источников отсутствуют полные библиографические описания, что затрудняет верификацию и углублённое изучение затронутых сюжетов.

Несмотря на все перечисленные недостатки, рецензируемая книга Йенса Беккерта, безусловно, представляет значительную ценность для академического сообщества, особенно экономсоциологов, поскольку является важным, систематизированным и актуальным аналитическим текстом, использующим концептуальный аппарат дисциплины для декомпозиции климатического кризиса. Для практиков в области климатической политики (как политиков, так и активистов) важна предлагаемая осуществимая рамка для действий, заключающаяся в конкретных реализуемых шагах и учитывающая сопротивление разных социальных групп и транслируемых ими интересов. Беккерт трезво показывает, что «распродажа» будущего — неотъемлемая часть нашей экономической и социальной системы, которую мы не можем полностью искоренить (р. 150), поэтому его книга — и диагноз, и приглашение к сложной аналитической работе в рамках существующих многогранных обстоятельств современности, что и является, вероятно, основным достоинством книги.

Литература

- Лебедева Д. Р. 2023. Искать сходства, а не различия: пять архетипов экосоциальных отношений. Рецензия на книгу: Kennedy E. H. 2022. *Eco-Types: Five Ways of Caring about the Environment*. Princeton, NJ: Princeton University Press. *Экономическая социология*. 24 (4): 145–161. Электронный ресурс [режим доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/09/27/2060018867/ecsoc_t4_n4.pdf#page=145 (дата обращения: 5 марта 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2023-4-145-161.
- Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. 2024. «Зелёные» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем. *Мир России*. 33 (1): 84–114. doi: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114.
- Allan B., Lewis J., Oatley T. 2021. Green Industrial Policy and the Global Transformation of Climate Politics. *Global Environmental Politics*. 21 (4): 1–19. doi: 10.1162/glep_a_00640.
- Appadurai A., Alexander N. 2020. *Failure*. Cambridge: Polity Press.
- Beckert J. 2016. *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Beckert J. 2024. *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Beckert J., Bronk R. (eds). 2018. *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy*. Oxford: Oxford University Press.
- Benjamin W. 1999. Surrealism: The Last Snapshot of the European Intelligentsia. In: Benjamin W. *Selected Writings* (ed. M. W. Jennings). 2 (1). Cambridge, MA: Belknap Press; 207–221.
- Boyer R. 2018. Expectations, Narratives, and Socio-Economic Regimes. In: Beckert J., Bronk R. (eds) *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy*. Oxford: Oxford University Press; 39–61.
- Brandt A. M. 2012. Inventing Conflicts of Interest: A History of Tobacco Industry Tactics. *American Journal of Public Health*. 102 (1): 63–71. doi: 10.2105/AJPH.2011.300292.
- Bremer S. et al. 2021. Beyond Rules: How Institutional Cultures and Climate Governance Interact. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 12 (6): e739. doi: 10.1002/wcc.739.
- Chakrabarty D. 2009. The Climate of History: Four Theses. *Critical Inquiry*. 35 (2): 197–222. doi: 10.1086/596640.
- Chakrabarty D. 2021. *The Climate of History in a Planetary Age*. Delhi: Primus Books.
- Charbonnier P. 2021. *Affluence and Freedom: An Environmental History of Political Ideas*. Cambridge: Polity Press.
- Daston L. 1995. How Nature Became the Other: Anthropomorphism and Anthropocentrism in Early Modern Natural Philosophy. In: Maasen S. et al. (eds). *Biology as Society, Society as Biology: Metaphors*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers; 37–56.

- Descola P. 2013. *Beyond Nature and Culture*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Engels A. 2020. Climate Change — What Economic Sociology Has to Offer. *economic sociology_the european electronic newsletter*. 22 (1): 1–4. Available at: https://econsoc.mpifg.de/42836/econ_soc_22-1.pdf (accessed 18 February 2026).
- Few R. et al. 2020. Culture as a mediator of climate change adaptation: Neither static nor unidirectional. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 12 (1): e687. doi: 10.1002/wcc.687.
- Fraser N. 2022. *Cannibal Capitalism: How Our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet — And What We Can Do about It*. London: Fraser Verso.
- Gabric A. J. 2023. The Climate Change Crisis: A Review of Its Causes and Possible Responses. *Atmosphere*. 14 (7): 1081. doi: 10.3390/atmos14071081.
- Hickel J. 2020. *Less Is More: How Degrowth Will Save the World*. London: William Heinemann.
- Hock M. 2023. Die Finanzbranche sollte ein Beispiel geben. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 14 January. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/finanzen/fondsgesellschaft-brauchen-ein-klima-bretton-woods-18591986.html> (accessed 18 February 2026).
- Kampmann D. 2026. Is it Really Too Late? On Recent Debates About the Climate Crisis, Capitalism, and the Question of Transition. *The British Journal of Sociology*. 77 (2): 392–398. doi: 10.1111/1468-4446.70056
- Koselleck R. 2004. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Luhmann N. 1989. *Ecological Communication*. Chicago: University of Chicago Press.
- Martin-Amouroux J.-M. 2022. World Energy Consumption 1800–2000: The Results. *Encyclopédie de l'énergie*. 14 March. Available at: <https://www.encyclopedie-energie.org/en/world-energy-consumption-1800-2000-results/> (accessed 18 February 2026).
- Matejová M., Parker S., Dauvergne P. 2018. The Politics of Repressing Environmentalists as Agents of Foreign Influence. *Australian Journal of International Affairs*. 72 (8): 1–18. doi: 10.1080/10357718.2017.1421141
- Moore J. W. 2015. *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London: Verso Press.
- Reckwitz A. 2000. The Society of Singularities. In: Bachmann-Medick D., Kugele J., Nünning A. (eds) *Futures of the Study of Culture: Interdisciplinary Perspectives, Global Challenges (Concepts for the Study of Culture, 8)*. Berlin: De Gruyter; 141–154.
- Scharpf F. W. 2001. Notes Toward a Theory of Multilevel Governing in Europe. *Scandinavian Political Studies*. 24 (1): 1–26.
- Slater D. 1997. *Consumer Culture and Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Stehr N., Henning C., Weiler B. (eds). 2006. *The Moralization of the Markets*. New Brunswick, NJ: Transaction Publisher.

- Streeck W. 2014. *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso.
- Tysiachniouk M. S. et al. 2025. Liberal Spaces in an Illiberal Regime: Environmental NGOs, State Sovereignty and the Struggle for Nature. *Territory, Politics, Governance*. 13 (6): 773–792.
- United Nations. 2019. *Secretary-General's remarks to Climate Summit Preparatory Meeting*. 30 June. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statements/2019-06-30/secretary-generals-remarks-climate-summit-preparatory-meeting> (accessed 18 February 2026).
- Wansleben L. 2024. Ecologizing Economic Sociology. *economic sociology. perspectives and conversations*. 26 (1): 1–5. Available at: https://econsoc.mpifg.de/49703/econ_soc_26-1.pdf (accessed 18 February 2026).
- Wright E. O. 2010. *Envisioning Real Utopias*. London: Verso.
- Wu F., Martus E. 2020. Contested Environmentalism: The Politics of Waste in China and Russia. *Environmental Politics*. 30 (4): 493–512. doi: [10.1080/09644016.2020.1816367](https://doi.org/10.1080/09644016.2020.1816367).

Daria Lebedeva

The Climate Crisis as an Economic Sociology Problem

Book Review: Beckert J. (2024) *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*, Cambridge: Polity Press (translated by Ray Cunningham). 227 p.

LEBEDEVA, Daria —

Candidate of Sociological Sciences, Junior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Lecturer, Department of Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

Abstract

Recently, anthropogenic climate change as a result of human activity during the Industrial Revolution, linked to accelerated fossil fuel combustion, greenhouse gas emissions, land-use change, and deforestation, has reached its peak and has been termed a climate crisis. From a social science perspective, the climate crisis is not only, and not so much, a geophysical phenomenon as a socioeconomic and political failure, an inevitable product of structural capitalist modernity. The latest book of Jens Beckert, Professor of Sociology and Director at the Max Planck Institute for the Study of Societies at Cologne ‘How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change’ offers a systematic analysis of why modern societies are unable to respond adequately to the climate crisis. The author provides a structural diagnosis of systemic

impasse and climate inaction, explaining why the pressure of the economic growth paradigm within capitalism is too strong to allow for a timely response to the climate crisis. Through the lens of ‘capitalist modernity’, Beckert demonstrates how the fusion of economic institutions (profit orientation, competition, credit), political structures (the state, multi-level governance, lobbying), and cultural patterns (individualism, belief in progress, nature as a resource) blocks necessary transformations. He systematically shows how the logic of short-term gain shapes the behavior of key actors: oil corporations employing the ‘politics of uncertainty’ and the ‘politics of expectations’; states trapped in electoral cycles and dependent on business; and consumers whose identities are embedded in a culture of limitless consumption. Particular attention is devoted to critiquing the paradigm of ‘green growth’, which Beckert argues is a dangerous illusion that leaves the structures of capitalist modernity unchanged. In developing climate policy measures, the author adopts a stance of ‘considered realism’, placing hope in grassroots civic initiatives and the pursuit of politically feasible policies that account for the interests of the state, the economy, and society. The book makes a significant contribution to economic sociology by offering a conceptual framework for understanding the climate crisis as a failure not only of the market, but also of the state and culture.

Keywords: climate crisis; polycrisis; capitalist modernity; green growth; climate policy; market failure; civil society.

Acknowledgements

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2025.

References

Allan B., Lewis J., Oatley T. (2021) Green Industrial Policy and the Global Transformation of Climate Politics. *Global Environmental Politics*, vol. 21, no 4, pp. 1–19. doi: [10.1162/glep_a_00640](https://doi.org/10.1162/glep_a_00640).

- Appadurai A., Alexander N. (2020) *Failure*, Cambridge: Polity Press.
- Beckert J. (2016) *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Beckert J. (2024) *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*, Cambridge: Polity Press.
- Beckert J., Bronk R. (eds). (2018) *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Benjamin W. (1999) Surrealism: The Last Snapshot of the European Intelligentsia. *Selected Writings* (ed. M. W. Jennings), vol. 2, part 1, Cambridge, MA: Belknap Press, pp. 207–221.
- Boyer R. (2018) Expectations, Narratives, and Socio-Economic Regimes. *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy* (eds. J. Beckert, R. Bronk), Oxford: Oxford University Press, pp. 39–61.
- Brandt A. M. (2012) Inventing Conflicts of Interest: A History of Tobacco Industry Tactics. *American Journal of Public Health*, vol. 102, no 1, pp. 63–71. doi: [10.2105/AJPH.2011.300292](https://doi.org/10.2105/AJPH.2011.300292).
- Bremer S., Glavovic B., Meisch S., Schneider P., Wardekker A. (2021) Beyond Rules: How Institutional Cultures and Climate Governance Interact. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, vol. 12, no 6, art. e739. doi: [10.1002/wcc.739](https://doi.org/10.1002/wcc.739).
- Chakrabarty D. (2009) The Climate of History: Four Theses. *Critical Inquiry*, vol. 35, no 2, pp. 197–222. doi: [10.1086/596640](https://doi.org/10.1086/596640).
- Chakrabarty D. (2021) *The Climate of History in a Planetary Age*, Delhi: Primus Books.
- Charbonnier P. (2021) *Affluence and Freedom: An Environmental History of Political Ideas*, Cambridge: Polity Press.
- Daston L. (1995) How Nature Became the Other: Anthropomorphism and Anthropocentrism in Early Modern Natural Philosophy. *Biology as Society, Society as Biology: Metaphors* (eds. S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart), Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, pp. 37–56.
- Descola P. (2013) *Beyond Nature and Culture*, Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Engels A. (2020) Climate Change — What Economic Sociology Has to Offer. *economic sociology_ the european electronic newsletter*, vol. 22, no 1, pp. 1–4. Available at: https://econsoc.mpifg.de/42836/econ_soc_22-1.pdf (accessed 18 February 2026).
- Few R., Spear D., Singh C., Tebboth M., Davies J., Thompson-Hall M. (2020) Culture as a Mediator of Climate Change Adaptation: Neither Static nor Unidirectional. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, vol. 12, no 1, art. e687. doi: [10.1002/wcc.68](https://doi.org/10.1002/wcc.68).
- Fraser N. (2022) *Cannibal Capitalism: How Our System Is Devouring Democracy, Care, and the Planet — And What We Can Do about It*, London: Fraser Verso.

- Gabric A. J. (2023) The Climate Change Crisis: A Review of Its Causes and Possible Responses. *Atmosphere*, vol. 14, no 7, art. 1081. doi: [10.3390/atmos14071081](https://doi.org/10.3390/atmos14071081).
- Hickel J. (2020) *Less Is More: How Degrowth Will Save the World*, London: William Heinemann.
- Hock M. (2023) Die Finanzbranche sollte ein Beispiel geben. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 14 January. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/finanzen/fondsgesellschaft-brauchen-ein-klima-bretton-woods-18591986.html> (accessed 18 February 2026).
- Kampmann D. (2026) Is it Really Too Late? On Recent Debates About the Climate Crisis, Capitalism, and the Question of Transition. *The British Journal of Sociology*, vol. 77, no 2, pp. 392–398. doi: [10.1111/1468-4446.70056](https://doi.org/10.1111/1468-4446.70056).
- Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, New York: Columbia University Press.
- Lebedeva D. (2023) Iskat skhodstva, a ne razlichiya: pyat arkhetyпов ekosotsialnykh otnosheniy [Seek Similarities, Not Differences: Five Eco-Social Relationship Archetypes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 4, pp. 145–161. doi: [10.17323/1726-3247-2023-4-145-161](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-145-161) (in Russian).
- Luhmann N. (1989) *Ecological Communication*, Chicago: University of Chicago Press.
- Martin-Amouroux J.-M. (2022) World Energy Consumption 1800-2000: The Results. *Encyclopédie de l'énergie*, 14 March. Available at: <https://www.encyclopedie-energie.org/en/world-energy-consumption-1800-2000-results/> (accessed 18 February 2026).
- Matejová M., Parker S., Dauvergne P. (2018) The Politics of Repressing Environmentalists as Agents of Foreign Influence. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 72, no 8, pp. 1–18. doi: [10.1080/10357718.2017.1421141](https://doi.org/10.1080/10357718.2017.1421141).
- Moore J. W. (2015) *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*, London: Verso Press.
- Reckwitz A. (2000) The Society of Singularities. *Futures of the Study of Culture: Interdisciplinary Perspectives, Global Challenges (Concepts for the Study of Culture, 8)* (eds. D. Bachmann-Medick, J. Kugele, A. Nünning), Berlin: De Gruyter, pp. 141–154.
- Scharpf F. W. (2001) Notes Toward a Theory of Multilevel Governing in Europe. *Scandinavian Political Studies*, vol. 24, no 1, pp. 1–26.
- Shcherbak A. N., Zubarev N. S., Semushkina E. S. (2024) “Green” Guardians: Russian Conservatives’ Views on Solving Environmental Problems [«Zelenyye» okhraniteli: vzglyady rossiyskikh konservatorov na resheniye ekologicheskikh problem]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 33, no 1, pp. 84–114. doi: [10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114) (in Russian).
- Slater D. (1997) *Consumer Culture and Modernity*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Stehr N., Henning C., Weiler B. (eds) (2006) *The Moralization of the Markets*, New Brunswick, NJ: Transaction Publisher.

Streeck W. (2014) *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*, London: Verso.

Tysiachniouk M. S., Tulaeva S. A., Kotilainen J., Henry L. A. (2025) Liberal Spaces in An Illiberal Regime: Environmental Ngos, State Sovereignty and the Struggle for Nature. *Territory, Politics, Governance*, vol. 13, no 6, pp. 773–792.

United Nations. (2019) *Secretary-General's remarks to Climate Summit Preparatory Meeting*. 30 June. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statements/2019-06-30/secretary-generals-remarks-climate-summit-preparatory-meeting> (accessed 18 February 2026).

Wansleben L. (2024) Ecologizing Economic Sociology. *economic sociology. perspectives and conversations*, vol. 26, no 1, pp. 1–5. Available at: https://econsoc.mpifg.de/49703/econ_soc_26-1.pdf (accessed 18 February 2026).

Wright E. O. (2010) *Envisioning Real Utopias*, London: Verso.

Wu F., Martus E. (2020) Contested Environmentalism: The Politics of Waste in China and Russia. *Environmental Politics*, vol. 30, no 4, pp. 493–512.

Received: February 24, 2026

Citation: Lebedeva D. (2026) Klimaticheskiy krizis kak ekonomsotsiologicheskaya problema [The Climate Crisis as an Economic Sociology Problem. Book Review: Beckert J. (2024) *How We Sold Our Future: The Failure to Fight Climate Change*, Cambridge: Polity Press (translated by Ray Cunningham). 227 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 2, pp. 149–167. doi: [10.17323/1726-3247-2026-2-149-167](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-2-149-167) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

XXVI Апрельская международная научная конференция имени Е. Г. Ясина, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 14–17 апреля 2026 г.

Круглый стол «Авторство в эпоху искусственного интеллекта: к 25-летию электронных журналов “Экономическая социология” и “Социологическое обозрение”»

Дата проведения: 15 апреля (среда) 2016 г., начало в 14.30

Место проведения: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Модераторы: В. В. Радаев, А. Ф. Филиппов

Понятие «авторство» и связанные с ним проблемы в эпоху развития искусственного интеллекта (ИИ) стали одной из центральных тем для обсуждения в минувшем году. Издателей и редакторов журналов этот вопрос затрагивает в значительной степени. Получая текст для публикации, мы в нарастающей степени испытываем беспокойство: всегда ли можно быть уверенными, что текст написан реальным автором, живым человеком, несущим ответственность за содержание, за данные, которыми он оперирует, за ссылки на источники и — что оказывается неожиданно одним из центров внимания удручённых комментаторов — за гарантированное его, автора, интеллектуальным усилием подтверждение фактического наличия тех публикаций, на которые он ссылается?

Всё это порождает ряд проблем, часть которых имеет сугубо технический характер и, по крайней мере, в настоящее время с большим или меньшим успехом может быть решена как традиционными методами борьбы с плагиатом и прочими проявлениями недобросовестности авторов, так и путём использования того самого ИИ, который предположительно мог быть слишком широко задействован при подготовке текстов.

Однако, помимо технических проблем, есть ещё социальные и социологические. Они начинаются, собственно, с главных вопросов социологии, с того, что один философ, говоря о природе человека, назвал радикальным авторством. До сих пор, несмотря на развитие разного рода систем, мы могли исходить из того, что единственным подлинным автором всякого действия является именно человек, в том

числе и человек, запускающий неподвластную его контролю цепочку причин и следствий. Невзирая на то что «смерть автора» (Р. Барт) уже больше полувека перестала быть новинкой в литературоведении и исследованиях культуры, кто-то же должен произвести текст, прежде чем «умереть» как автор. Это и позволяло рассматривать социальное действие как текст (П. Рикер). Можем ли мы сказать, что всему этому пришёл конец (точнее, что мы переживаем конец эпохи радикального авторства и вместе с ней теряем основания для применения значительной части аппарата социальных и гуманитарных наук)? Этот разговор мы хотели бы провести вместе с обсуждением тех неотложных задач, которые и составляют повседневную жизнь научных журналов.

Возможные вопросы:

- Кто является автором текста, созданного ИИ?
- Как распределяется ответственность за содержание текста между автором (то есть человеком) и ИИ?
- Какие практики использования инструментов искусственного интеллекта сегодня распространены среди авторов научных текстов?
- Какие идеи и теории могут быть полезными для объяснения наблюдаемых трансформаций авторства?
- Какова должна быть политика научных журналов в отношении использования авторами инструментов ИИ?

Ключевые спикеры:

В. В. Радаев, доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Экономическая социология»;

А. Ф. Филиппов, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Социологическое обозрение»;

В. А. Куренной, кандидат философских наук, профессор;

С. С. Бирюкова, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, ответственный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»;

С. В. Львов, кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 2.
Март 2026

Электронный журнал
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 2.
March 2026

Electronic journal
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>